

М. И. БОБНЕВА

СОЦИАЛЬНЫЕ
НОРМЫ
И РЕГУЛЯЦИЯ
ПОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ

М. И. БОБНЕВА

СОЦИАЛЬНЫЕ
НОРМЫ
И РЕГУЛЯЦИЯ
ПОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1978

В работе рассматриваются методологические проблемы изучения психологических механизмов действия социальных норм — важнейших средств социальной регуляции поведения человека и коллективов. Автор уделяет особое внимание анализу функций социальных норм, их отражению в сознании, а также анализу группового взаимодействия как условия социальной перестройки личности. Книга предназначена для психологов, социологов, юристов и практических работников.

Ответственный редактор

доктор философских наук

Е. В. ШОРОХОВА

Б 10508—040
042(02)—77 146—77

© Издательство «Наука», 1978 г.

ВВЕДЕНИЕ

Поведение человека в обществе сложно детерминировано. Оно определяется рядом внешних и внутренних факторов¹. Социальные нормы — важнейшие средства социальной регуляции поведения. С их помощью общество в целом и различные социальные группы, вырабатывающие эти нормы, предъявляют своим членам требования, которым должно удовлетворять их поведение, направляют, регулируют, контролируют и оценивают это поведение.

В самом общем смысле слова нормативная регуляция означает, что индивиду или группе в целом предписывается, «задается» определенный — должный — вид поведения, его форма, тот или иной способ достижения цели, реализации намерений и т. д., «задаются» должная форма и характер отношений и взаимодействий людей в обществе, а реальное поведение людей и отношения членов общества и различных социальных групп программируются и оцениваются в соответствии с этими предписанными, «заданными» стандартами — нормами.

Социальные нормы как установления, модели, эталоны должного с точки зрения общества в целом и социальных групп и их членов поведения являются наиболее распространенными и эффективными средствами социальной регуляции и социального контроля при решении ряда социальных задач. Значение социальных норм определяется их ролью и функциями в обществе, их назначением. В свете поставленных XXV съездом КПСС задач социального развития нашего общества, совершенство-

¹ См. разработку этих вопросов в работе: Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976.

вания управления социальными процессами, нравственного развития граждан социальная нормативная регуляция приобретает особую актуальность. Социальные нормы оказываются важнейшими средствами формирования поведения и личности человека — члена социалистического общества.

Социальное развитие человека как гражданина предполагает, что основанием для выбора человеком тех или иных вариантов и форм поведения, отношений и оценок становятся социальные нормы передовых, прогрессивных групп общества, нормы, соответствующие высшим ценностям общества. Но такое поведение оказывается возможным лишь в результате сложной психологической перестройки поведения и всей личности человека. Следование социальным нормам, отвечающим идеалам общества, — результат сложного психологического процесса развития сознания, нравственных убеждений и ценностных систем личности, навыков социального поведения, результат перестройки мотивационной системы, системы внутренних регуляторов поведения — ценностных ориентаций и установок, систем личностных смыслов и значений, преобразования свойств личности.

На основе общепринятых, формализованных, закреплённых в правовых кодексах социальных норм в соответствии с основными идеалами и ценностями общества формируется огромное число «вторичных», «производных» социальных норм, фактически регламентирующих все стороны жизни общества, все формы поведения людей. Эти «вторичные», «производные» нормы, специфичные для различных сфер поведения людей и отношений между ними, не менее существенны для регламентации повседневного реального поведения. Усвоение систем этих норм, следование им в реальном повседневном поведении определяют все формы взаимоотношений и действий людей в непосредственном общении, в выборе целей и способов их достижения в обыденной жизни.

Эффективность многообразных систем социальных норм как внешних социальных средств регуляции поведения человека зависит как от общего характера этих норм и уровня организации всей жизни общества в соответствии с высшими нормативно-ценностными системами, так и от развития человека как члена общества, от нормативной перестройки личности и поведения человека,

В свете изложенного особую актуальность приобретают исследования в области механизмов действия социальных норм и закономерностей нормативного поведения. Социальные нормы и различные аспекты их действия изучаются комплексом общественных дисциплин — социологией, этикой, юриспруденцией, научными дисциплинами, связанными с разработкой проблем управления, и др. Но в силу своей специфики указанные дисциплины не могут выявить закономерности и механизмы действия социальных норм на уровне поведения индивида, на уровне сознания и внутренних, личностных механизмов регуляции поведения. Их выявление — задача социальной психологии. Значение социально-психологического изучения механизмов действия социальных норм и закономерностей социального поведения человека определяется прежде всего тем фактом, что без точных научных данных о таких закономерностях и механизмах оказывается невозможным управление процессом целенаправленного психического развития личности, управление процессом социальной перестройки поведения и личности.

В последние годы в нашей стране появились содержательные работы, посвященные проблемам нормативной регуляции поведения². Однако в них собственно психологические и социально-психологические аспекты были затронуты лишь поверхностно, в общем плане. Социальные психологи все еще не уделяют необходимого внимания указанным проблемам³. Перед нами стала задача разработки прежде всего методологических и теоретических основ социально-психологического анализа механизмов действия социальных норм на уровне сознания и поведения личности, анализа особенностей именно психологических и социально-психологических закономерностей нормативного поведения человека. Но разработка этих проблем не была самоцелью. Мы стремились в основном выявить специфику, возможности и задачи эмпирического социально-психологического изучения социальных норм и закономерностей поведения человека. Анализ специфики социальных норм как средств соци-

² См., например: Пеньков Е. М. Социальные нормы — регуляторы поведения личности. М., 1972; Архангельский Л. М. Социально-этические проблемы теории личности. М., 1974; и др.

³ Специальные работы отмечены в соответствующих разделах.

альной регуляции поведения и изучение теоретических и методологических проблем и социально-психологических закономерностей нормативного поведения позволили нам разработать и апробировать в специальном полевом и экспериментальном исследовании некоторые возможные социально-психологические методы, методики, приемы и процедуры исследования социальных норм и механизмов поведения. В ходе эмпирического и экспериментального исследования были также получены оригинальные данные о закономерностях нормативного поведения. Результаты этих исследований и представлены в данной монографии.

Настоящая работа осуществлялась в русле разработки более общей темы — изучения психологических проблем и механизмов социальной регуляции поведения.

СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ КАК СРЕДСТВА СОЦИАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ

В обществе и в различных социальных макрогруппах общества, равно как и в малых группах, вырабатываются и используются многообразные системы норм, эталонов и стандартов поведения и отношений между людьми, членами этих групп.

От прочих видов норм, используемых в обществе, собственно социальные нормы отличаются сферой действия, способом формирования, содержанием, функциями, способами подкрепления — санкционирования, механизмами распространения и действия.

Изучение психологических и социально-психологических механизмов действия социальных норм, психологических и социально-психологических закономерностей нормативного поведения человека возможно лишь при выявлении и учете специфики социальных норм как средств социальной регуляции поведения. Определения категории «социальных норм», их атрибутивных свойств, специфики, функций, видов и классов осуществляется в основном в рамках социологии, этики, юриспруденции, теории управления и прочих смежных дисциплин. Однако для разработки методологических и теоретических основ и подходов к социально-психологическим проблемам в этой области, а главное в целях разработки проблем эмпирического исследования, специфика и основные свойства социальных норм должны быть рассмотрены особо, именно под углом зрения влияния социальных норм на поведение человека. В данной главе мы определяем социальные нормы как регуляторы социальных взаимодействий групп и их членов, рассматриваем основные характеристики социальных норм, их виды и классы, функции и назначение.

1. СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ — РЕГУЛЯТОРЫ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ ЛЮДЕЙ

Социальные нормы макроструктурных групп (примеры и специфика)

Социальные отношения, взаимодействия, формы социального поведения людей формируются и осуществляются прежде всего в рамках макроструктуры общества.

Общий характер и формы взаимодействия социальных групп и отдельных индивидов в обществе обусловлены социально-экономической формацией, производственными отношениями, классовой структурой общества, типом общественных (антагонистических или неантагонистических) отношений. Макросоциальные группы и большие общности выделяются на основе макрогруппового признака — положения в системе общественного производства и распределения, отношения к собственности и системе власти, а также идеологических, демографических, этнических, религиозных и других показателей.

Отношения, зависимости, взаимодействия макроструктурных социальных групп и их членов определены и обусловлены в первую очередь их положением в макроструктуре общества, объективными отношениями и связями между этими макрогруппами общества. Эти объективные отношения и связи должны быть представлены — презентированы — членам различных социальных групп таким образом, чтобы они могли бы оказать влияние на поведение людей, входящих в эти макросоциальные группы. Такая презентация объективных отношений и зависимостей осуществляется с помощью социальных норм.

Все социальные группы вырабатывают нормы как средства для оформления, спецификации, упорядочивания, регулирования и оценивания отношений и взаимодействий людей — «носителей» этих макрогрупповых признаков. Примерами могут служить нормативная регламентация и регуляция отношений и взаимодействий представителей групп, образованных по демографическим признакам. Так, форма, характер, содержание отноше-

ний и поведение лиц разных полов, разных возрастных групп на всех этапах развития общества регулируются многочисленными социальными нормами. На примере изменения подобных социальных норм на различных этапах развития общества прослеживаются исторический характер и историческая обусловленность этих норм.

Более сложными для изучения являются нормативные системы, регламентирующие социальные отношения и взаимодействия макросоциальных групп, образованных по признакам положения этих групп в социальной макроструктуре общества.

Классики марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали исторический характер систем социальных норм общества и его макрогрупп. Смена социально-экономических формаций, изменение классовой структуры общества, властных и зависимых отношений рассматриваются в марксистской философии и социологии как основа и причина изменений в образе жизни, быте, укладах, формах поведения членов общества и различных общностей.

Особое значение для нашей работы имеют положения К. Маркса и Ф. Энгельса о социализме и коммунизме как специфических и высших, подлинно человеческих формах общения людей¹. Социальные нормы и сложные нормативные системы общества и призваны регламентировать реальные, протекающие в конкретных условиях, конкретные акты общения и взаимодействия, но обусловленные общим типом социально-экономической формации и прочими социальными факторами.

Различные социально-экономические формации используют социальные нормы в конкретных исторических условиях². Сравнительный анализ систем норм различных обществ и групп, а также изучение специфики этих систем позволяет выявить общие и частные характеристики этих средств социальной регуляции поведения. В данной работе мы попытались отметить лишь те свой-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956; Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3; т. 46, ч. II.

² Вопрос о классовой и исторической природе социальных норм специально рассмотрен в работах: Пеньков Е. М. Социальные нормы — регуляторы поведения личности. М., 1972; Дробницкий О. Г. Понятие морали. М., 1974; и др.

ства социальных норм, которые существенны, с нашей точки зрения, при изучении психологических механизмов их действия.

Для изучения особенностей социальных норм как социальных средств регуляции поведения индивида особый интерес представляет нормативная регламентация зависимостей, взаимодействий социальных групп и классов сословного общества. Современная социология, к сожалению, недостаточно детально изучает социальные отношения групп сословно-классового общества. Но именно отношения представителей различных сословий, их взаимодействия и зависимости, а также отношения представителей одного и того же сословия наиболее явно и жестко нормативно предписываются, регламентируются, оцениваются. Системы сословных норм охватывают все сферы поведения и жизнедеятельности людей в сословном обществе. Приведем лишь два примера таких норм, использовавшихся в обыденной жизни. В сословно-классовом обществе дореволюционной России были широко распространены нормы особых отношений в быходе между священнослужителями и мирянами. Так, независимо от своего сословного положения, любой мирянин должен был отойти в сторону — сойти с тротуара, когда ему навстречу шел священнослужитель. Модификацией сходной сословной нормы, ставшей уставной в армии дореволюционной России, была норма, согласно которой офицер в форме не имел права что-либо нести в руках. Требовалось, чтобы вещи офицера всегда несли денщик. Хотя «офицерское сословие» формально не было включено в классово-сословную структуру дореволюционной России, тем не менее упомянутую норму мы относим именно к сословным нормам прежде всего потому, что в ней нашли отражение сословные социальные отношения и зависимости, в частности формы личной зависимости представителей низших сословий от представителей сословий высших, специфичные именно для типа социальной зависимости в сословно-классовом обществе.

На примерах подобных социальных норм можно проследить, как абстрактные, непersonифицированные отношения и зависимости с помощью социальных норм облачаются в образную, конкретную форму, соотношенную с особыми условиями, в которых осуществляются эти от-

ношения. Именно в таком образном, символическом виде требования различных социальных групп предъявляются людям, входящим в эти общности и социальные группы. Норма конкретно указывает и предписывает определенную форму поведения в определенных условиях. Эта норма превращается в символ более общих, более абстрактных отношений и зависимостей. Возможно, подобная символичность норм соотносится именно с типичной формой отношений зависимости в сословном обществе — личностной зависимостью людей. Личностная зависимость была характерна не только для отношений между представителями низших и высших сословий. Детальная нормативная регламентация поведения человека, подчас даже более жесткая в высших сословиях (знаменитое *poblesse oblige*), являлась лишь своеобразной формой и модификацией общего типа социальной зависимости людей как личностной зависимости³.

Социальные нормы, порожденные этим типом социальных отношений — полной и жесткой зависимостью личности от предписанной ей социально-экономической формацией позиции в структуре общества, отображают не только исторические условия и комплекс общественных отношений, но и представления о личности человека, распространенные в том или ином сословно-классовом обществе. Социальные нормы личностной зависимости различны в обществах, относящихся к одной формации. Отношения суверена и вассала регулировались иными нормами личностной зависимости, чем отношения помещика и крепостного. Социальные нормы, отражавшие религиозную норму «перед богом все равны», дополнялись иерархическими нормами «отношений с богом-абсолютом» священнослужителей и мирян, а также нормами неравных отношений с богом представителей церковной иерархии.

Социальные нормы сословий оформляли быт представителей того или иного сословия. Сословный быт пре-

³ Вспомним Пушкина: «Как изменилася Татьяна!
Как твердо в роль свою вошла!
Как утеснительного сана
Приемы скоро приняла!»
(Собр. соч. в десяти томах, т. 5, с. 178.)

вращался в сложную форму социальной жизни, общения, взаимоотношений. Кодексы «сословной части», всевозможные уставы многообразных организаций, объединений, братств, сообществ — примеры нормативных систем этого общества ⁴.

Общий тип и характер отношений и зависимостей, существующих в обществе, должен быть «презентирован», предъявлен индивиду и реализован в индивидуальной форме. С нашей точки зрения, это в значительной мере и обуславливает красочность, образность социальных норм сословного общества ⁵. Социальные нормы этого типа тесно связаны с ритуалами, обрядами, обычаями и другими формами регуляции социального поведения.

Советскими учеными собран и проанализирован большой материал о специфике социальных норм, включенных в эти формы регуляции социального поведения ⁶.

⁴ См., например, описание нормативных систем различных групп феодального общества в кн.: *Шустер Г.* Тайные общества, союзы и ордена, т. 1—2. СПб., 1905.

⁵ Красочность и образность социальных норм служили в известной мере питательной средой искусства сословного общества. Собственно вся дореволюционная русская литература использует «типы» и нормы сословного общества в качестве материала для построения художественных образов. В некоторых случаях образ буквально идентичен формулировке нормы («ниже тоненькой былиночки надо голову клонить, чтобы бедной сиротинчке беспечно жизнью прожить»). Проблема соотношения социальной нормы и художественного образа, как и вообще отображения социальных норм в искусстве, представляет, на наш взгляд, исключительный интерес. Материал для анализа этой проблемы содержит, например, работы М. М. Бахтина (*Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963; *он же.* Творчество Франсуа Рабле. М., 1965).

⁶ См., например: *Мартемьянов Ю. С., Шрейдер Ю. А.* Ритуалы — самоценное поведение.— В кн.: Социология культуры. М., 1975; *Угринович Д. М.* Обряды. За и против. М., 1975; *Левкович В. П.* Обычай и ритуал как способы социальной регуляции поведения.— В кн.: Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976; *Суханов И. В.* Обычай, традиции и преемственность поколений. М., 1976; *Малышев М. О.* Из истории русского этикета.— В кн.: Советский этикет. Л., 1974.

Материал по социальным нормам различных общностей содержит работы советских этнографов (см., например: *Королев С. И.* Элементы духовной культуры в этнической психологии.— В кн.: Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975; и др.).

Развитие, дифференциация, поляризация классовой структуры общества обуславливают формирование специфических систем социальных норм классового общества. Важнейшие институты классового общества — экономические, политические, правовые, воспитательные и т. д. — опираются как на институционализированные, так и на многочисленные неформальные системы социальных норм, регулирующих поведение индивида и различных макрогрупп и малых групп, формирующихся в рамках общей социальной структуры.

Классовый характер социальной структуры общества, несомненно, является основным доминирующим фактором, определяющим содержание, форму, тип, направленность, функции социальных норм, используемых группами данного общества.

В работах советских и зарубежных авторов по социальной структуре классовых обществ так или иначе затрагиваются, по крайней мере имплицитно, и проблемы социальных норм в классовом обществе. Сложные системы социальных групп, образующих основные социальные структуры классовых обществ, обладают качественно разнородными, сложно соотнесенными нормативными системами. Изучение «социальной психологии» различных классов классового общества дает представление о классовых социальных нормах и нормах прочих социальных групп классовых обществ⁷.

Мощные социально-экономические факторы разделяют современный мир на социально-экономические формации, выделяют внутри различных формаций классы, прослойки и группы, в конечном счете порождают в современном обществе множество различных типов культур, укладов жизни, форм деятельности, взаимодействий и отношений между людьми. Это неминуемо приводит к формированию в различных обществах различных систем социальных норм и обслуживаемых ими систем ценностей, ценностных ориентаций, установок и т. д.

Социальные нормы классов и прочих социальных групп классового общества включены в так называемую

⁷ См., например: *Парыгин Б. Д.* Общественное настроение. М., 1966; *Грушин Б. А.* Мир мнений и мнения о мире. М., 1967; *Дилгенский Г. Г.* Современный рабочий класс: проблемы общественной психологии. — В кн.: Социально-политические сдвиги в странах развитого капитализма. М., 1971; и др.

психологию больших социальных групп, психологию классов⁸. Они обеспечивают прежде всего классовую ориентацию индивидов и различных социальных групп. Зависящие от положения в системе общественного производства социальные нормы способствуют выработке общих для данного класса или группы установок, ценностей, а в целом формируют классовое сознание представителей этих социальных классов и групп.

Ярким примером классовых социальных норм являются нормы пролетарского сознания, нормы коллективистских отношений рабочих, нормы отношения рабочих к труду и собственности, нормы взаимопомощи и социального равенства. Одной из таких всеобщих пролетарских социальных норм можно считать известный лозунг: «Кто не работает, тот не ест». Труд как высшая ценность и смысл жизни человека, основа личного благосостояния и благосостояния общества, фактор духовного развития и совершенствования человека и общества, основа формирования подлинно равноправных, коллективистских взаимоотношений — основное содержание социальных норм рабочего класса. Классики марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали значение для всего общества этих норм пролетариата, специально изучали процессы выработки и распространения этих норм пролетарского сознания. Они тем самым ставили вопросы о социальных и социально-психологических механизмах формирования, распространения и действия социальных норм пролетариата.

В социалистическом обществе социальные нормы рабочего класса доминируют фактически во всех сферах общественной жизни и деятельности людей. Возникшее в результате революционных преобразований основных социальных институтов социалистическое общество по своим идеалам, по своей основе, по своей нормативно-ценностной системе — общество трудовое. В условиях социализма решена задача создания единой трудовой общности людей. Социальные нормы передового рабочего класса, поддерживаемые Коммунистической партией и всеми институтами социалистического общества,

⁸ См., например: *Дилигенский Г. Г.* Некоторые методологические проблемы исследования психологии больших социальных групп.— В кн.: Методологические проблемы социальной психологии.

формируются на основе социалистических производственных отношений и в рамках социалистической социальной структуры общества с неантагонистическими классами и социальными группами. Наряду с нормами права и коммунистической морали трудовые нормы фиксируют основные черты советского образа жизни, присущие всем социальным группам, отражают основные идеологические установки социалистического общества, его ценности. Это проявляется, в частности, и в том, что важнейшим принципом социалистического общества является принцип труда, отражающий основное право и обязанность всех членов общества. Реализация этого принципа осуществляется производственными организациями — всеобщими формами организации трудовой деятельности. В силу особенностей и природы социалистического общества и в соответствии с его целями и идеалами производственная организация как социальный институт получает большую социальную нагрузку⁹⁻¹⁰.

Формирование, функционирование производственной организации как социального института (т. е. как институционализированной системы социальных норм) позволяет решать ряд социальных проблем. К ним относятся упорядочивание, регуляция, унификация форм трудовой деятельности и кооперации во всех сферах общественной практики. Нормы производственной организации используются в любой социальной организации в качестве социальных норм при программировании, регламентировании, контроле деятельности отдельных людей и различных объединений.

Положение человека в социально-производственной системе, его социальный статус, признание обществом его права на занятие тем или иным видом деятельности, использование средств трудовой деятельности, права на участие в распределении благ фактически зависят от его включенности в ту или иную производственную организацию. Именно нормы производственной организации и

⁹⁻¹⁰ Вопрос о производственной организации как социальном институте был рассмотрен нами в работе: *Бобнева М. И.* Производственная организация как социальный институт современного общества и его изменение (Доклад на VII Международном социологическом конгрессе). М., 1970.

их соблюдение обеспечивают человеку правовые и социальные возможности (наряду с материальными, техническими, орудийными, информационными и прочими условиями) осуществлять тот или иной вид трудовой деятельности. Мощным социальным регулятором становится сам факт принадлежности человека к производственной организации, то, что, лишь став членом такой организации, он может участвовать в коллективной трудовой деятельности в той или иной области. Любая трудовая деятельность оказывается возможной лишь в рамках и в соответствии с нормами производственной организации.

Социальные нормы, регулирующие взаимодействия людей в трудовой сфере, как и во всех сферах жизни общества, отражают коммунистические коллективистские установки рабочего класса социалистического общества, нормы социального равенства, принципы коммунистической морали. На этой основе формируется огромное число конкретных производных, «вторичных» социальных норм, регламентирующих реальные, деловые, трудовые и неформальные отношения членов производственных организаций. Это нормы заинтересованности в общем деле, нормы взаимопомощи и выручки, нормы равенства и активности. Наглядным примером таких социальных норм является норма, родившаяся в процессе активной трудовой деятельности советских рабочих, — «ни одного отстающего рядом», получившая широкую поддержку и распространение именно в непосредственной трудовой деятельности многих производственных коллективов нашей страны¹¹.

Помимо макросоциальных групп в различных сообществах складываются многочисленные и разнообразные группы, не формализованные в макроструктуре общества или в системе объединений, организаций. Отношения и взаимодействия этих групп и их членов также задаются и регулируются с помощью социальных норм. Разнообразие социальных отношений, связей, зависимостей, взаимодействий номинальных и реальных, оформленных и структурно не организованных социальных групп и людей как их представителей, «носителей» их свойств, цен-

¹¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 76

ностей, эталонов, образцов поведения, установок, предпочтений и составляет собственно социальную «ткань» взаимодействий и отношений в обществе.

Основным механизмом координации, упорядочивания, поддержания, регламентации и регуляции многообразных социальных отношений и взаимодействий групп и их представителей и является нормативное обусловливание. Оно осуществляется с помощью разнообразных социальных норм, формализируемых и вербализируемых как правила и законы, носящих предписательный характер. Нормы отражают объективные общественные отношения этих групп, в том числе производственные отношения, отношения реального долженствования и зависимости, социальные условия взаимодействия, социальное положение участников взаимодействия, а также ценностные представления людей — членов сообществ и групп. Особенности социальных норм мы постараемся раскрыть в последующих разделах данной главы.

Сферы общественных отношений и специфика норм

В общественной жизни выделяются различные сферы — идеологическая, политическая, производственная, культурная и др. Отношения социальных групп и людей в различных сферах многообразны и регулируются весьма специфичными видами норм. Специально следует выделить нормы политические, религиозные, культурные, этнические, правовые, нравственные, моральные. Эти нормы формируются на основе принятой обществом или (в обществах с антагонистическими группами) той или иной группой идеологии и системы идеологических норм. Идеологические нормы оказывают решающее влияние на все сферы общественных отношений и общественного сознания и все системы социальных норм. В социалистическом обществе марксистско-ленинская идеология — основа всех систем социальных норм.

Политические и идеологические нормы регулируют социально-политические отношения между основными структурными группами общества, прежде всего между такими социальными образованиями, как классы, прослойки и т. д. Политические нормы вырабатываются, поддерживаются, используются политическими институтами и партиями, выражающими социально-эконо-

мические, политические, идеологические интересы и задачи классов. В обществе с антагонистическими классами политические и идеологические нормы отражают и фиксируют антагонистические общественные отношения классов и прочих социальных групп. В социалистическом обществе система политических норм едина, она формируется Коммунистической партией — основной политической силой социалистического общества на основе марксистско-ленинской идеологии и отражает неантагонистический характер социальных классов и групп общества, а в развитии социалистическом обществе — его всенародный характер.

Система политических норм оказывает влияние на все стороны жизни общества, на все социальные отношения, зависимости и взаимодействия членов общества. Политические нормы не только используются как регуляторы политических и идеологических отношений между социальными группами и членами общества, но и оказывают регуляторное влияние на все прочие системы социальных норм.

Именно в сфере действия политических норм наиболее ярко проявляется одно из основных атрибутивных свойств социальных норм — их властность. Властность социальных норм означает обязательность их исполнения. Социальные нормы — важнейшие средства реализации отношений власти, важнейшие средства власти. Властность политических норм поддерживается и обеспечивается политической системой, и в характере властности норм отображается характер политической организации общества.

Политические нормы являются решающими факторами организации всей общественной жизни. Поэтому такое огромное социальное значение имеют выработка и неукоснительное выполнение политических норм. Поэтому Коммунистическая партия Советского Союза придает большое значение подлинно демократическим ленинским нормам партийной жизни, партийного руководства всеми общественными отношениями членов социалистического общества. Ленинские нормы партийной жизни — образец системы политических норм социалистического общества.

Исходя из основных положений марксистско-ленинской социологии, к собственно сфере действия социаль-

ных норм мы относим: 1) систему отношений, зависимостей и взаимодействий между большими социальными группами, входящими в социальную структуру общества, отношения между группами, порожденными системой общественного разделения труда, социально-экономической формацией, политическими и правовыми системами общества, демографическими и этническими факторами и т. п.; 2) систему отношений между номинальными и реальными организационными группами, формирующимися в рамках общностей, возникающими на основе производственных и надстроечных отношений, отношений власти и подчинения, кооперированной деятельности и т. п.; 3) систему отношений власти и зависимости в общностях и группах и т. п. Нормы, используемые в этих системах для регуляции поведения и взаимодействий участников этих объединений, а также взаимодействия групп в целом — социальные нормы в строгом смысле слова.

В обществе наряду с перечисленными системами социальных отношений существуют многообразные отношения и взаимодействия между членами общества и между группами и различные виды норм, которые регламентируют специфические отношения и взаимодействия между людьми. Такowymi являются, например, нормы культурные, религиозные, этнические, правовые, моральные, нравственные. Несмотря на специфику сферы действия и качественные особенности, эти нормы являются социальными в широком смысле слова. Кроме того, эти виды норм часто используются социальными группами и общностями для регуляции социальных отношений. Пример — религиозные нормы.

На протяжении всей истории религиозные нормы и нормы, регулирующие отношения между членами религиозных общин и общностей, исповедующими общую веру, служили и для оформления собственно социальных отношений и зависимостей между членами религиозных общин, а также отношений между целыми религиозными общинами и общностями. В настоящее время за рубежом наблюдается своеобразное «оживление» социальных функций религиозных норм, широкое использование религиозных норм в политической и идеологической сферах. Реальными примерами являются социальные отношения и конфликты, которым в идеологической и

политической атмосфере современного буржуазного общества придается религиозная окраска.

Дифференциация общества не только по экономическим, политическим, этническим, но и по религиозным системам норм используется как социальная дифференциация и основа для конфронтации и антагонистических конфликтов. Таковы конфликты католического меньшинства и протестантского большинства в Ольстере, мусульманских и индуистских групп в Индии и Пакистане, мусульманских и православных общин и групп в Ливане и т. п.

Использование религиозных норм для выделения и столкновения различных социальных групп¹² основано в известной мере на распространенности в массах и доступности традиционных религиозных систем норм, глубоко укоренившихся в нравах, обрядах, обычаях, культурных и этнических образцах поведения, образе жизни и в свою очередь порождающих «вторичные» нормы конкретных форм социального поведения членов общин. Не менее существенно, что системы религиозных норм оказывают большое влияние на представления членов обществ о должном, желаемом, предпочитаемом. Исторически религиозные нормы были тесно связаны именно с деонтическими представлениями, с мироощущением и мировосприятием. Используемые в условиях острых антагонистических конфликтов, эти нормы становятся средствами нормативной стратификации антагонистических обществ, способствуя выделению социальных групп на основе принятия группой и ее членами тех или иных нормативно-ценностных систем. В этом проявляется стремление людей объединиться и противостоять другим группам на основе духовно-ценностных, идеологических установок. Аффилиативные устремления людей, потребность «соединиться с братьями по духу» находят свою реализацию в исторически сложившихся и актуализи-

¹² Отметим работы советских психологов, в которых, хотя бы в косвенной форме, затрагиваются проблемы действия религиозных норм: *Яковлев Е. Г.* Эстетическое чувство и религиозное переживание. М., 1964; *Платонов К. К.* Психология религии. Факты и мысли. М., 1967; *Угринович Д. М.* Психология религии. М., 1969; *Психология и религия.* М., 1971; *Платонов К. К.* Психология религии и атеистическое воспитание.— «Вопросы психологии», 1975, № 4; и др.

руемых антагонистическими социальными группами религиозно-идеологических течениях, движениях и конфликтных социальных отношениях. При этом в ряде случаев религиозные нормы фактически утрачивают свои специфические исторические особенности и начинают использоваться исключительно в роли социальных норм, регулирующих социальные отношения и взаимодействия между социальными группами, оставляя неудовлетворенными именно духовные, деонтические, аффилиативные запросы людей.

Религиозные нормы используются в роли норм политических не только при оформлении взаимозависимых и конфликтных отношений между различными социальными группами. Вспомним острую социальную ситуацию, возникшую в Италии при проведении всенародного референдума о праве на развод. Противодействие римской католической церкви правовому оформлению ряда социальных норм, например норм брачных отношений, норм социально-гигиенических, превентивных и т. п., и распространение на социальные отношения людей в этих сферах традиционных норм католицизма привели страну к серьезным социальным потрясениям.

В основе всех современных религиозных движений и течений лежат социальные причины. Так, во многом обусловлены социальными, экономическими, политическими и правовыми причинами антиинституциональные движения религиозных сект. В лежащем на поверхности «конфликте религиозных норм» сект и ортодоксальной церкви, а также в конфликтах между разными сектами или внутри сект всегда проявляются столкновения систем социальных норм. Движения, направленные против религиозных институциональных нормативных систем, обычно маскируют социальные конфликты. Эти движения получают поддержку членов общин вследствие того, что определенная часть общности, определенные группы людей оказываются более подготовленными к восприятию этих социальных конфликтов и норм, когда они облачены в религиозные символы.

В некоторых социально-психологических работах зарубежных авторов, хотя и не занимающихся непосредственно изучением механизмов действия социальных норм, имеются данные о подобных формах использования религиозных норм. В качестве примера сошлемся

на исследования изменений в «социальной дистанции» между различными мусульманскими и индуистскими группами и их членами в период индопакистанского конфликта в 1971 г. В этом исследовании были выявлены изменения в восприятии, оценках, предпочтениях, желательности различных форм контактов и совместной деятельности членов девяти субкультурных религиозных групп¹³. Несомненно, что подобные изменения поведения связаны с перестройкой и изменением его нормативной регуляции, с изменением социальных норм на почве религиозного конфликта.

При регуляции различных видов социального поведения широко используются нормы этнические и культурные. Многочисленные исследования по этнопсихологии, в частности по этническим стереотипам, предубеждениям и предвзвешиваниям, по этноцентризму и этническим нормам взаимодействий и отношений между различными этническими общностями и группами включают данные о социальных функциях этнических различительных и группообразующих признаков и норм, об использовании этнических норм в качестве норм, регулирующих социальные отношения, взаимодействия между членами этнических групп¹⁴.

Этнический признак — образование прежде всего социальное и социально-психологическое¹⁵. Этнические характеристики связаны с мироощущением, моделями восприятия человеком окружающего мира и отношением к нему; «этническое» проявляется в образе жизни членов этнических общностей и выполняет социальные и социально-психологические функции, в том числе функции нормативной ориентации, нормативной регуляции отношений и взаимодействий между членами этнических

¹³ Meade R. D., Singh L. Change in social distance during warfare: A study of the India — Pakistan war of 1971.— «J. of Soc. Psychol.», 1973, v. 90, 2-nd. part, p. 325—326.

¹⁴ См., например: Campbell D. T. The mutual methodological relevance of anthropology and psychology. In: Psychological Anthropology. F. K. L. Hsu (Ed.). Homewood, Ill., 1961.

¹⁵ См., например: Кон И. С. Психология предвзвешивания.— «Новый мир», 1966, № 9; он же. К проблеме национального характера.— В кн.: История и психология. М., 1971 Королев С. И. Элементы духовной культуры в этнической психологии.— В кн.: Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975; и др.

общностей в соответствии с представлениями об этнической особенности, исключительности, преимуществах данной общности.

Категория этнических норм связана с категорией собственно «культурных норм», разрабатываемой в культурной антропологии, сравнительной социологии и социальной психологии при сравнительно-культурных исследованиях. В зарубежной культурной антропологии это понятие используется очень часто, но редко точно определяется. В критическом анализе работ основоположника американской ветви культурной антропологии Ф. Боаса К. Леви-Стросс отмечал, что исследователям остается только изучать каждое общество, обладающее, например, так называемой дуальной организацией (разделением общности на две группы, находящиеся в сложных отношениях и зависимостях друг от друга и взаимодействующих по определенным правилам), с целью выявить в нагромождении правил и обычаев общую им всем схему, лежащую в основе всех местных и временных различий. Рассматривая подобную «схему» как структуру или «модель», Леви-Стросс вслед за Боасом отмечает, что подобная «модель» может быть как осознанной членами общности, так и неосознанной. Осознанные модели Леви-Стросс и определяет как «нормы», относя их к простейшим моделям. Функции норм, по Леви-Строссу, сводятся не к объяснению, а к утверждению, поддержанию верований и обычаев¹⁶. (Отметим, что у Т. Парсонса важнейшей в его теоретической схеме категории институционализированной нормы также приписывается функция «легитимизации», «узаконивания» правил и норм внутри институционализированной системы¹⁷.

При всем многообразии определений и интерпретаций культурных норм в культурной антропологии, сравнительной социологии, этнографии и прочих смежных дисциплинах¹⁸ представление Леви-Стросса о «структурах», лежащих в основе отображенных в нормах отношений ряда «культурных» и «субкультурных» общностей,

¹⁶ Lévi-Strauss C. *Anthropologie Structurale*. Paris, 1958.

¹⁷ Parsons T. *Social System*. Glencoe, 1952.

¹⁸ Такие определения содержатся в работах Р. Бенедикт, Ф. Боаса, А. Кардинера, А. Кребера, Б. Малиновского, М. Мид, С. Наделя и др.

является, на наш взгляд, наиболее общим, видовым признаком культурной нормы.

В качестве примера сошлемся лишь на одно из многочисленных исследований Р. Бенедикт, а именно на изучение ею приемов и обычаев пеленания младенцев в различных культурных, этнических и религиозных общностях, в том числе и в европейских¹⁹. В обычаях пеленания младенцев (например, в тугом пеленании рук и ног младенца и его «обездвиживании» при сохранении «для свободного» эмоционального реагирования лишь лица и особенно глаз или, наоборот, в свободном пеленании, расположение младенца на мягкой, теплой подушке Бенедикт усматривала проявление более общих и сложных норм, регулирующих отношение членов данной общности к миру, человеку, родству.

В целом понятие культурной нормы может быть соотнесено с регуляцией образа жизни, уклада, этикета, с использованием нормативных образований в рамках обрядов, ритуалов, обычаев, нравов и других форм регуляции социального поведения членов общности и группы как элементов духовной и даже (в экстериоризированной форме) материальной культуры различных обществ и общностей. В работах отечественных этнографов собран огромный материал в этой области²⁰.

Проблема действия культурных норм в зарубежной культурной антропологии часто соотносится с проблемой формирования с помощью систем культурных норм общности так называемого модального типа личности. Эта проблема будет специально рассмотрена в дальнейшем.

Среди многочисленных определений культуры, предлагаемых зарубежными культурантропологами (так, А. Кребер посвятил анализу этих определений специальную работу и рассматривает около 300 определе-

¹⁹ Cross-cultural Studies of Behavior. N. Y., 1970.

²⁰ Ценный материал содержат исследования В. Г. Богораза, Л. Я. Штернберга, С. А. Токарева, А. М. Золотарева и др. Советские психологи тоже начинают осваивать этот материал (см., например: *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М., 1966; *Королев С. И.* Указ. соч.; *Кузнецов Ю. Ф.* Философские проблемы этнопсихологии (Из истории развития этнопсихологической мысли в России).— В кн.: Социальная психология и философия. Л., 1973; *Кукушкин В. И.* К вопросу о структуре национальной психологии.— В кн.: Социальная психология и философия. Л., 1973).

ний²¹), фактически нет определения непосредственно соотносимого с характером, типом, формой и содержанием общения людей, хотя, по сути дела, все культурные нормы используются именно в целях организации общения членов той или иной культурной общности или группы.

Мы считаем необходимым при анализе культуры уделять особое внимание качественно определенной структуре общения членов данной общности или группы, обуславливающей характер и содержание отношений и взаимодействий между членами общности или группы, их отношений к членам других культурных общностей, к миру, вселенной, природе. Культурные нормы, более чем все прочие виды норм, вырабатываются в соответствии с типом и характером структуры общения и для воспроизведения и поддержания этой структуры. Включение человека в культуру данной общности или группы осуществляется прежде всего за счет усвоения и реализации им норм общения. Только реализация в поведении и в личностной нормативной системе культурных норм данной общности делает человека представителем данной общности или группы. Человек той или иной национальности становится членом своей этнической группы, лишь усваивая и реализуя в своем поведении нормы этой этнической общности. Это положение может быть распространено на все культурные общности и группы. Так, работник умственного труда, т. е. интеллигент по социальному положению, интеллигент по сути лишь в том случае, если он на деле реализует в своем поведении подлинно высокие нравственные социальные нормы.

В последнее время исследования в этой области смыкаются с изучением проблем образа жизни. Образ жизни является интегративной формой всего комплекса социальных воздействий на личность и группу. Исследование образа жизни имеет огромное идеологическое и практическое значение. В работах советских социологов в этой области затрагиваются и вопросы о социально-психологических механизмах регулятивного воздействия образа жизни²².

Так же как религиозные и этнические, культурные

²¹ Kroeber A., Kluckhohn C. Culture. N. Y., 1952.

²² См., например: Прогнозирование социальных потребностей. М., 1976.

нормы используются общностями и группами для оформления, регуляции, регламентации, упорядочивания, оценивания социальных отношений, взаимодействий, зависимостей внутри группы и вне ее. Однако следует отличать собственно культурные нормы от норм социально-групповых, относимых в социологии к «социальной культуре» групп, под которой подразумеваются нормативно-ценностные системы этих групп и общностей. Социальные нормы как элементы этих систем, естественно, не совпадают с «культурными нормами»; они отличаются: 1) содержанием, 2) сферой действия, 3) формой санкционирования, 4) механизмами распространения в общности, 5) социально-психологическими механизмами действия.

Указанные признаки различения видов норм, используемых в обществе, существенны также и при разграничении группы или общности правовых и прочих видов социальных норм.

Категория правовых норм представляется наиболее разработанной и в научном, и в логическом плане. Правовые нормы регулируют наиболее значимые для общества сферы социальных и личных отношений. Они вырабатываются, формулируются, утверждаются специальными государственными органами, устанавливаются законодательным путем, поддерживаются государством. За их соблюдением следят специальные институты, их санкционирование и подкрепление обеспечиваются государственной властью.

Отношения и зависимости между людьми как представителями социальных макрогрупп классового общества задаются прежде всего правовыми нормами. Марксистское понимание права как возведенной в закон воли господствующего класса — научная основа для изучения закономерностей использования правовых норм в роли норм собственно социальных.

И правоведы, и социологи, особенно социологи, проводящие конкретно-социологические исследования, разграничивают собственно правовые нормы и прочие социальные нормы²³. Многие правоведы и социологи

²³ Детальный анализ соотношения правовых норм как социальных с прочими «установлениями» общества дается, в частности, в кн.: *Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972.*

противопоставляют все нормы по традиции как нормы права и морали²⁴.

Правовые нормы всегда вербализованы, отражены в словесных конструкциях, выверены законами логики. Они экстериоризированы, объективированы — включены в своды законов, кодексы, уставы, отражены в нормативных актах. Утвержденные специальными законодательными органами государства, они становятся законом — высшей, обязательной для всех членов общества и всех официальных органов и организаций инстанцией. Система правовых норм — самое формализованное, четкое, действенное средство социального контроля, используемого обществом для регуляции отношений, зависимостей, взаимодействий между всеми без исключения членами общества.

Отношение членов общества к правовым нормам задано правовой нормативной системой однозначно, можно сказать, с «одной степенью свободы» — все члены общества их должны знать и соблюдать. В последнее время советские юристы вводят дополнительное требование социально-психологического характера — члены общества обязаны уважать правовые нормы.

Важнейшей социальной характеристикой правовых норм является их классовый характер. Как уже отмечалось, правовые нормы, право в целом рассматриваются в марксистско-ленинской социологии и юриспруденции как возведенная в закон воля господствующего класса. Господствующий класс как ведущая макросоциальная группа общества использует систему правовых норм для узаконения, поддержания, регламентации, направления, оценки социальных отношений, зависимостей и взаимодействий между всеми социальными группами, слоями, прослойками и отдельными людьми — представителями, именно тех отношений, зависимостей и взаимодействий, которые защищают социальные цели, ценности и идеалы господствующего класса. В развитом социалистическом обществе система правовых норм отображает неантагонистический тип социальных отношений, служит интересам как господствующего, рабочего класса, так и всех

²⁴ См., например: Якуба Е. А. Право и нравственность как регуляторы общественных отношений при социализме. Харьков, 1970; Пеньков Е. М. Указ. соч.

неантагонистических социальных групп и общностей всенародного социалистического общества.

Специфика системы правовых норм и заданное этой системой отношение членов общества к правовым нормам определяют и специфичность социального и социально-психологического механизмов их действия²⁵. Эти механизмы настолько важны для общества, что подчас по их типу представляют механизмы действия и всех прочих норм, используемых в обществе. Возможно, именно поэтому для большинства социологов и социальных психологов основной механизм действия всех социальных норм сводится к механизму усвоения, познания социальных норм и следования им членами групп и общностей в их социальном поведении. Не отрицая значения этого механизма, мы считаем, что такое перенесение на всю категорию социальных норм специфических признаков именно правовых норм сужает проблему и диапазон социологических и социально-психологических исследований и приводит к неверному и неадекватному определению объекта и предмета исследования. Правовые нормы формируются в обществе и используются им как нормы социальные, но не все социальные нормы подобны правовым, они отличны от них по целому ряду параметров (причем не только по сфере действия, содержанию, образованию, санкционированию, применению, распространению, но и по степени экстерниоризации, формализации, вербализации, заданному отношению к ним членов общества, «степеням свободы» отношения к ним человека, соотношению с другими нормами и т. д.).

Существенно, что в настоящее время в нашем обществе проявляется тенденция четко ограничить и в некоторых случаях сузить сферу действия правовых норм и повысить роль и значение прочих социальных норм. Следует отметить, что «перераспределение» сфер «действия» правовых и прочих видов социальных норм не только не может привести к снижению ответственности членов общества за свои поступки и поведение, но, наоборот, должно способствовать более активному отношению всех членов общества к нормам и фактам их нарушения, повышению ответственности членов общества. Такое пере-

²⁵ За последние годы по этим вопросам было проведено несколько конференций Институтом государства и права АН СССР.

распределение сфер действия должно быть дополнено разработкой средств социального контроля, т. е. совершенствованием нормативных систем многочисленных организаций, объединений и групп. Несомненно, что в ряде случаев коллективная ответственность и санкции, которыми располагает коллектив в отношении нарушителей социальных норм, могут быть более эффективными, чем формализованные правовые акты. Это лишний раз указывает на несводимость механизмов действия социальных норм к специфике и механизмам действия норм правовых.

Как уже отмечалось, многие социологи и праведы противопоставляют нормам правовым как собственно социальные нормы этические — нормы нравственности и морали. Мы рассматриваем моральные и нравственные нормы как два вида этических норм, имеющие как общие, так и специфические свойства. Общим при рассмотрении всех этических норм является марксистско-ленинский классовый подход к ним. Классовое понимание морали и нравственности, в частности коммунистической морали и нравственности, способствующих становлению и упрочению социалистических и коммунистических отношений в обществе, лежит в основе марксистского анализа этических норм, используемых при регуляции социальных отношений. «Моральный кодекс строителя коммунизма» нельзя рассматривать как внеклассовые этические нормы. Это нормы социальные, призванные поддерживать, защищать, воссоздавать социальные отношения и взаимодействия, принятые в социалистическом обществе. Классовый характер моральных и нравственных норм, используемых в классовом обществе для регуляции социальных отношений, неоднократно был объектом анализа советских исследователей²⁶.

Философия, социология, этика накопили огромный материал о нормативных системах нравственности и мо-

²⁶ Принципиальные позиции советских ученых в этом вопросе и обзор литературы даются в монографии Е. М. Пенькова (*Пеньков Е. М. Социальные нормы — регуляторы поведения личности. М., 1972*). Отметим также работу А. Ф. Шишкина, в которой проводится анализ и оценка ряда положений, обсуждавшихся в марксистской литературе последних лет (*Шишкин А. Ф. О некоторых вопросах исследовательской работы в области этики. — «Вопросы философии», 1973, № 12; и др.*).

рали²⁷. Этика как наука (т. е. сфера общественного сознания) включает большой объем знаний об этих типах норм и многообразные формулировки самих нравственных и моральных норм как знаний, как качественных содержательных образований. На сформулированные в этических системах нравственные и моральные нормы переносится подход к правовым нормам: предполагается, что эти нормы члены общества должны усвоить («вычерпать» из этики или выполняющих ее функции форм общественного сознания «институционализированные» знания — нормы), знать и соблюдать. Мы считаем необходимым высказать ряд соображений о специфике этих норм.

Нормы нравственности и нормы морали представляются нам различными по целому ряду признаков²⁸. Одним из них является специфика отношений, которые подлежат регуляции. Общеизвестно, что нормы морали используются для регуляции отношений между людьми, отношений людей друг к другу. Системы моральных норм историчны и обусловлены конкретными обстоятельствами и условиями взаимодействий и зависимостей людей в большей мере, чем какие бы то ни было иные нормативные системы, в той же степени моральные системы условны и конкретны. Нравственные нормы, складываясь исторически, оформляют и регулируют отношение людей к «абсолюту», соотносят поведение с абсолютными принципами, эталонами, идеалами. В домарксистской философии и этике «абсолюты», с которыми поведение людей и отношения между ними сопоставлялись при помощи нравственных норм, менялись. К ним причислялись сверхъестественные образования, отображенные в нравственных категориях Добра и Зла в их религиозном истолковании, категорический императив

²⁷ См., например: Швейцер А. Культура и этика. М., 1973; Дробницкий О. Г. Понятие морали. М., 1974; и др.

²⁸ В советской литературе по этике и психологии существуют различные взгляды на соотношение норм нравственности и морали. Так, в работе Г. Г. Андреева (*Андреев Г. Г. Этика и социальная психология.* — В кн.: Общественная психология и коммунистическое воспитание. М., 1967) система моральных норм рассматривается как более общая по отношению к системе норм нравственности. В этом случае нормам нравственности приписывается условный ситуативный служебный характер, с чем мы не можем согласиться.

Канта и принципы других философов и этиков, возведенные в категорию абсолютов, и т. п. Категории нравственности и нравственные нормы расцениваются теми, кто принимает ту или иную систему абсолютных принципов, как абсолютные категории и нормы. И хотя ни одна система не признавалась абсолютной во все времена и всеми членами общества, хотя содержание и характер этих систем принципов и производных от них норм менялись в истории человечества, расценивались теми или иными группами как относительные и условные, тем не менее ни одно общество, ни одна общность или социальная группа не могли осуществить регуляцию социальных отношений и зависимостей без обращения к тем или иным абсолютным образованиям, без введения абсолютных норм. Обществу в целом и всем социальным группам необходимы нормы, регулирующие, соотносящие, соразмеряющие поведение и поступки людей с теми или иными абсолютными образованиями. Более того, потребность отдельных людей, а также социальных групп и общностей в абсолютных мерах, эталонах, нормах постоянно приводила к возведению в категорию абсолюта частных, условных норм. Это проявилось, на наш взгляд, в важнейшей атрибутивной характеристике всех видов социальных норм — их эталонности. Группы и их члены обычно наделяют социальные нормы свойствами эталонов, сравнивая именно с этими эталонами свои поступки, т. е. в известной мере абсолютизируя нормы, а также используя нормы как основания для своих решений и оценок и обоснования своих действий, подчас конечные обоснования, обоснования «в последней инстанции». Как социальное существо человек не может жить без постоянных вопросов: «почему» и «зачем» и того или иного ответа на них. Такими ответами для сообществ людей и отдельного человека обычно и становились социальные нормы, формирующиеся по типу «так надо!», «да будет так!»

Марксистско-ленинская философия выявила историческую и социально-классовую природу сменявшихся и сосуществовавших в истории человечества систем нравственных норм, их относительность по сравнению друг с другом и объективными законами исторического развития человеческого общества. Большинство таких «абсолютных» систем даже внутренне противоречивы. Так,

нормативно-нравственные догматы христианства объявляют человека «слабым», но предъявляют к нему требования как к сверхъестественно сильному, рассматривают его как невольного в своих поступках и помыслах, но объявляют абсолютно ответственным за них, считают его путь и судьбу predetermined, но говорят о его абсолютной свободе и т. д. В подобных антиномиях суть нравственных нормативных догматов христианства, объявляющего человека существом двух миров. Буквальное выполнение человеком абсолютных нравственных норм христианства оказывалось невозможным во все времена существования этой религии. В самой этой системе конечное обоснование «абсолютных» нравственных норм выводилось за пределы системы. Известные заповеди христианства — это именно нормы, задающие поведение. «Заповедывающие» нормы имели силу лишь благодаря их освященности авторитетом бога-абсолюта. «Не убий» означало «не убей» именно потому, что не ты, человек, волен решать судьбу человека. Заповедь «не пожелай жены ближнего своего» вытекала из утверждения, что «браки совершаются на небесах», и т. д. Именно такое соотношение придавало нормам-заповедям абсолютную силу, делало их непреложным законом. Устранение «абсолюта», сомнение в авторитете «высшей», сверхъестественной силы разрушает эту систему, и, казалось бы, «абсолютные» нравственные устои общности обращаются в хаотические «языческие» нравы. Подобные черты свойственны фактически всем религиозным нравственным системам, покоящимся на «абсолютных» нормах, на заповедях. Заповеди — это выделение заповедных зон, где человеку запрещалось «браконьерствовать», потому что не он был властелином угодий.

Величайшим достижением и заслугой марксистско-ленинской философии, социологии и марксистско-ленинской этики является положение классиков марксизма-ленинизма о том, что люди сами делают свою историю, что история людей подчиняется объективным закономерностям. Определение В. И. Лениным как нравственного того, что способствует делу коммунизма, что способствует становлению и упрочению социалистических и коммунистических отношений в обществе, основано на научных представлениях об объективной природе общества и объективных закономерностях и направлении исторического процесса.

Нравственные нормы абсолютны, потому что их соблюдение объективно необходимо человечеству. Любое нарушение абсолютных нравственных норм наносит ущерб человечеству как роду, является преступлением против самой природы человека как общественного существа. Основным критерием нравственности тех или иных норм является проявление в них отношения человека к другому человеку и самому себе как к подлинно человеческому существу — личности. Этот критерий был фактически выдвинут К. Марксом в его знаменитом высказывании: «Предположи теперь человека как человека и его отношение к миру как человеческое отношение: в таком случае ты сможешь любовь обменивать только на любовь, доверие только на доверие и т. д. Если ты хочешь наслаждаться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком. Если ты хочешь оказывать влияние на других людей, то ты должен быть человеком, действительно стимулирующим идвигающим вперед других людей. Каждое из твоих отношений к человеку и к природе должно быть *определенным*, соответствующим объекту твоей воли *проявлением* твоей *действительной индивидуальной жизни*»²⁹.

Это исходное нравственное отношение является исходным и психическим отношением, тем, что Маркс называет «определенным, соответствующим... проявлением... действительной индивидуальной жизни» личности, т. е. психологическим проявлением в подлинном смысле слова. Совпадение проявлений нравственного и психического заложено в самой природе, самой сущности человека как общественного существа — личности. В работах советских философов сформулировано положение о том, что именно совесть, как проявление высших нравственных качеств, является социальной психикой человека³⁰.

Нравственные нормы историчны, но не потому что они конвенциональны и ситуативны. Их историчность обусловлена объективным историческим процессом формирования и развития человеческого общества, историчностью познания человечеством объективно необходимых нравственных отношений между людьми, историчностью пред-

²⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 620.

³⁰ Бородай Ю. М. Психоанализ и «массовое искусство». — В кн.: Массовая культура. Иллюзии и действительность. М., 1975, с. 167.

ставлений о природе и сущности человека как личности. Формулировки различных «категорических императивов» домарксистских философских и этических систем не учитывали именно этой историчности нравственных норм. Ни норма «морального индивида» Канта «поступай так, чтобы максима твоего поведения могла стать нормой всеобщего законодательства»³¹, ни норма «поступай в отношении другого так, как ты хотел бы, чтобы другой поступал в отношении тебя», не учитывают, что «твои» представления и максимы исторически обусловлены множеством социальных факторов. Абсолютность нравственных норм в этих случаях обусловлена их абстрактностью и связана с невозможностью их реализации, ибо «моральные индивиды» существуют не в обществе, а в абстрактных этических системах. В реальных условиях раб, который, если учесть положения К. Маркса³², не знает своего рабства (т. е. разрешает поступать с собой, как с рабом), будет относиться и к «другому» и позволять другому относиться к себе не как к личности, но как к рабу (или господину) и соответственно будет поступать сам и будет разрешать обращаться так с собой. Максимы поведения крепостника и крепостного, возведенные в норму всеобщего законодательства, это нормы личностной зависимости людей в крепостном обществе.

В силу абстрактности и внеисторичности возвышенные нравственные максимы и законы ряда этических систем не реализуются и не используются общностями как подлинно социальные нормы.

Моральные оценки и моральные нормы, используемые для регуляции отношений между людьми, не всегда применимы к оценке собственно социальных норм, особенно норм макрогрупп и общностей. Система жестких социальных норм отношений между людьми, насаждавшаяся в фашистской Германии, была провозглашена как система «моральных норм», но несомненно, что нормы фашистской «морали» были в высшей степени безнравственны. Буржуазная мораль, превозносимая апологетами капиталистического общества, прекрасно уживается с актами вандализма, насилия, с бесчеловечностью и безнрав-

³¹ Соловьев Э. Ю. Знание, вера, нравственность.— В кн.: Наука и нравственность. М., 1971, с. 236.

³² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 451—452.

ственностью этого общества. И лишь в социалистическом обществе создаются социально-экономические, политические, идеологические условия для формирования норм нравственности и морали на общей основе коммунистического понимания объективных закономерностей развития общества и его потребностей³³. Значение для человечества нравственных норм таково, что с позиций нравственных норм, с позиций нравственности должны оцениваться любые социальные нормы — любых социальных групп, общностей, слоев, к каким бы сферам отношений, взаимодействий и зависимостей они ни относились, какие бы функции они ни выполняли. Огромная роль в нашем обществе нравственных норм и нравственного развития личности была подчеркнута на XXV съезде КПСС³⁴. Мы считаем необходимым также отметить то огромное внимание к проблемам нравственности и морали, которое уделяется им в литературе, искусстве, массовой печати и в общественном мнении нашего общества на современном этапе.

По сравнению с рассмотренными выше социальными нормами макросоциальных групп, нормами политическими, правовыми, этническими, культурными, моральными, нравственными нормы многочисленных групп как организованных, реальных, формализованных в той или иной социальной структуре общества или общности, так и номинальных, неформализованных, неорганизованных можно рассматривать как более специальные, «невсеобщие», особенные, более частные, «вторичные», «производные» образования.

Система частных, «производных» социальных норм любой группы определенным образом отображает как характер, форму и содержание отмеченных выше более общих норм, так и специфику, природу группы, характер, форму, содержание отношений, взаимодействий, зависимостей между ее членами, ее частные особенности, специфику условий и целей и т. д.

Не только социально-экономические факторы, но и социальные нормы разделяют и противопоставляют людей в обществе или, наоборот, объединяют и сплачивают их в общности, цементируя и социально оформляя объединения людей.

³³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 96.

³⁴ Материалы XXV съезда КПСС, с. 77.

В социальные отношения и взаимодействия человек всегда вступает как «носитель» тех или иных социальных норм. Позиция человека в системе общественных отношений является его «нормативным статусом». Принимая и реализуя определенную систему социальных норм, человек оказывается включенным в особую социальную группу, группу, образованную по «нормативному признаку», — группу лиц, разделяющих, принимающих, реализующих данную систему норм, имеющих связанную с этой системой норм систему ценностей.

Подобные группы могут не быть организационно оформлены, но они имеют общую социальную направленность, общую нормативно-ценностную систему. Группа с определенной нормативно-ценностной системой является ячейкой нормативно-ценностной социальной системы общества. Включение человека в такую группу обуславливает его определенную социальную ориентацию и позицию в этой нормативно-ценностной системе общества. На этой основе можно говорить о нормативно-ценностных особенностях групп и их членов.

Нормативно-ценностные характеристики и нормативно-ценностные группы лишь опосредованно связаны с экономическими, демографическими, этническими группами общества, но непосредственно связаны с нормативно-ценностной ориентацией людей, их поведением и установками. Поэтому нормативно-ценностная ориентация и характеристики членов общества существенны при прогнозировании и оценке социального поведения индивидов и групп.

Проблема классификации. Типы и виды социальных норм

В обществе действуют сложные иерархизированные и многомерные, качественно разнородные системы социальных норм, регламентирующие практически все сферы жизни и деятельности человека.

Как описать и определить многообразие и разнородность норм? При решении этого вопроса, а также при уточнении характеристики и свойств норм в социологии особенно сильны тенденция классификационной работы с нормами, оперирование с ними как с продуктами дея-

тельности общества, к которым можно подойти абстрактно и классифицировать нормы как объекты.

Существуют разные принципы классификации социальных норм. При этом в каждой из классификаций используется определение нормы с учетом основания, выбранного автором классификации³⁵.

Анализ этих классификаций и определений раскрывает характерные черты социологического предмета исследования и позволяет выявить специфику психологического предмета и подхода к объекту.

Классифицируя нормы, социологи вводят параметры нормативной сферы, показывают, что может быть нормативно размечено в мире человека, как могут быть специализированы нормативные средства регуляции.

Проблема классификации норм, определения их видов и типов занимает особое место в буржуазной социологии, начиная с классической работы У. Самнера³⁶. Внимание современных исследователей к этому вопросу было привлечено работой Р. Морриса о типологии норм и выборе оснований для их классификации³⁷. К моменту появления работы Р. Морриса в зарубежной социологии уже существовало более десятка классификаций социальных норм. М. Вебер, Э. Дюркгейм, Ж. Тард, У. Самнер, Ф. Теннис, Р. Редфильд, Г. Беккер, Р. Линтон, Дж. Джиббс и многие другие пытались выделить нормы как средства социального контроля и регуляции социального поведения, определить видовые особенности и внутреннее многообразие нормативных средств. Так, М. Шерифом были введены категории социальных норм — права, технических норм, норм этикета, моды и др.; Р. Линтон отмечал универсальные, специфические и альтернативные нормы³⁸, Р. Уильямс ввел классы норм — технические, конвенциональные, эстетические, моральные, институ-

³⁵ Существует несколько десятков определений категории «социальная норма» (см., в частности, подбор определений в работах: *Scott J. F. Internalization of Norms*. N. Y., 1971; *Sherif M. The Psychology of Social Norms*. N. Y., 1936; etc.).

³⁶ *Sumner W. G. Folkways*. Boston, 1906; *Redfield R. Tepoztlan. A Mexican Village*. Chicago, 1930; etc.

³⁷ *Morris R. A typology of norms*. — «*Amer. Soc. Rev.*», 1956, v. 21, p. 610—613.

³⁸ *Linton R. The study of man*. N. Y., 1936.

циональные и др.³⁹ Сопоставление типов норм и ценностей проводил К. Клакхон⁴⁰. Работа Р. Морриса явилась обобщающей. Моррис видит цель разработки классификации норм в построении такой типологии, которая позволила бы определить «профиль», образ любой частной нормы, включенной в любую иерархическую нормативную систему. Моррис вводит два типа норм — абсолютные и условные (конвенциональные) — и предлагает 17 характеристик, позволяющих распределить любые нормы по этим типам. В работе Дж. Блейк и К. Дейвиса⁴¹ на основании типологий Р. Морриса, Б. Бартона, Р. Уильямса и других была введена новая классификация норм с учетом их дополнительных существенных аспектов, но практически все нормы рассматривались этими авторами как конвенциональные. В работе Дж. Джиббса⁴² снова был поднят вопрос об основании для классификации норм. При построении своей типологии Дж. Джиббс привлекал определения социальных норм и их типов, введенные Ф. Селзником, Л. Брумом, Дж. Хомансом, Г. Джонсоном, Т. Ньюкомом, Р. Ромметвейтом, Р. Бирстедом. Доренвенд проводит анализ различных типов норм с учетом предложенной Э. Дюркгеймом типологии поведения и отношения (эгоизма, альтруизма, аномии и фатализма)⁴³. В работе Джиббса различаются категории нормы, закона и правила. Большое значение в его классификации отводится санкциям, коллективной оценке, коллективным ожиданиям. Джиббс вводит 20 классов социальных норм — конвенций, морали, правил и закона. В зарубежной социологии используются также классификации и определения разновидностей норм, выработанные в смежных областях — юристами, этиками, логиками, специалистами в области административного уп-

³⁹ *Williams R. M.* American Society. N. Y., 1960.

⁴⁰ *Kluckhohn C.* Values and value-orientation in the theory of action.— In: *Toward General Theory of Action*. T. Parsons, B. A. Shils (Eds). Cambridge, Mass., 1951.

⁴¹ *Blake J., Davis K.* Norms, values and sanctions.— In: *Handbook of Modern Sociology*. R. E. L. Faris (Ed.), 2-nd. ed., Skokie, Ill. 1966, p. 456—484.

⁴² *Gibbs J. P.* Norms; the problem of definition and classification.— «*Amer. J. of Soc.*», 1965, v. 70, p. 586—594.

⁴³ *Dohrenvend B. P.* Egoism, Altruism, Anomie and Fatalism: A conceptual analysis of Durkheim types — «*Amer. Soc. Rev.*», 1959, v. XXIV, p. 470.

равления и др.⁴⁴ Однако несмотря на большое число работ в этой области, проблема классификации норм и определения видов и типов социальных норм признается большинством зарубежных исследователей все еще недостаточно разработанной.

Подход советских авторов к проблеме типологии и классификации норм характеризуется прежде всего широким социальным контекстом и выбором социально важных оснований для выделения типов и видов норм. В качестве таких оснований используется уровень социальной организации общества, типы и виды отношений, подлежащих регуляции, степень и форма обязательности нормы, способ образования и действия нормы и т. д.⁴⁵ Могут быть выделены нормы по сферам ценностей — идеологических, политических, экономических, эстетических, моральных, нравственных, организационных и др.

Соотношение норм с ценностями позволяет говорить об иерархии норм в соответствии с иерархиями ценностей общества, социальных групп и индивидов. В качестве основания для классификации норм может быть взято их положение в нормативно-ценностной иерархии. На этом основании могут быть выделены нормы основополагающие и второстепенные, универсальные и детализирующие, общие и конкретные и т. п.

При ориентации исследователей на социальную структуру общества и систему составляющих его социальных групп в качестве основания для классификации норм служит отнесенность норм к той или иной структурной позиции в обществе. Нормы различаются по группам носителей, по принадлежности тех или иных норм нормативно-ценностной культуре социальных групп. Так выделяются нормы классов, сообществ, объединений, групп и т. д.

Выделение норм, относимых к социальной культуре различных социальных групп и сообществ, позволяет

⁴⁴ Обзор подобных классификаций см., например, в работах: *Пэнто Р., Гравиц М. Методы социальных наук. М., 1972; Ивин А. А. Логика норм. М., 1973; и др.*

⁴⁵ См., например: *Проблемы социологии права, вып. 1. Вильнюс, 1970; Философская энциклопедия, т. 3. М., 1970; Пеньков Е. М. Социальные нормы — регуляторы поведения личности; Ручка А. А. Социальные ценности и нормы. Киев, 1976; и др.*

вести в качестве основания различия норм их социально-структурную направленность, например выделить вид норм, используемых для гармонизации интересов различных групп общества или для обеспечения специальных целей, интересов, особенностей и самобытности тех или иных социальных групп.

Соотнесенность норм со способами действия социальных групп и их представителей позволяет классифицировать нормы по целям, для реализации которых они создаются и используются. Так могут быть выделены нормы, обслуживающие цели перспективные и близкие, конечные и непосредственные и т. д.

На основании различия норм по форме и способу их образования могут быть выделены нормы, являющиеся результатами деятельности различных социальных групп. По способу образования можно выделить нормы, возникающие спонтанно, стихийно, в процессе непосредственного взаимодействия социальных групп и их представителей или сознательно формируемые социальными группами или уполномоченными органами и т. д.

При разработке классификаций норм существенным представляется вопрос о форме и степени их фиксации и формализации. По степени формализации могут быть выделены нормы явные, четко сформулированные или латентные, неявные, подразумеваемые. По форме фиксации можно различать нормы, по-разному отображенные в формальных средствах их фиксации — сводах, кодексах, уставах, правилах и т. д. По характеру фиксации также выделяются различные виды норм, например нормы жестко фиксированные и нормы динамичные, гибкие, адаптируемые к условиям и обстоятельствам деятельности.

Не менее существенно, что субъектами нормотворчества могут выступать не только социальные группы, включенные в социальную структуру, но и малые группы. Классификация норм, выработанных различными группами, в которые входит индивид, необходима для анализа психологических механизмов действия норм. Особое значение имеет то, что нормы могут вырабатываться и самим человеком. Для психологического анализа категория «личностных норм» является одной из основных.

Значение подобных классификаций, проводимых в основном социологами, мы видим прежде всего в том,

что эти классификации позволяют в большей или меньшей степени обоснованно говорить о многомерности, разнообразии и сложности нормативных образований.

Неоднородность и множественность типов норм, демонстрируемых разнообразными классификациями, говорит о сложности и негомогенности объекта. Вряд ли в этом случае можно было бы выбрать какое-то отдельное понятие, скажем «институализированной социальной нормы» или «принуждающей социальной нормы» и т. п., и оперировать с его значением и тем частным объектом, той частью социальной действительности, которая отражена в этом понятии при выработке предмета психологического исследования. В любом случае, какое бы из определений социальных норм и какой бы их вид мы ни избрали, мы отразили бы лишь часть действительности (при выборе в качестве основной «институализированной социальной нормы» — строго фиксированную нормативную систему регламентации поведения людей в определенной сфере деятельности, например нормы отношения сотрудников к приказу руководителя предприятия при действии принципа единоначалия).

Качественная разнородность норм, которая устанавливается с помощью таких классификаций, очевидно, должна быть соотнесена и с различными механизмами их действия на разных уровнях — социальном, социально-психологическом и психологическом.

Однако пока все типы социальных норм не будут выявлены и определены, невозможно дифференцированно рассматривать и все механизмы их действия.

2. ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НОРМ И СПЕЦИФИКА НОРМАТИВНОСТИ

Нормативность социальных норм, проявляющаяся в их «предписательном» характере, как уже отмечалось, связана с типом, формой и содержанием тех социальных отношений, которые регулируются социальными нормами, с их объективной основой, а также с ценностным содержанием, качественным своеобразием и функциональным назначением. Эти свойства норм мы и рассмотрим в последующих разделах.

Объективный характер и объективная основа социальных норм

Марксистско-ленинская социология исходит из того, что реальные, объективные, должные и зависимые отношения людей и групп в обществе, обусловленные социально-экономическими, политическими, правовыми, идеологическими и прочими факторами общественной жизни, являются объективной основой и социальных норм, и их предписательной, нормативной природы.

Социальные нормы объективны, они не зависят от субъективности человека. Но в то же время нормы являются отображением определенной социальной реальности.

Практически во всей обширной социологической и социально-психологической литературе нет работ, прямо ставящих вопрос об «объективной властности норм», т. е. о той властности, которая сообщается им реальными условиями существования групп и общностей и социального поведения людей, не зависимыми от каких бы то ни было типов «конвенций» или «авторитетности», субъективных волей, желаний, ожиданий и предпочтений индивидов и общностей.

Буржуазные социологи по-разному обосновывают предписательный характер социальных норм. Но какие бы обоснования ни привлекались, исходные философские и идеологические позиции буржуазных социологов не позволяют авторам этих работ выявить реальные социальные основы властности и предписательности норм, выделить объективные производственные и прочие общественные отношения, отображаемые в социальных нормах общества и групп.

Отношение к вопросу об объективности социальных норм и подходы к изучению норм и нормативности прямо связаны с философскими и идеологическими позициями того или иного буржуазного социолога. Дж. Ф. Скотт⁴⁶, например, предпринял специальный анализ концепций Т. Парсонса о природе нормативного фактора в регуляции социального действия и выявил постепенную смену философских установок. Для основных теоретических работ Т. Парсонса⁴⁷, оказавших огромное влияние на

⁴⁶ *Scott J. F. Internalization of Norms.*

⁴⁷ *Parsons T. Social System. Glencoe, 1952.*

современные направления буржуазной социологии, характерна в основном дуалистическая интерпретация природы нормативного элемента регуляции действия.

В разработанной Парсонсом схеме «социального действия» само действие определяется в терминах четырех категорий — «деятеля» — «актора», «цели» — конца, назначения, «средств и условий для реализации цели» и «независимого, детерминантного, селективного фактора — нормативного элемента».

Попытки ставить вопрос о «естественных причинах» и основаниях «нормативного элемента», которые могли бы изучаться социологией или другими конкретными дисциплинами, сводят этот «нормативный элемент» к категории «средств и условий». Как отмечает Скотт, тот факт, что Парсонс имплицитно, а в некоторых работах и эксплицитно рассматривает «нормативный элемент» в схеме социального действия как «априорный» (и необходимый, подчеркнем мы, элемент именно социального действия), прямо или косвенно связан с широко распространенной в зарубежной конкретной социологии установкой рассматривать социальные нормы как априорные образования.

Поскольку в зарубежной социологии в центре изучения социальных норм оказываются либо нормы нравственности и морали, либо культурные нормы (что само по себе отражает прямую зависимость направлений социологии от философских школ и традиций), то особое место в философской проблематике занимают этические и моральные философские концепции и учения. Постановка вопроса о соотношении деонтического и нормативного в социальных нормах и нормативной регуляции поведения способствовала обращению социологов к традиционным философским системам от Канта до экзистенциализма и утверждению в качестве центральной в этой области проблематики нравственных и моральных норм как основных (а в некоторых случаях и единственных) видов социальных норм. Но и другие направления буржуазной философии — теизм, томизм, феноменология, номинализм и реализм, релятивизм и новейшие течения — от экзистенциальной феноменологии и символического интеракционизма до структурализма, социального фрейдизма — оказывают влияние на работы по

социальным нормам современных зарубежных социологов.

Некоторые исследователи пытаются отойти от традиционной «априорной» трактовки норм и нормативности. Одним из развивающихся направлений можно считать так называемую научную этику, разрабатываемую американским социологом Д. Катцем⁴⁸. Некоторые исходные установки его работы напоминают, в частности, идеи Э. Дюркгейма и Л. Леви-Брюля об «эмпирической этике», которую эти авторы считали позитивистской дисциплиной, противопоставленной «нормативной», дедуктивной этике⁴⁹.

Противопоставление дедуктивной («нормативной») и позитивной эмпирической этики, относимой Дюркгеймом к «моральной социологии», оказало, на наш взгляд, больше влияния на культурную антропологию, этнографию и социальную психологию, чем на буржуазную эмпирическую социологию. Представители «эмпирической этики» полагали, что этика должна исходить из «практики», под которой следует понимать «правила личного и социального поведения, систему обязанностей и прав, словом, нравственные отношения людей между собой», «что субъективно, в сознании представляется нам как обязательный закон, как чувство уважения к этому закону, к правам других и проч.» и что рассматриваемое объективно «составляет в виде нравов, обычаев, законов ту реальность, которую нужно изучать научным методом, как и остальные социальные факты»⁵⁰.

Эти положения были использованы в ряде сравнительно-культурных, этнографических, социально-психологических исследований. Но установки «эмпирической этики» в целом не стали методологической основой современной эмпирической зарубежной социологии, которая в теоретических построениях и эмпирических исследованиях использует «нормативный» подход, характерный для традиционных школ буржуазной философии⁵¹.

⁴⁸ Science of Men and Social Ethics. D. Katz (Ed.). Boston, 1969.

⁴⁹ Дюркгейм Э. Социология и социальные науки.— В кн.: Метод в науках. М., 1911; Леви-Брюль Л. Нравственность.— В кн.: Метод в науках.

⁵⁰ Там же, с. 247—248.

⁵¹ См., в частности: Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория. М., 1961. Подходы зарубежных социальных пси-

В советской литературе по этике вопрос о нормативной и дескриптивной этике и прочих этических дисциплинах рассматривается с позиций классовой природы этики и этических систем и их назначения⁵². В зарубежной социологии также можно выявить спектр подходов — от определения «социального» как нормативного, предстоящего «несоциализированному» индивиду и «внедряющегося» в него в процессе социализации, до эмпирической констатации «нормативного фактора» в поведении.

Отражательный характер норм весьма существен для понимания их природы и действия. Большинство положений представителей буржуазной философии и социологии о природе социальных норм тяготеет к одному из двух полюсов: конвенциональной или «авторитарной» трактовке происхождения, основы и содержания социальных норм.

При сугубо конвенциональной трактовке социальных норм и сведения их к правилам, к результатам «договора», «соглашения», «сделки по поводу» вопрос об объективной основе, отображаемой в социальных нормах, решается в основном релятивистски. При ригористическом отнесении норм лишь к действительности «власти», «авторитета» происхождение и содержание норм рассматриваются волюнтаристически. Нормы считаются «навязанными» авторитетом, который «освящает» их. В этом случае речь идет обычно о «надгрупповой», «надчеловеческой» сущности и содержании норм, о привнесении их извне, об их неоспоримости, бездоказательности, априорности, стабильности, «заданности от века», об их «внемировой сущности» и т. д. Очевидно, что подобные подходы возможны лишь при абсолютизации толкования норм, подравнивании их к одному принятому образцу и при игнорировании объективных условий, в которых вырабатываются и используются нормы и которые отражаются в их характере и содержании.

хологов и антропологов к проблеме «предписанности» нормативного поведения были рассмотрены нами в работе: *Бобнева М. И.* Нормативность как специфика социального.— В кн.: Соотношение биологического и социального в человеке. М., 1975.

⁵² См., например: *Титаренко А. И., Карвацкая Г. Ф., Титов В. А.* Этика — проблемы и перспективы.— «Философские науки», 1972, № 4; *Дробницкий О. Г.* Понятие морали. М., 1974; и др.

Если в ряде случаев в общностях вырабатываются и действуют нормы, опирающиеся на всевозможные формы авторитета (от группового лидера до абсолюта), а в других — конвенциональные нормы, нормы-«соглашения», нормы-«сделки», нормы-правила, то истоки этого следует искать в объективных условиях, отражаемых в этих нормах. При этом к объективным условиям в первую очередь относятся и сами многообразные и многоуровневые системы социальных норм. Так, общая направленность ряда социально-психологических групповых норм отображает системы социальных норм общности и общества в целом, и содержание групповых норм во многом определяется не только характером группы, но и общесоциальными факторами.

К объективным основам социальных норм мы относим объективные социальные и производственные отношения в обществе, объективные отношения должностования и зависимости, социальные условия взаимодействия, социальное положение участников взаимодействия, деонтические представления членов общности и т. д.

Вопрос об объективной основе социальных норм представляется чрезвычайно существенным, поэтому поясним это положение примером. Наличие объективной основы норм особенно ощущается в некоторых специальных областях деятельности, например в трудовой деятельности. В сфере производства социальное поведение людей регулируется с помощью многочисленных средств — правовых, экономических, административных, этических и других социальных норм и установлений. Но социальные нормы при регуляции трудовой деятельности приемлемы и действительны лишь в том случае, когда они отражают реальный процесс взаимодействия между людьми в ходе выполнения ими производственной деятельности. Объективные характеристики этой деятельности, ее задачи, цели и средства, расстановка и связь людей в ходе ее осуществления, типы взаимодействий, которые необходимы для ее выполнения, стиль и характер отношений между людьми — все это создает объективную основу тех социальных норм, которые регламентируют и регулируют взаимоотношения людей в процессе производства наряду с прочими нормами (производственными, административными, экономическими, правовыми и др.) и на их основе.

Взаимодействия между людьми в производственном процессе и средства, регулирующие эти взаимодействия, характеризуются жесткой заданностью. Объективная основа социальных норм здесь может быть легко выявлена. Так, всякие «произвольные» для данной основы социальные нормы будут идти вразрез с требованиями производственного процесса и потому подвергаться корректировке не только с помощью прочих (несоциальных норм), но и самим производственным процессом. При использовании неадекватных норм производственный процесс будет либо видоизменен, либо нарушен, а потому подобные нормы не смогут длительное время существовать и подвергнуться преобразованиям.

К объективной основе социальных норм следует отнести различные формы и проявления объективных отношений долженствования, т. е. таких отношений, в которые вступают участники любой трудовой кооперированной деятельности, когда цель деятельности может быть достигнута лишь при выполнении ее участниками определенных функций и при определенном соотношении их позиций и обязанностей. Формы такого объективного долженствования в рамках кооперированной деятельности наблюдаются во всех социальных организациях, в любых сферах жизнедеятельности общества. В случае производственной социальной организации объективные отношения долженствования диктуются не только социальными условиями кооперированной деятельности, но и внесоциальными факторами (мы уже упоминали влияние производственного процесса и т. д.).

В прочих областях общественной практики вне сферы регуляции трудовой деятельности людей объективная основа социальных норм выявляется не столь отчетливо, но всегда может быть выделена. Так, в сфере регламентации родственных и брачных отношений роль объективной основы проявляется в действии как генетических, так и экономических и других факторов. Социальные нормы брачных отношений, ограничивающие инцест, явно имеют объективную, в данном случае генетическую и биологическую, основу. Переход антропологических факторов в социально-значимые прослеживается в многочисленных культурантропологических работах, в исследованиях мифов, в частности в школе Леви-Стросса. Многочисленные факты описаны в работах отечествен-

ных авторов — В. Г. Богораза, Л. Я. Штернберга, С. А. Токарева и др.⁵³

Было бы ошибкой полагать, что объективная основа социальных норм всегда лежит где-то за пределами собственно социальных закономерностей, в каких-то иных сферах (как в приведенных примерах, скажем, в сфере биологии или в сфере генетики).

Сложность определения объективной основы социальных норм в большинстве случаев в том и состоит, что ее следует искать в самой социальной действительности, в реальных социальных отношениях людей.

Проблема соотношения деонтического и нормативного

В марксистско-ленинской социологии проблема нормативности социального рассматривается прежде всего в связи с изучением социальной структуры общества и этнического, нравственного, ценностного, деонтического обусловливания поведения членов общества.

Соотношение нормативного и деонтического представляет собой проблему специального философского и социально-философского анализа. В контексте данной работы мы можем лишь затронуть вопрос о том, как в нормативности социального для личности открывается мир деонтического.

Деонтические суждения и представления являются основным содержанием социальных норм.

В социальных нормах деонтические представления становятся для человека реальностью. Традиционные для многих философских школ и течений противопоставление и разрыв деонтического и онтологического в реальной ткани социальных отношений, образующих социальную действительность, реально преодолеваются именно в форме социальных норм. Нормы — реальность деонтического. Но есть и другой аспект этой проблемы. Деонтическая сфера общественного и индивидуального сознания, деонтические представления являются для человека не-

⁵³ Богораз В. Г. Чукчи. М., 1939; он же. Восемь племен. М., 1962; Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936; Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1965; и др.

оспоримой высшей объективной реальностью. Человек и общество не только объективируют и экстерниорируют деонтические представления, ориентируются на них как на объективные образования и отражают их в нормах в качестве объективной основы последних, но и реально «порождают», сами активно создают эту подлинно человеческую объективную реальность.

Социальные нормы формируются на объективной основе, но они всегда несут в себе заряд «преодоления» этой жестко детерминирующей все проявления людей основы⁵⁴.

Вырабатывая нормы своих взаимоотношений друг с другом и своего поведения, члены общества исходят из классовых представлений о высших идеалах и социальной реальности, не менее реальной и объективной для них, чем, скажем, законы физического и биологического мира. И в этом смысле объективной реальностью оказываются для них их представления о «должном», о долге, о своих обязанностях и правах, и именно эти представления и следование нормам, выработанным на их основе, дают нам примеры самоотверженности и героизма, стойкости и убежденности.

Некоторые исследователи, пытаясь выделить иную объективную основу высших нравственных норм, иногда рассматривают в качестве таковой биологические и генетические законы⁵⁵. Такое «сведение» нравственности к генетике, возможное в некоторых специальных случаях, неоправданно «снижает» вопрос об объективности для человека его деонтических представлений. Попытки выявить «гены добра и зла» как основу нравственности могут быть использованы, в частности, для оправдания дурной наследственностью асоциальных и безответственных поступков человека. Мы полагаем, что даже в том

⁵⁴ В этой связи нам представляется ценной интерпретация социально-психологической активности личности как «надситуативной» деятельности субъекта. Такая трактовка была предложена В. А. Петровским (см., например: *Петровский В. А.* Активность как «надситуативная деятельность субъекта». — В кн.: Тезисы научных сообщений советских психологов к XXI Международному психологическому конгрессу. М., 1976; и другие работы автора.

⁵⁵ Вопрос о генетической обусловленности и генетическом фонде как основе норм альтруизма был, в частности, затронут В. П. Эфроимсоном в докладе, прочитанном на заседании Московского отделения Общества психологов.

случае, если удастся выявить генетическую основу нравственных качеств, человек должен испытывать ответственность за свое нравственное или безнравственное поведение. «Дурная» наследственность и должна подвергнуться коррекции в ходе социального воспитания. Деонтическое, должное, нормативное является феноменальной тканью социального, социальной реальностью, объективной действительностью, отражаемой в форме и содержании психической деятельности и в поведении человека. Должное отражается когнитивно, познавателью, феноменальным полем сознания, реализуется в содержании поведенческих актов в структуре мотивации, в формах поведения и деятельности.

Нормативная, деонтическая, модальная характеристика объективной реальности, с которой человек имеет дело, является наиболее существенной отличительной чертой социального мира человека.

Нормативность как категория специфической деонтической сферы общественного сознания является отображением объективных условий и отношений «должного», объективно складывающихся при взаимодействии и взаимоотношениях членов сообщества.

Наряду с объективной основой в содержании нормативных требований отражается и степень познания этой объективной основы, объективных условий и требований, и субъективные и объективные свойства субъекта, осуществляющего это отражение в содержании моделей «должного» и в самой форме «нормативности», и многие другие факторы.

Отражение реальных должных отношений осуществляется особой формой сознания — деонтическим сознанием. В общественном сознании сфера деонтического представлена прежде всего этикой. За представлениями о «должном» следует признать особую автономию. Эти представления вырабатываются в связи с системами ценностных представлений сообществ и индивидов.

«Автономность» деонтических представлений означает, что они как модели «должного» сами являются самостоятельной социальной реальностью, из которой люди исходят в своем поведении, тем реальным миром, в котором они живут и который они отражают в своем познании. Разнообразные представления о «должном»,

«нужном», «желательном», «необходимом» являются содержанием вырабатываемых обществом и общностями средств социальной регуляции поведения и прежде всего социальных норм, образцов поведения, оценок и т. д.

Социальные нормы, которые охватывают весь спектр возможных поведенческих реакций, действий и активностей личности, вводят в мир человека особый аспект, особый план, особую модальность долженствования, модальность ценности и оценки, измерение допустимого, приемлемого, желательного, ожидаемого, необходимого.

Большинство современных авторов обычно не видят различия между деонтическим и нормативным. Термин «деонтическое» часто используется ими как синоним нормативного. Разделы научных дисциплин, связанные с изучением норм, обычно предлагают называть деонтикой или деонтологией⁵⁶. Тем не менее мы считаем необходимым различать эти понятия.

Деонтическое выступает прежде всего как содержание оформляемое, опредмечиваемое, реализуемое нормативными системами⁵⁷.

Поскольку сравнительный анализ деонтического и нормативного практически не разработан, но вопрос этот особенно важен именно при изучении психологических закономерностей нормативного поведения, мы считаем необходимым отметить по крайней мере два специфических вида несовпадения деонтического и нормативного.

Деонтическое и нормативное могут не совпадать в особой социальной и культурной ситуации. Один из ярких примеров такого несовпадения был отмечен Б. А. Успенским в докладе, прочитанном на семинаре во Всесоюзном научно-исследовательском институте технической информации АН СССР в октябре 1975 г. При анализе феномена «двуязычия, двоеверия, двукультуры в истории русской культуры допетровского времени» Ус-

⁵⁶ См., например, анализ этого термина в работах: *Момов В.* Норма и мотив поведения.— «Вопросы философии», 1972, № 8; *Ивин А. А.* Логика норм. М., 1973. В последнее время сформировались соответствующие разделы в специальных дисциплинах. Так, врачи широко обсуждают вопрос о «медицинской деонтологии».

⁵⁷ Одним из примеров такого различия может быть заявление Себеки конокраду, о котором иногда вспоминают этики: «Мы убиваем тебя не потому, что ты украл лошадь, а потому что лошадь не должны быть украдены».

пейский установил, что своеобразие исторических, социальных и культурных условий, сложившихся в России в тот период, способствовало формированию и строгому соблюдению двух принципиально различных систем нормативного.

На анализе ряда текстов и культурных ситуаций Б. А. Успенский показал, что «правильное поведение» и соблюдение «праведных норм» считались необходимыми, «должными» лишь в особых, «правильных ситуациях». Для соблюдения «правильного», «праведного» обряда требовалась особая, заданная «святость» места и времени. В «Хождении за три моря Афанасия Никитина», например, прямо указывалось, что праведник должен отступать от праведного поведения в земле язычников. Использование церковно-славянского языка почиталось недопустимым в ситуациях несвятых и несакральных. Кошунственным оказывалось не использование житейского, простонародного языка в житейских, «срамных» ситуациях, а, наоборот, отказ от этого «подобающего» ситуации, месту и времени языка и норм словесного и обрядового поведения. Божба в неподобающем месте и случае рассматривалась как оскорбление святого. В «праведных ситуациях» запрещалось использование метафор, в которых свойства человека приписывались бездушному объекту (типа «дождь идет», ибо идти мог только человек). Требовалось избегать вести себя неправильно в «правильной» ситуации и в «правильном» месте и, наоборот, не следовать нормам правильного поведения в неподобающих ситуациях. Наряду с правильным поведением допускалось и даже требовалось «антиповедение».

Для носителей культуры, для всего народа обе системы нормативного выступали как единое целое. Каждая разновидность поведения — и правильного, отвечающего представлению о «должном» и норме, и неправильно, выступавшего как антиповедение, как недолжное, но нормативно заданное — дополняла друг друга и предписывалась в соответствующих ситуациях.

На основании материалов, собранных Б. А. Успенским, мы приходим к выводу, что в «феномене двукультуры» одна из нормативных систем объединяла деонтическое-должное и нормативно заданное, а другая нормативная система, хотя и была задана в целом как «долж-

ная» в соответствующих условиях и ситуациях, но являлась лишь нормативной, а не подлинно должной. Неправедное, несоответствующее деонтическим представлениям более высокой нормативной системы поведение предписывалось и являлось нормативным. Но должным считалось несоблюдение в неправедной ситуации норм праведного поведения, а не само неправедное поведение. Как показывает анализ Б. А. Успенского, для принявших монашеский чин грехом был выход в «мир», а не само несоблюдение монашеских обетов. Несоблюдение монашеских обетов в миру хотя и не считалось виной, но не снимало ответственности за то, что принявший обет оказывался в неподобающем месте и ему предписывалось, нормативно задавалось такое нарушение.

Таким образом, расщепление деонтического и нормативного возможно за счет формирования в единой нормативной системе двух нормативных подсистем. В первой сочетается нормативное и деонтическое, при этом содержание деонтического этой подсистемы диктует формирование другой нормативной подсистемы, возможно, даже полностью противоположной первой. В этой второй нормативной подсистеме деонтические представления и нормы первой действуют ограничительно и негативно. «Должным» признается соблюдение норм «недолжного» поведения.

Нам представляется, что описанное явление можно выявить в различных культурах и социальных ситуациях. Некоторые общечеловеческие моральные ситуации могут быть проанализированы подобным образом, например введение смертной казни за определенные виды преступлений при существующих абсолютных нравственных нормах, исключающих насильственное лишение человека жизни.

Норма «должно-недолжное», «должно, нормативно задано поступать недолжным образом» (причем «недолжным» именно в рамках данных представлений о «должном», а не в иных деонтических системах) представляется нам не исключительным, хотя и специфическим случаем расщепления нормативного и деонтического.

Другим более распространенным и даже обыденным случаем является своеобразное «отчуждение» нормативного от носителей деонтических представлений и «опред-

мечивание» его. С этим явлением мы сталкиваемся при изучении институционализированных нормативных систем любой социальной организации.

Поскольку содержанием нормативной системы являются представления о должном, то в институциональной нормативной системе социальной организации осуществлена институционализация деонтических моделей и самого «нормативного».

При институционализации «нормативного» происходит как бы его «расщепление». В институциональную нормативную систему включаются экстерниоризированные, формализованные, официальные, «внешние» характеристики и свойства нормативного. По сути дела, отображенные и «превращенные» формы нормативного являются «нормативными» лишь в потенции. Институционализированные в сводах, кодексах, правилах организаций представления о «должном», выступающие как системы нормативных средств регуляции поведения в организации, сами по себе еще не являются собственно «должными». Они становятся таковыми, лишь обретая своих «носителей» — тех членов организации, которые воспринимают, принимают и реализуют их как «должные», как модели «должного», как нормы.

Расщепление потенциально и реально нормативного порождает важнейшую проблему «включения» человека в организацию, принятие им ее нормативной системы. Институционализированная нормативная система (как и сама система социальной организации), будучи объективированной, обезличенной, экстерниоризированной, опредмеченной формой «нормативного», предстоит человеку и становится реально нормативной лишь в том случае, если человек руководствуется в своем поведении ее нормами, если они воздействуют на его поведение и прежде всего если он включает эти нормы в свою, личностную нормативную систему.

В институционализированной нормативной системе социальной организации происходит не только расщепление деонтического и нормативного (и потенциально, и реально нормативного), но и расслоение нормативного. Возможность такого расслоения и отделения нормативно-заданного, экстерниоризированного, включенного в систему внешних форм от нормативного, отнесенного к носителю нормативного, к группе, принявшей эти нормы,

или к усвоившему нормы человеку, указывает на то, что свойства нормативного, взятого лишь в сфере общественного сознания (что осуществляется прежде всего этикой), не исчерпывает этой характеристики социального.

Социальные нормы историчны и конкретны. Они вырабатываются самими людьми в соответствии с условиями и требованиями реальной жизни и деятельности, в соответствии с оценивающим отношением к действительности, в соответствии со своими представлениями о должном, допустимом, возможном, ценном, желательном, отвергаемом, порицаемом. Но предписательный характер норм не означает пассивного, недейственного усвоения их индивидами. Человек всегда воспринимает и вырабатывает нормы, не только обладая уже определенными представлениями о должном и ценном, но и занимая определенное место в системе общественных отношений, в социальной структуре общества. Нормативность социального отображает реальный исторически и объективно качественно определенный, конкретный процесс взаимодействия между людьми в рамках того или иного сообщества, систему социальных отношений социальных групп и общностей, систему властных и зависимых отношений, сложную сеть взаимодействий и взаимозависимостей. Существование человека вне этих общественных отношений, объективно и нормативно ему заданных, невозможно. Именно социальные нормы, предъявляемые индивиду, усваиваемые и реализуемые им, включают человека в систему этих отношений и зависимостей.

Проблема качественного анализа норм и нормативного поведения

Социальные нормы, вырабатываемые и используемые в обществах с различными социально-экономическими и идеологически-политическими системами, отличаются прежде всего содержательно, качественно, «феноменально».

Содержательные различия определяют различия в функциях, назначении и даже психологических механизмах действия социальных норм.

Качественное своеобразие обществ, имеющих различные социальные структуры, качественные особенности социальных групп, входящих в эти структуры, специфика

отношений, взаимодействий, форм поведения и проявления личности в этих взаимодействиях и взаимоотношениях — факторы, определяющие содержание социальных норм.

Выявление содержания социальных норм — сложная методологическая и теоретическая проблема. Многие авторы отмечают методологическую и методическую сложность описания характера и содержания даже институционализированной, наиболее объективированной, экстерииоризированной системы норм. Нормы объективны и не зависимы от мнений тех или иных групп и индивидов, но при выявлении и описании норм социологи обычно пользуются лишь этими мнениями. Основанные на изучении мнений конкретно-социологические исследования позволяют определить степень приемлемости, распространенности, желательности, предпочтительности и другие характеристики систем норм, но не их объективную основу и не содержание.

С помощью специальных приемов можно собрать информацию о том, что признается той или иной группой или индивидами как предписанные «нормы». Обычно это данные об ожиданиях, о том, что считается «должным», «желаемым», «одобряемым», «ожидаемым», «отклоняемым» и т. д., т. е. о мнениях модального порядка и прежде всего деонтического. Это, если перефразировать формулировку Б. А. Грушина⁵⁸, открывает нам мир деонтических мнений о деонтическом мире.

Однако даже использование индивидуального сознания человека для получения данных о содержании «обыденного сознания» в конкретной социологии не идентично анализу содержания собственно индивидуального сознания, а тем более содержания субъективного мира личности. Социологические опросы, анкетирование, интервьюирование используются для «вычерпывания» из содержания индивидуального сознания членов общности фактов и данных, обрабатываемых и обобщаемых, «возводимых» с помощью методов конкретной социологии в разряд «обыденного сознания», которое является разновидностью если не общественного, то «коллективного» и во всяком случае не индивидуального сознания.

⁵⁸ Грушин Б. А. Мир мнений и мнения в мире. М., 1967.

Содержательный анализ систем социальных норм, включенных как в общественное и обыденное сознание, так и в индивидуальное сознание, в субъективный мир личности, принадлежащей к определенному обществу, особо важен при исследовании действия в обществе нравственных и моральных норм.

Этика, литературоведение и другие формы общественного сознания собрали огромный материал относительно той нравственной, деонтической реальности, которую отражает индивидуальное сознание и в которой формируется и реализуется нормативное поведение личности и осуществляется социальная регуляция поведения. Эти дисциплины дают нам сведения о содержании и наборе критериев, принятых в обществе или в различных сферах общественного сознания для качественной спецификации и содержательных характеристик нравственных и моральных явлений, процессов, состояний. Но они не дают нам сведений о том, какие именно критерии и какое содержание выбираются и используются личностью, тем или иным человеком, той или иной группой при оценке и определении этих явлений.

Существуют многочисленные определения добра и зла, их признаков и т. д.⁵⁹ Однако знание этих определений, содержания этих понятий в этических системах и учениях, равно как и знание критериев и признаков для определения действий, поступков, помыслов людей как нравственных, преследующих добро, так и безнравственных — индифферентных или негативных по отношению к этим определениям и этим признакам — еще не идентично знанию о том, как человек определяет «добро» и «нравственность», какие критерии он выбирает сам, как относится он к этим критериям, а также критериям и определениям, используемым в этических системах и в общественном сознании данного общества, в общественном мнении данной группы. В этом случае мы не знаем и о том, как осуществляется регуляция выбора варианта поведения, как социально, нормативно, ценностно, нравственно обусловлено поведение личности. Фактически не знаем, не имеем сведений и даже источников

⁵⁹ См., например: *Днепров В.* Литература и нравственный опыт человека. Л., 1970; *Титаренко А. И.* Структуры нравственного сознания. М., 1974; и др.

информации для получения необходимых данных о механизмах нормативной регуляции поведения личности.

Отрыв содержательных характеристик нравственных категорий от содержательных характеристик нравственных явлений в сфере субъективного мира личности, а содержания общественного сознания от механизмов и процессуальной стороны нравственного поведения закрывает этике выход в сферу реального действия и поведения человека. Это обесценивает этические системы, снижает их значение для общественной практики. Этика, не имеющая завершения и опоры в данных психологии и социологии о механизмах поведения и нормативно-нравственной регуляции деятельности личности и групп, не может выполнить своих важнейших социальных функций.

Данные о содержании, качественных «феноменальных» характеристиках социальных норм и об оценке, отображении, смысле их для человека становятся решающими при изучении социальных норм как регуляторов взаимоотношений, взаимодействий между людьми и их поведения.

Это положение достаточно проиллюстрировать следующим примером. Механизм поведения личности, характер действия социальных норм различны при осуществлении институционального, соответствующего системе институционализированных социальных норм, или антиинституционального поведения. Различны и социальное значение, социальная оценка и значимость для личности и общества этих видов поведения. Но только содержательный анализ институциональных систем норм, систем норм группы, к которой принадлежит данный человек, а также его личностных норм позволяет вынести социальную оценку его поведения.

Для человека, нарушающего систему институциональных норм, его собственное поведение может выступать как такое, на которое данные нормы не распространяются. Примеры такой оценки очень часто приводят исследователи отклоняющегося поведения подростков, когда оно строится не по типу антиинституционального, но по типу внеинституционального поведения, т. е. поведения, регулируемого с помощью не принятой данным институтом, а иной системы норм.

В другом случае человек может сознательно осуществлять антиинституциональное поведение, если он высту-

пает как участник социального движения, целью которого являются именно уничтожение, изменение, смена, замена данного института. Но и в этом случае человек может осуществлять как анти-, так и институциональное поведение, но институциональной для него будет иная система социальных норм — норм того института, который он стремится утвердить своим поведением.

Социальная оценка такого поведения возможна лишь при содержательном анализе двух конфликтующих институциональных систем, их прогрессивности, гуманности, ценности для общества и т. д. Соответственно различны будут и оценка своего поведения самим человеком, и механизмы его поведения.

Антиинституциональное поведение возможно и в случае неосознанного протеста, без включения человека в то или иное социальное движение, в результате импульсивных действий, действий его как деклассированного или преступного элемента. И в этом случае поведение будет регулироваться иными средствами, иными будут его механизмы. И хотя во всех перечисленных случаях с функциональной, процессуальной стороны мы имеем дело с антиинституциональным поведением, очевидно, что осуществляется оно с помощью разных механизмов, под воздействием различных систем норм, по-разному оно оценивается и воспринимается человеком, по-разному включено в его субъективный мир и по-разному должно быть расценено обществом, так как имеет неодинаковые социальные последствия и социальное значение.

Лишь при содержательном анализе могут быть выделены важнейшие и в функциональном, и в процессуальном отношении характеристики систем социальных норм, отличных прежде всего в содержательном плане.

Что предписывается и запрещается членам той или иной социальной группы, что считается должным поведением для ее представителей, для лиц, занимающих определенный статус, отражается не только и не столько в кодексах этих объединений или в общественном мнении членов данной группы, но и в осознании этих кодексов, в отношении к ним, в убеждениях, сформулированных на их основе, т. е. в содержании психики и внутреннего мира личности. Эти содержательные характеристики норм также существенны для анализа процессов идентификации членов групп с социальным статусом своей группы,

со своим положением в социальной структуре. Примеры в этой области бесконечны и должны составлять предмет специального содержательного исследования систем социальных норм и механизмов их действия, механизмов нормативного поведения людей.

Таким образом, анализ содержательных, качественных, феноменальных характеристик социальных норм и соответственно содержательных, качественных, феноменальных характеристик субъективного мира личности и сознания является первостепенной задачей психологии и социальной психологии при изучении норм и нормативного поведения.

Как субъект личность суверенна. Утверждая, что атрибутом личности как субъекта является наличие внутреннего, субъективного, неповторимого, качественно специфического внутреннего мира, мы оказываемся перед этической проблемой — права на объективацию и анализ этого мира, а тем более права на использование данных об этом мире.

Вопрос об этической стороне социальной регуляции поведения личности, о формах и целях такой регуляции, о границах и допустимости ее целей, средств и приемов имеет огромное социальное значение. Он не может быть решен и оценен без участия психологов. Подчеркивая и определяя специфику объекта — личности и ее субъективного мира, психология выполняет важнейшую социальную функцию — функцию определения границ и охраны внутреннего мира и прав личности.

Изучая механизмы и закономерности регуляции поведения и внутреннего мира личности, психология выделяет те области, в которых оказываются возможными без нарушения принципа суверенности личности социальное регулирование и регламентирование поведения, даже включение принципов такой регуляции в собственно субъективный суверенный мир личности.

Социальное и этическое значение работы в этой области является одной из причин, по которой психология не может уйти от разработки содержательного анализа субъективного мира личности. И именно эта работа является наиболее существенным вкладом психологии в развитие общественного сознания и наиболее существенной помощью общественной практике.

3. ФУНКЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ

Все социальные нормы функциональны: они осуществляют в обществе определенные, необходимые обществу или группе функции.

Как показали социологические и культурно-антропологические исследования, даже самые, казалось бы, необычные, нецелесообразные, малоэффективные, на первый взгляд, нормы обусловлены реальными отношениями, взаимодействиями, ситуациями, представлениями, намерениями членов той или иной общности и соответственно наделены и определенными функциями.

Специальный анализ всегда позволяет выделить функциональную целесообразность социальных норм. Сошлемся для примера на работы в области семиотики, семантики знаковых систем. В ряде работ по семиотике и семантике ритуалов была показана целесообразность некоторых, на первый взгляд произвольных, условных, нецелесообразных социальных норм, получивших в обществе или общности статус ритуала⁶⁰. Функции социальных норм обычно соотнесены с отображенными в них и вызвавшими их к жизни деонтическими представлениями.

Вопрос о видовых и специфических функциях социальных норм

Традиционная буржуазная социология стремится предельно сузить сферу действия, социальное значение и функции социальных норм. Рамки их использования и назначения ограничивают обычно областью так называемых традиционных, рутинных, шаблонных отношений и взаимодействий между членами общества.

Показательно, что системы норм замкнутых элитарных и незлитарных групп, часто экзотических и, казалось бы, не существенных в общественном отношении, связаны с поддержанием «особенности», «исключительности», власти группы и ее устоев. Подобные нормы превращают человека в механического «носителя» этих специфических норм, полностью зависимо от мнения

⁶⁰ Мартемьянов Ю. С., Шрейдер Ю. А. Ритуалы — самоценное поведение. — В кн.: Социология культуры, вып. 2. М., 1975.

референтной группы, механизм действия которого практически сводится к формуле Грибоедова: «...что станет говорить княгиня Марья Алексевна!» Подобные функции норм и становятся объектом изучения в большинстве современных исследований западных социологов и социальных психологов.

В работах социокультурного направления нормам приписываются функции элементов социокультуры, которая обычно трактуется как нормативно-ценностная система данной общности. Вкупе со структурным функционализмом социокультурное направление ввело в социологию понятие о ряде действительно существенных функций социальных норм, но полностью игнорировало при этом качественный анализ тех или иных норм и содержательные характеристики сферы их применения.

Направление, возглавляемое Т. Парсонсом, придавая вопросу о функциях социальных норм большое значение, выделяет важные структурно-функциональные характеристики норм, но ограничивает их функции в соответствии с абстрактной схемой системно-структурного анализа общества-социума и его функциональных компонентов. В соответствии с установками структурно-функционального и социокультурного анализа нормам приписываются два типа функций: 1) функции обеспечения членов общности и общества эталонами, образчиками, моделями, стандартами, шаблонами поведения, отношений, взаимодействий; 2) функции стабилизации, упорядочивания, уравнивания, интеграции отношений в социуме. Оба типа функций оказываются сходными, а «культура» рассматривается как «хранилище» этих эталонов, стандартов, образчиков.

Рассматривая социокультурные и структурные функции норм, представители этого направления фактически полностью отождествляли понятия культурных и социальных норм, абстрагируясь от специфики содержания и функций социальных норм. Тем не менее структурно-функциональный анализ социальных норм позволяет выделить многие существенные функции, например, такие важнейшие функции, как запретительные и предписывающие, охранительные и поддерживающие, ориентирующие и прогнозирующие, эталонизирующие и упорядочивающие, установочные и регламентирующие и т. д. Для структурно-функционального анализа роли социаль-

ных норм в социальных процессах особо ценным явилось различие Р. Мертоном явных и латентных функций социальных образований (соответственно и норм), а также функций норм в установлении соотношений цели и средств деятельности членов общности.

Использование позитивных сторон структурно-функционального подхода к социальным нормам и обращение к реальной социальной практике применения в обществе этих норм позволили болгарскому социологу В. Момову⁶¹ выделить ряд существенных функций социальных норм. Момов отмечает использование социальных норм для регламентации повторяющихся действий, их функции в качестве масштаба, меры, эталона, обобщения, измерения, моделей поведения, отношения и деятельности и т. д. Однако и эти функции нельзя считать специфичными для социальных норм, подобные функции выполняются любыми нормами, в строгом смысле слова не относящимися к социальным, т. е. не вырабатываемыми в условиях действия закономерностей социальной действительности. Подобные функции следует рассматривать как родовые функции, распространяющиеся в силу именно их родового характера и на социальные нормы.

Социальные нормы обладают важными специфическими функциями, присущими именно этому виду норм. Эти функции могут быть выделены при анализе способов использования социальных норм.

Социальные нормы как средства социального контроля и социального влияния

Функции социальных норм по сфере их действия определяются в связи с их использованием в системе социального контроля общества.

Под социальным контролем понимают «процессы в социальной системе (обществе, социальной группе), обеспечивающие ее устойчивость и управление входящими в нее людьми, группами, институтами»⁶².

⁶¹ Отметим одну из работ В. Момова, опубликованную на русском языке, в которой рассматриваются указанные функции норм: Момов В. Норма и мотив поведения.— «Вопросы философии», 1972, № 8.

⁶² Философская энциклопедия, т. 5. М., 1970, с. 83—84.

Социальный контроль — это признанное обществом, осуществляемое его основными институтами, организованное воздействие на поведение членов общества в целях решения тех или иных социальных задач. Социальный контроль — это форма управления социальными процессами и поведением членов общества. Социальное управление и контроль осуществляются в рамках любой социально-экономической формации, но их цели, формы и средства различны в буржуазном и социалистическом обществах. В буржуазном обществе социальный контроль — мощное средство власти имущих и используется он в целях утверждения и защиты капиталистического мира. В социалистическом обществе социальный контроль — одна из форм социального управления. Как и все формы и средства социального управления в социалистическом обществе, социальный контроль используется обществом в интересах всего общества и его членов, в интересах совершенствования социальных отношений и коммунистического воспитания.

Буржуазная социология долгие годы эксплуатировала и узурпировала категорию социального контроля. Начальный этап разработки теоретических проблем социального контроля в буржуазной социологии связывают обычно с работами Э. Дюркгейма по «коллективному сознанию»⁶³, принуждающему людей вести себя определенным образом, не считаясь с их собственными интересами; принудительная власть «коллективного сознания» усиливается, по мнению Дюркгейма и его последователей, социальными институтами. Эти работы Дюркгейма зарубежные социологи соотносят с его исследованиями аномии и идеей развития социального контроля над аномией за счет выработки профессиональными организациями соответствующих форм и кодов поведения и их поддержания путем воздействия на сознание членов организации.

Таким образом, проблема социального контроля с самого начала была соотнесена с проблемой ликвидации не желательных для общества отклонений в поведении индивидов и разработкой средств регламентации пове-

⁶³ Анализ этой категории см., например: *Коржева Э. М.* Категория коллективного сознания и ее роль в концепции Эмиля Дюркгейма.— «Вестник МГУ», 1968, № 4.

дения. В этом русле развивались все работы по проблеме социального контроля. Д. Росс, Ч. Кули, У. Томас и Ф. Знанецкий, а в более позднее время Р. Мертон, Д. Мартиндейл, Р. Лапьер и другие буржуазные социологи, разрабатывая проблему социального контроля, выделяли в этом контексте основные функции социальных норм как функции, обеспечивающие устранение отклоняющегося поведения и тем самым повышение стабильности социальной жизни, поддержание «общественного порядка», обеспечение устойчивости социальной системы общества.

В контексте проблемы социального контроля, понимаемого как осуществляемое социальными институтами целенаправленное, рациональное социальное воздействие и изменение, устраняющее отклонения в целях приспособления поведения людей к внутренним противоречиям данной социальной системы, функции социальных норм замещались в основном функциями санкций. Санкции эти связаны с выполнением или нарушением тех или иных социальных норм, с поддержанием или преобразованием «естественного порядка сцепления» индивидов (в частности, в малых группах), ограничением и нивелированием нарушений и отклонений, вызванных урбанизацией, миграцией, промышленным развитием, экономической аномией (по Дюркгейму), фактически со всеми процессами социальной, экономической, политической и духовной жизни общества. Особое внимание проблемам социального контроля и нормам как средствам установления и реализации этого контроля в целях обеспечения устойчивости и интегрированности социальной системы уделял Т. Парсонс, а также его многочисленные последователи в буржуазной социологии.

Несостоятельность многих положений буржуазной социологии об эффективности жесткого социального контроля в капиталистическом обществе особо проявляется в связи с попыткой зарубежных исследователей выявить собственно социально-психологические механизмы действий норм как средств социального контроля. Мы рассматриваем эти вопросы далее («Проблема сочетания нормативной регуляции и мотивации»).

В настоящее время в зарубежной социальной психологии наметилась тенденция противопоставлять процессам институционализированного социального контроля

процессы социального влияния, изучение которых передается рядом авторов исключительно в ведение социальной психологии⁶⁴.

«Социальное влияние» раскрывается Э. П. Холландером⁶⁵ как обобщающий термин, указывающий на существенную черту социальной психологии, а именно на эффект, который оказывают индивиды, как отдельно, так и коллективно, друг на друга. Крайне высокую степень детерминации, оказываемую таким воздействием, Холландер и считает «социальным контролем». Холландер высказывает мнение, что если в социальной психологии возможна всеобъемлющая теория, то она, несомненно, должна иметь дело с явлениями социального влияния. Однако в рамках проблемы «социального влияния» нормам и «культурным традициям» отводится фактически лишь роль «контекстуальных» факторов. Тем не менее материал социально-психологических исследований, обобщенный и анализируемый в работе Холландера, насыщен данными об имплицитно включенных в прочие виды регулятивных воздействий социальных нормах.

При использовании норм как средств социального контроля и социального влияния возникает ряд сложных методологических, аксиологических, социальных и этических проблем, которые обычно замалчиваются буржуазными социологами⁶⁶.

Для общества и человека существенно: 1) каким образом, с помощью каких средств и за счет каких процессов может быть реализован социальный контроль «на уровне» индивида, т. е. социальный контроль индивидуального поведения и сознания личности; 2) в какой степени, в каких пределах и в каких сферах адекватен именно социальный контроль; 3) в какой степени общество с помощью социальных институтов, осуществляющих по-

⁶⁴ Следует отметить, что первоначально американские социальные психологи проводили анализ институционализированных социальных норм и механизмов регуляции поведения индивидов этими нормами (отметим, в частности, работы Ф. Олпорта).

⁶⁵ *Hollander E. P. Processes of Social Influence. Introductory paper for the Social Influence Symposium, XXI-st International Congress of Psychology. Paris, 1976.*

⁶⁶ См., например: *Рощин С. К. Использование психологии в системе социального контроля капиталистического общества.*— В кн.: *Психологические проблемы социальной регуляции поведения.* М., 1976.

добный социальный контроль, может и должно регламентировать поведение индивида, какова степень «свободы» индивида и каковы границы его «независимости» и «защищенности» от неадекватно «расширенных» средств и целей социального контроля.

Правомерность постановки этих проблем обусловлена «экспансией» средств и методов социального контроля в капиталистических странах. Как показывают специальные исследования, социальные нормы и другие средства социального контроля широко используются для социально направленной «модификации поведения» индивидов в целях решения ряда социальных проблем капиталистического общества, для «институализации» средств социального давления и социальной ориентации, принудительного, «навязчивого» воздействия средств массовой коммуникации в условиях капиталистического общества.

Разработка социологических и социально-психологических проблем социального контроля в нашей стране имеет огромное идеологическое и практическое значение. Изучение закономерностей целенаправленного, детерминированного социально-экономической и политической системами социалистического общества, организованного воздействия на социальное поведение его членов необходимо прежде всего для выработки эффективных и гуманных форм и средств такого контроля. Совместная работа социологов и психологов с пропагандистами, юристами, воспитателями, руководителями коллективов должна привести к созданию таких форм и средств социального контроля⁶⁷.

Функции социальных норм как средств институционализированного социального контроля или как «фоновых» средств некатегоризированных форм социального влияния — регулятивные функции социальных норм — весьма важны для общества. Но выявление, оценка и обеспечение этих функций социальных норм возможны лишь в связи с определением функций норм в регуляции социальных отношений групп и их участников.

⁶⁷ См., например: Яковлев А. М. Преступность и социальная психология. М., 1971; Шерковин Ю. А. Психологические проблемы массовых информационных процессов. М., 1973; он же. Пропаганда: социально-психологический аспект.— В кн.: Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.

Функции социальных норм в социальной структуре общества

Основным социальным контекстом для анализа функций социальных норм является проблема образования и функционирования социальной структуры общества. Функции социальных норм прямо связаны с природой и характером структурных связей и компонентов социальной структуры общества. Как мы уже отмечали, социальные нормы используются обществом и группами как средства регламентации, поддержания, обеспечения, оценки, контролирования, регулирования связей и отношений социальных классов, групп, общностей в социальной структуре, как средства включения человека в социальную структуру общества.

Нормы выполняют функции регламентации, регулирования и контроля взаимодействий и взаимоотношений между людьми в любой кооперированной деятельности, когда они вступают в эти взаимодействия как представители тех или иных социальных групп, включенных в социальную структуру общества. Как уже отмечалось, именно эти взаимодействия людей и групп регламентируются и регулируются с помощью социальных норм, именно эти отношения и формы деятельности и поведения нормативно предписываются, задаются, оцениваются. Но именно в этих условиях разворачивается любой вид социального поведения людей, и потому все стороны и аспекты социального поведения подлежат нормативной регуляции.

Социальное поведение является интегративной и доминирующей формой поведения и проявления личности, все остальные виды активности определенным образом и в определенной степени зависят от него, обусловлены им. В силу этого нормативная регламентация и регуляция распространяется и на все остальные виды жизнедеятельности, свойства личности и проявления психической деятельности и активности человека.

Для поддержания и обеспечения социальной структуры общества и процессов взаимодействия социальных групп и людей как субъектов социального поведения и отношений социальные нормы включаются в систему социального контроля общества, его нормативно-ценностную систему (культуру), в институциональные нормативные системы всех институтов общества.

Социальные институты как своеобразные «социальные органы» общества представляют собой стабильные образования, обеспечивающие устойчивость общественной жизни и общества в целом.

Социальные институты осуществляют многообразные функции, представляя членам общества образцы «институционального» поведения, сознания и отношений как образцы принятые, санкционированные, поддерживаемые, эталонизированные, т. е. социальные нормы.

Основной формой социального объединения людей в настоящее время является социальная организация. Выполнение ею многочисленных социальных функций обеспечивается важнейшим компонентом организации — ее нормативной системой. Нормативная система социальной организации — сложное образование. Зависимые и должные отношения в организации не рядоположены. Заданность организационной цели и заданность формы организации комплексом нормативных требований и специфика кооперированной деятельности предполагают определенную систему зависимых и должных отношений. Отображением этой системы и условием ее поддержания и реализации является иерархическая структура власти, формализованных каналов связей, приняты решения и собственно нормативная система, дополненная системой санкций, обеспечивающих эффективность нормативной системы. В зависимые и должные отношения в организации вступают люди, уже включенные в многообразные социальные общности и группы. Социальная структура общества «накладывается» на социальную структуру организации. В соответствии с этим нормативная система организации отображает и включает эти реальные формы нормативного поведения и взаимодействия. И, наконец, в нормативной системе организации отображены нормы и модели должного поведения людей в отношении самой организации, ее целей, ее символики и самой институциональной нормативной системы и т. д.

Средствами социальной регуляции любой кооперированной деятельности являются образцы и нормы взаимодействия людей в процессе этой кооперированной деятельности.

Все социальные институты и организации используют стандарты, модели, шаблоны, образчики деятельности, поведения, действия, отношений, существующих в

данной сфере деятельности или организации, для оформления, оценки, эталонирования поведения и взаимодействия людей. Образец деятельности — это модель того, «что» и «как» надо делать при выполнении функций в организации. Нормами деятельности и взаимодействия людей в рамках организации выступают правила, стандарты, «императивы», регулирующие, санкционирующие, принуждающие, оценивающие и побуждающие людей осуществлять те или иные образцы деятельности. Нормативная система института или организации как система моделей, представлений, образцов «должного» не полностью отображается в регламентациях и структурных элементах органов этого института или организации. Она является формой реализации прежде всего институционализированной нормативной системы.

Институционализированная (институциональная) нормативная система — основной функциональный компонент гетерогенной нормативной системы социального института или организации. Функции институциональной нормативной системы сводятся к обеспечению существования и функционирования институциональных органов и организаций как внеличных, определенных, экстерниоризированных форм кооперированной деятельности и структуры социальных групп, к реализации нормативных требований, к контролю за выполнением организациями и их участниками предписанных им целевых и социальных задач и функций. В институциональной нормативной системе отображаются реальные отношения власти, зависимости и долженствования.

Социальные нормы оказываются и условиями, в которых развертывается и строится поведение и деятельность людей, и средствами организации и регуляции поведения.

Отображая на разных этапах развития общества исторически сложившиеся формы взаимодействия, взаимозависимости и зависимости между людьми, отношения власти и подчинения в обществе, в производственной сфере и т. д., социальные нормы выступают как каналы и средства реализации отношений власти и зависимости. Выработка норм, их утверждение, распространение, поддержание обеспечиваются властью, которой располагает та или иная социальная группа, а также являются проявлением, реализацией, действенной формой

власти этой группы. Социальные нормы — одно из самых эффективных средств власти.

Многочисленные функции социальных норм в системе социального регулирования общественных процессов и поведения членов общества связаны с использованием норм как трансляторов управляющих воздействий. Использование социальных норм осуществляется при всех видах институционального и на всех уровнях нормативного управления. Соотношение управления и нормативной регуляции поведения — важная проблема, требующая специального анализа, выходящего за рамки данной работы⁶⁸. Однако здесь необходимо отметить, что многообразные виды и формы социальных норм составляют основу и средства всех процессов управления в обществе.

В силу центрального положения в системе социальной регуляции поведения социальные нормы несут огромную функциональную и идеологическую нагрузку. Они используются как каналы и средства регуляции всеми социальными движениями и течениями, оформление и существование которых прямо зависит от выработки и использования ими качественно определенных, отражающих их сущность и направленность систем социальных норм. Многие «болезни» современного социального развития капиталистического общества — конформизм, мощное социальное давление на «массового» человека, насаждение идей «вседозволенности», нигилизм, различные формы экстремистских движений, насилие, обесценивание нравственных и ценностных категорий, огрубление и «офизичивание» представлений о человеке и его правах и месте в обществе опираются как на расшатывание традиционных, исторически сложившихся систем социальных норм, так и на формирование новых систем, обслуживающих новые устои.

Способность человека и общества противостоять разрушительным тенденциям, способность устоять против их мощного давления, выработать, сохранить и реализовать на практике высшие нравственные и общественные идеалы также зависит от содержания, прочности и

⁶⁸ Этот вопрос отчасти затрагивается в большинстве работ советских авторов по социологии и психологии управления (см. работы Д. М. Гвишиани, В. Г. Афанасьева, В. А. Трапезникова, Н. И. Лапина, В. Ф. Рубахина и др.).

действенности системы норм, их сознательного усвоения и сознательного следования им. Этому способствует особая функция социальных норм, спаянных с ценностными системами, а именно — функция отображения и защиты идеала.

Социальные нормы как средства регуляции поведения личности и группы

Социальные нормы рождаются в общении людей и обеспечивают возможность и качественное своеобразие различных форм общения. Они оформляют различные виды контактного и опосредованного общения, различные виды кооперации деятельности и усилий людей, конфликтное общение; конфликт на основе несходства норм приводит к разрыву процесса общения.

Наличие систем социальных норм позволяет выделять нормальное и аномальное, отклоняющееся и противонормное поведение. Важнейшие виды и типы социального поведения (массовидное, ролевое, компенсаторное и т. д.) также специфицируются и определяются использованием системы норм.

Многочисленные функции социальных норм в обществе, возможность их реализации и выполнения обусловлены особыми свойствами и назначением норм. Внешние, внеличностные требования общества с помощью социальных норм и в их форме адресуются и предъявляются человеку как личности и члену той или иной группы, общности, общества.

Такая «двуликость» социальных норм — их обращенность к обществу, общности, группе и к человеку, личности, члену общности — и превращает их в средство осуществления важнейших социальных функций и средство социальной регуляции поведения.

Выполнение социальными нормами разнообразных социальных функций возможно только при их действенности и эффективности как средств социальной регуляции поведения человека. Это делает социально значимым вопрос о психологических и социально-психологических механизмах социальных норм и закономерностей нормативного поведения и процесса регуляции.

Любые представления о должном, идеалы, нормативные установления останутся прекрасными словами, если не будут обеспечены эффективные механизмы их воздействия на человека и реализации им этих представлений и идеалов в практике своего поведения. Любые нормативные системы и уложения останутся формальными сводами, если не будут использованы психологические и социально-психологические закономерности организации и регуляции поведения людей и отношений между ними. Действие любого социального института и институционального уровня управления и регуляции будет сведено на нет при «отказе» механизмов действия социальных норм на уровне личности и группы. Накопленный социальный опыт останется втуне, если не будет доведен до реального человека по каналам социальных норм. Именно поэтому мы считаем одной из важнейших социальных функций социальных норм обеспечение сочетания внеличностных требований, условий и задач общества с поведением и проявлением личности.

С помощью социальных норм общество формирует, оценивает, поддерживает, защищает, воспроизводит не-обходимый данному обществу, отвечающий его природе, реализующий его идеалы, обеспечивающий его существование, воспроизводство и развитие тип общения, поведения, сознания личности — члена данного общества. Человек, в той или иной мере усваивающий, оценивающий, принимающий или отвергающий эти нормы, следующий им слепо или сознательно, активно реализующий их в своем поведении или пренебрегающий ими, пассивно воспроизводящий стереотип или активно утверждающий или изменяющий его соответствующим образом, всем этим выражает свое отношение в социальном и в собственно психологическом смысле этого термина⁶⁹ не только к самим нормам, но и к обществу. В том, как строится и реализуется процесс активных взаимоотношений и взаимонаправленности воздействий общества и его членов, также проявляется характер систем социальных норм и соответственно характер данного общества.

⁶⁹ Анализ «отношения» как психологической категории был дан в работах В. Н. Мясищева (см., например: *Мясищев В. Н. Личность и неврозы*. Л., 1960; *он же. Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека*. — В кн.: *Психологическая наука в СССР*, т. 2. М., 1960; и др.

Становление и развитие личности человека обусловлены усвоением заданной и формированием личностной системы норм. Социальные нормы выполняют и особую функцию — они используются как условия и детерминанты собственно социального развития личности.

С помощью социальных норм осуществляются все процессы так называемой социализации личности. Хотя сам термин «социализация»⁷⁰ нам не представляется удачным, он может быть использован условно для обозначения процессов социального развития человека. При этом необходимо различать общее и специфическое значение этого термина.

В широком смысле слова в психологическом плане анализа к процессам «социализации» могут быть отнесены закономерности усвоения и присвоения человеком в ходе онтогенетического развития исторически накопленного обществом опыта, знаний, навыков, умений, установок, ценностей и т. п. Работы в этой области советских психологов широко известны, и здесь нет необходимости специально их рассматривать⁷¹. Следует подчеркнуть, что все процессы овладения человеческим опытом в ходе онтогенетического развития личности обеспечиваются и реализуются с помощью сложной системы социальных норм, выступающих и как объект усвоения и присвоения их человеком, и как условия, форма, заданный способ такого усвоения, присвоения.

В узком, специальном смысле слова к процессам «социализации» следует отнести процессы, обеспечивающие включение человека в ту или иную социальную группу⁷². Социализация осуществляется путем формирования необходимых обществу и группе социальных свойств личности, ее статусных характеристик, в ходе овладения личностью системой норм и ценностей данной социальной группы и связанных с данным социальным статусом личности. В этом случае система социальных

⁷⁰ См. работы в кн.: Handbook of Socialization Theory and Research. D. Goslin (Ed.). Chicago. 1969.

⁷¹ Мы имеем в виду работы Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурия, С. Л. Рубинштейна, Б. М. Теплова и др.

⁷² См., например: *Андреевкова Н. В.* Проблемы социализации личности.— В кн.: Социальные исследования, вып. 3. М., 1970; *Бобнева М. И.* О социализации и социальном развитии личности.— В кн.: Социально-психологические проблемы в условиях развитого социалистического общества. М., 1977; и др.

норм характеризует социальную ситуацию развития человека.

Однако и в широком, и в узком смысле слова термин «социализация» не вычленяет специфическую сферу социального развития личности. Под социальным развитием личности мы понимаем процесс формирования и становления свойств, черт, структуры личности человека, обеспечивающих его статус как субъекта социального поведения, отношения, деятельности, процесс формирования особых форм поведения — форм социального поведения, важнейшей из которых и прослеживаемой во всех прочих видах этого поведения является форма поведения нормативного. Социальные нормы выполняют важнейшую социальную функцию, обеспечивая и специфицируя поведение человека как поведение нормативно-социальное.

Именно в указанных отношениях социальные нормы выступают как выраженные вовне характеристики системы взаимодействия личности с социальной средой⁷³. Эта функция норм является важнейшей для социально-психологического анализа, учитывая спецификацию предмета исследования социальной психологии.

Социальные нормы как средства и формы выражения деонтических представлений и отображения деонтической сферы общественного сознания обуславливают то, что развитие личности осуществляется в деонтической ситуации. Как мы уже отмечали, при анализе нормативной и деонтической специфики социальных норм факт развития личности в деонтической ситуации недостаточно учитывается в настоящее время в психологических исследованиях и концепциях. Развитие человека в мире социальных норм обуславливает особую качественную, оценочную модальность психики и поведения в целом, а не только развитие деонтических сфер сознания и мотивации, деонтических установок, деятельности и других проявлений личности.

Развитие личности протекает в ситуации взаимодействия и общения. Всякое взаимодействие и общение обеспечивается, регламентируется, основывается на системе социальных норм, обеспечение этих процессов свя-

⁷³ Аналогичную формулировку на основании психологической концепции С. Л. Рубинштейна вводит В. Момов (Момов В. Указ. соч.).

зано с целым рядом функций социальных норм. Социальные нормы в целом и особый их вид — групповые нормы обеспечивают существование, функционирование группы, включение индивида в группу, процессы и механизмы группового взаимодействия. Групповые нормы используются не только для регламентации внутргруппового поведения личности и межличностных контактных взаимодействий и взаимоотношений, но и для преобразования межличностных отношений в социальные, должные отношения, межличностного взаимодействия в нормативное поведение в группе, общности, обществе.

Социальные нормы используются для оформления и спецификации межгрупповых взаимодействий и взаимоотношений, способствуя включению групп в более сложные социальные объединения.

Оформление и регламентация этих взаимодействий и взаимоотношений при помощи системы социальных норм способствуют, в частности, повышению предсказуемости поведения индивидов в группе, снижают неопределенность в системе социальных взаимодействий и т. п.

Фактически все механизмы и процессы внутргрупповых и межгрупповых взаимодействий и взаимоотношений соотнесены с нормативной регуляцией.

Даже этот неполный обзор функций социальных норм, в котором были отмечены лишь узловые, видовые группы и классы функций, показывает необычайно многообразие функциональных назначений социальных норм. Осуществление нормами всех социальных функций возможно лишь при «срабатывании» социальных, социально-психологических и психологических механизмов регуляции поведения. Однако сами эти механизмы чрезвычайно сложны и включают сложные образования. Социальные нормы выполняют определенные функции и в отношении конституирования, отлаживания, функционирования и запуска этих механизмов. Они служат соотнесению внешних, социальных и групповых механизмов регуляции с механизмами регуляции поведения и проявления личности.

При осуществлении своих социальных функций социальные нормы оказываются включенными в систему внешних и внутренних условий и средств регуляции поведения и, более того, создают, формируют эту систему.

Социальные нормы являются средствами и проводни-

ками самых разнообразных регулирующих и детерминирующих воздействий. Они создают нормативную спецификацию условий поведения, т. е. определяют то, что поведение людей развертывается в особом мире, отличном не только от мира неживой, но и внечеловеческой живой природы, в мире, который характеризуется нормативными, предписываемыми и оценочными параметрами.

В процессе регуляции поведения социальные нормы взаимодействуют с многими формами социальной регуляции, детерминации и обусловливания поведения и свойств личности. Социальное влияние, «заражение», социальное давление, подражание, социальная «мимикрия» регуляции массовидных форм поведения, суггестивная и контрсуггестивная регуляция лишь по видимости противостоят категоризованной форме регуляции с помощью социальных норм, а на поверку всегда используют этот канал регуляции⁷⁴.

Но особенно существенны те внешние и внутренние формы и способы регуляции поведения, где социальные нормы либо являются каналами, по которым проводится социальное воздействие, либо сами реализуются по каналам этих способов регуляции.

К таким формам относится прежде всего нравственная и ценностная детерминация поведения, осуществление которой практически немыслимо вне системы социальных нравственных норм и сущностной соотносительности норм и ценностей.

Социальные нормы включаются в другие средства и способы социальной регуляции поведения, существую-

⁷⁴ Психологические механизмы некатегоризованных форм социальной регуляции и социального влияния следует рассмотреть особо. Некоторые данные для анализа этих процессов были получены в работах советских психологов. См., например: *Шерковин Ю. А.* Проблема внушения и «массовая коммуникация». — В кн.: Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психоллингвистике и теории коммуникации. М., 1972; *он же.* Пропаганда. Социально-психологический аспект. — В кн.: Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975; *Просецкий В. А.* Психология подражания. Автореф. докт. дисс. М., 1974; Проблемы социальной психологии и пропаганда. М., 1971; *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М., 1966; *он же.* Контрсуггестия и история. — В кн.: История и психология. М., 1971; *Аполлонов В. А.* Социально-психологическое заражение как способ общения. — В кн.: Социальная психология и философия. Л., 1973; и др.

щие и используемые в обществе, например ролевые ожидания, обряды, обычаи, ритуалы и др.

При осуществлении регулирующих воздействий социальные нормы сами выступают в роли и внешних, и внутренних факторов регуляции поведения. Будучи усвоенными, интериоризированными, превратившись в факторы внутреннего мира человека, социальные нормы воздействуют на поведение через систему внутренних факторов регуляции — самосознание и самооценку, мотивационную систему, понимание и установки.

Эти сложные процессы развертываются в социальном и групповом поведении и в личностной сфере человека — в его сознании, деятельности, форме и структуре психических процессов, в свойствах, чертах и структуре личности.

Эти функции, процессы и механизмы и будут рассмотрены в последующих разделах работы.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ
И НОРМАТИВНОЙ РЕГУЛЯЦИИ
ПОВЕДЕНИЯ

1. ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
ВНУТРЕННЕГО МИРА ЛИЧНОСТИ

При социальной регуляции поведения личности основными регуляторами и посредниками социального воздействия оказываются высшие качественно определенные образования субъективного мира личности — ценности, нормы, нравственные и ценностные представления, убеждения, идеалы.

Основное назначение социальных норм — регуляция поведения, и естественно, что регуляционный аспект психики представляет для социальной психологии большой интерес. Однако регуляционный, функциональный, структурный, процессуальный аспекты психики (подчеркиваем, психики, а не работы мозга) могут быть отделены от содержательного аспекта психических явлений и субъективного мира личности лишь аналитически, в абстракции.

Соотношение и значение для осуществления регуляции поведения содержательного и структурного, субъективного и функционального, «феноменального» и процессуального — один из центральных вопросов всей теории психологических закономерностей социальной регуляции поведения. Существенным представляется также вопрос о том, что следует считать действительным содержанием субъективного мира личности и как, в каких категориях это содержание может быть отражено в психологии как научной дисциплине.

В психологии два ряда явлений — так называемые феноменальные, содержательные, «субъективные», с одной стороны, и процессуальные, структурные, функциональные — с другой, — противопоставлялись представителями различных школ и направлений как «явление» и «сущность», «продукт» и «процесс», «эпифеноменальное» и «реальное» и даже как «две стороны единого явления», якобы открываемые разными методами в различных связях и отношениях¹. За источник сведений о «феноменальном», содержательном, «внутреннем» обычно брались сведения интроспекционистской психологии. Что считали содержанием внутреннего мира личности интроспекционисты, а в качестве такового оказывалось в основном феноменальное поле сознания², то и все другие направления фактически признавали таковыми.

Хотя вопрос об изучении феноменального поля сознания практически никогда не был снят в психологии³, тем не менее феноменальному аспекту психики и содержанию внутреннего мира личности в целом уделялось недостаточное внимание. Более того, в работах некоторых психологов прослеживается тенденция исключить из сферы психологического анализа и исследования не только содержание сознания, содержание образов, но и все формы феноменального.

Вероятно, одним из наиболее «старых» и принципиальных является аргумент сторонников трактовки психического исключительно как процессуального⁴. Становление психологии как научной дисциплины, борьба с «субъективными» методами изучения психики привели подчас к выводу, что необходимо исключить из психологии и всю сферу «феноменального», понимаемого как «содержательное».

¹ См., например, данные, представленные в работе: *Анциферова Л. И.* Материалистические идеи в зарубежной психологии. М., 1974.

² *Рибо Т.* Психология. — В. кн.: *Метод в науках*, СПб., 1911, с. 205.

³ *Шорохова Е. В.* Проблема сознания в философии и естествознании. М., 1961; *Проблемы сознания*. М., 1966; *Проблемы личности*. Материалы симпозиума, т. 1. М., 1970; *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики, изд. 3-е. М., 1973; *он же.* Деятельность, сознание, личность. М., 1975.

⁴ См., например: *Стаут Дж. Ф.* Аналитическая психология, т. 1. М., 1920, с. 20.

Мы уже отмечали, что подобный подход при изучении социальных норм и их регулятивных функций позволил необихевиористам выкидывать «за ненадобностью» такие явления субъективного мира личности, как моральные обязательства, чувство вины, долг, совесть и т. д.⁵ На основе отрыва феноменального, содержательного, субъективного от «реального», процессуального, функционального в прикладных и неспециальных работах психология причислялась к «житейским», «обыденным» понятиям, а в качестве «содержания» внутреннего мира личности рассматривались лишь знания, усваиваемые человеком, причем процесс приобретения знаний представлялся как процесс «насыщения», «замещения» индивидуального сознания сознанием общественным⁶.

Разумеется, в работах советских психологов вопрос о необходимости изучения внутреннего мира личности никогда не был снят. Советские психологи разработали ряд категорий, которые могут быть привлечены для анализа внутреннего мира личности⁷. Хотя такие категории, как «отношение» в интерпретации В. Н. Мясищева, «установка» в школе Д. Н. Узнадзе, «смысл» и «значение», занимающие видное место в теории А. Н. Леонтьева, относятся самими авторами к категориям структурного, функционального, процессуального анализа, тем не менее их использование приводит к выявлению и раскрытию содержания субъективного мира личности⁸.

Мы полагаем, что все элементы и факторы структуры личности, структуры и функций психических процессов, если они не являются артефактами, а описывают психологическую реальность, не могут не быть соотнесены с выделением, формированием содержания психики, содержания феноменального поля сознания и внутреннего субъективного мира личности. Более того, подлинную психологическую специфику структурные, функциональные, процессуальные элементы и факторы обрета-

⁵ Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения.— В кн.: Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976.

⁶ Пеньков Е. М. Социальные нормы — регуляторы поведения личности. М., 1972, с. 88 и далее.

⁷ Отметим прежде всего последнюю работу С. Л. Рубинштейна: Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.

⁸ Такое использование этих категорий может быть проиллюстрировано их включением в анализ содержания понимаемого.

ют, лишь проявляясь в отношении содержания сознания и внутреннего мира личности. Подлинно психологические закономерности могут быть выявлены лишь при анализе неразрывной связи, единства структурных, функциональных, процессуальных компонентов психических явлений, с одной стороны, и содержания сознания и внутреннего мира личности — с другой. Исключение последних из сферы анализа психологии является, помимо прочего, проявлением недоверия и пренебрежения к внутреннему миру человека, проявлением тенденции за «этифеноменальным» психическим выявить некие «реальные» непсихические процессы, механизмы и т. д. Но тем самым фактически зачеркивается все содержание внутреннего мира личности.

Модель «психологического человека»

Психология, ориентированная на структурные, функциональные, процессуальные аспекты психики, имеет дело с моделью, представляющей современную разновидность модели «психологического человека». «Психологический человек» наделяется все новыми и новыми структурами, функциями, свойствами, процессами, оторванными, абстрагированными от личности и ее внутреннего мира, онтологизированными и субстанциализированными как «реально» существующие «объекты».

Положение дел не меняется, когда к «старым» психофизиологическим свойствам, функциям и процессам добавляют такие «свойства», как ценностные ориентации, нравственные и моральные убеждения, социальные мотивы и потребности, идеалы, нормы и т. д. Структурирование личности как «носителя» этих «свойств» осуществляется логическим, дедуктивным путем⁹. Длительное время психология ориентировалась на подобную упрощенную «модель» личности. Категории, с помощью которых как-то отображались явления субъективного мира личности, такие, как ценности, ценностные ориентации, нравственные чувства и убеждения, либо давались в описательном плане, либо рассматривались наряду (как однопорядковые) с такими «свойствами» и

⁹ Зотова О. И., Бобнева М. И. Ценностные ориентации и механизмы социальной регуляции поведения.— В кн.: Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.

«функциями» «психологического человека», как «память», «воображение» и т. д. «Психологический человек» оказывался по существу не только «деперсонализированным», но и лишенным своих основных свойств — ценностного и нравственного отношения к миру. Считалось возможным изучение «общих» психологических закономерностей человека на таком уровне абстрагирования, когда его ценностный и нравственный подход к миру, а также его внутренний мир не учитываются. Но нет и не может быть таких психологических закономерностей, для которых были бы не значимы эти свойства человека (хотя физиологические закономерности, очевидно, можно изучать и при такой абстракции). Более того, мы утверждаем, что значимы не «пустые», лишенные какого бы то ни было содержания «функциональные» нравственные свойства и ценностные ориентации, но качественно определенные, потому что содержательная, качественная характеристика этих свойств и ориентаций является их основной характеристикой, определяющей их функции.

Сложилось парадоксальное положение. Игнорирование «феноменального поля сознания» привело к полному устранению из сферы изучения психологии субъективного мира личности. Внутренний мир личности, все, что обыденное, житейское сознание и общественное сознание в лице других наук, искусства и даже религии и сам человек как активный, мыслящий субъект в первую очередь и главным образом относят к области психологии, самой психологией как наукой таковым фактически не признается.

Ситуация эта порождает ряд коллизий и прежде всего осложняет отношения психологии с практикой, с другими науками, равно как вызывает к жизни конфликт между запросами и потребностями реального человека и наукой, якобы призванной способствовать удовлетворению этих запросов и потребностей.

Сфера «феноменального», содержание индивидуального сознания, содержание субъективного мира личности было отдано психологами на откуп этике, а также литературоведению, искусству, литературе и религии. Так называемое обыденное сознание стало источником информации в конкретной социологии. Но и содержание «обыденного сознания» не заменяет содержания сознания личности, а тем более ее субъективного мира.

Объектом психологии как комплекса дисциплин мы считаем личность.

Упоминание личности как объекта психологии и, в частности, социальной психологии встречается в ряде работ, например в работах Е. В. Шороховой, К. К. Платонова¹⁰ и других ученых.

В качестве объекта науки (в объектном плане) личность выступает как особая «онтологическая сущность», которая альтернативно может быть противопоставлена внеличностным онтологическим образованиям. Отношение «личностное—внеличностное» мыслится как противопоставление онтологических объектов по одному признаку — наличия или отсутствия «личностных» онтологических образований.

Выделение «личности» или «личностного» как онтологического объекта из всей онтологической картины мира не означает противопоставления, исключения, обособления данной «онтологической сущности». Наоборот, признается и подчеркивается философское, материалистическое, диалектическое включение исключительной, неидентичной прочим, специфической онтологической сущности — «личности» в общую связь онтологических сущностей, в единый, объектный, объективный мир¹¹.

Вместе с тем противопоставление «личностного» и «внеличностного» на уровне онтологии позволяет с самого начала говорить о специфике, исключительности, несводимости «личностных» феноменов к «внеличностным», о возможности выявления специфики этих рядов явлений и, что существенно, об их отношении.

Говоря о личности как «объекте» науки, т. е. как об «онтологической сущности», да еще «допуская» «определение» этой сущности «как носителя сознания»¹², психологи неминуемо оказываются перед вопросом о так называемом субстанциональном и несубстанциональном

¹⁰ См., например: Шорохова Е. В. Социальная психология (Проблемы и задачи). — В кн.: Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975; Платонов К. К. Личность как объект социальной психологии. — Там же.

¹¹ См. для сопоставления: Тейяр де Шарден. П. Феномен человека. М., 1965; Работы по философской антропологии. М., 1971; и др.

¹² Платонов К. К. Личность как объект социальной психологии. — В кн.: Методологические проблемы социальной психологии.

понимании личности. Симптоматично, что в последнее время для психологии вопрос о «субстанции» и «субстанциональности» ее объектов оказался вновь актуальным.

Укажем на попытки А. Н. Леонтьева представить «деятельность» как субстанцию, да еще субстанцию «сознания»¹³. При этом имплицитно отрицательно решается вопрос о субстанциональной природе не только сознания, но и прочих образований, имеющих отношение к личности и ее внутреннему миру. Сюда же следует отнести попытки некоторых психологов использовать последние философские и методологические разработки проблем категории «сознания» с целью доказать «несубстанциональный» характер личности¹⁴.

Подобные попытки фактически связаны с развенчиванием якобы «субстанционального» характера различных психологических категорий — научных абстракций. Механизм подобных построений общий и для традиционной, и для современной психологии. Психологи, отвлекаясь от «метавопросов» об объекте исследования и его онтологическом характере, формировали и формируют разнообразные предметные определения-понятия типа «деятельность», «психика», «поведение», «субъект психической деятельности» и т. д. Затем подобным научным абстракциям с помощью простых логических операций приписываются форма, свойство, атрибуты «онтологического» порядка. Эти абстракции начинают рассматривать как объекты реальные, как онтологические сущности, и поскольку научные абстракции, подставляемые на место онтологических объектов, действительно лишены какой-либо субстанциональной природы, развенчать их как «субстанциональные» образования уже не представляет для тех же психологов особого труда.

Категория субстанциональности как философская абстракция в данном случае не будет нами затронута. В работах, о которых речь шла выше (напомним, в частности, работу А. Н. Леонтьева, в которой в качестве субстанции в психологии рассматривается деятельность),

¹³ Леонтьев А. Н. Проблема деятельности в психологии.— «Вопросы философии», 1972, № 9; он же. Деятельность и сознание.— «Вопросы философии», 1974, № 4; и др.

¹⁴ Родионова Е. А. О постановке проблемы социальной обусловленности личности в зарубежной персонологии.— В кн.: Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976.

осуществлена попытка перевода ее из философской в научно-методическую. При этом под «субстанцией» понимается если не современное «вместилище души», то некое «пространство», в котором располагаются некоторые «сущности». «Пространство» понимается здесь не как философская категория — атрибут материи, а как научная математическая абстракция.

Условно можно принять толкование «субстанции» как абстрактного пространства, в котором размещаются некие «точки» — явления, сущности, процессы, свойства. Тогда личность как «онтологическая сущность», как объект науки может быть представлена таким абстрактным «пространством» — «субстанцией» ее онтологических атрибутов, отличающих ее от другой «онтологической сущности» — «внеличностного», обеспечивающих ее отношения с другими онтологическими объектами и ее включение в общую онтологическую картину мира. Изучение «пространства» онтологических атрибутов личности как онтологических объектов науки и является делом психологии. В этом плане можно говорить, что психические явления, процессы, свойства «размещены» именно в этом «пространстве», т. е. в личности, а не в иных «объектах», например в «мозге», «деятельности», «группе», «машине» и т. д.

Здесь уместно привести одно из многочисленных высказываний С. Л. Рубинштейна относительно того, что «введение в психологию понятия личности означает прежде всего, что в объяснении психических явлений исходят из реального бытия человека как материального существа в его взаимоотношениях с материальным миром. Все психические явления в их взаимосвязях принадлежат конкретному, живому, действующему человеку...»¹⁵ Однако личность как «онтологическая сущность» не идентична «человеку». Человек как онтологический объект «вбирает» в себя не только «личность», но и «внеличностные» образования, включая и «природное», и «социальное», и отношения «личностного» и «внеличностного», что и отмечено С. Л. Рубинштейном в том же отрывке, где все психические явления рассматриваются им «зависимыми и производными от природы и общест-

¹⁵ Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959, с. 117.

венного бытия человека как определяющие его закономерности». Выделение «личностного» и «внеличностного» происходит, таким образом, и в человеке как в реальном, онтологическом образовании. И все психические явления в их взаимосвязях принадлежат конкретному, живому, действующему человеку именно в силу их «включенности» в личность этого человека, их отнесенности к его «личностному» началу.

Наделение онтологическими атрибутами личности (например, психическим отражением, психической действительностью или психическими свойствами) любых внеличностных образований, будь то клетки коры головного мозга, биологические особи, электронно-вычислительные машины или даже «группы людей», представляется неправомерным.

Поскольку все, что «происходит» с объектом, все отношения, в которые он вступает, все его свойства и стороны допускают и предполагают построение специальных предметов исследования, комплекс психологических дисциплин сложен и многообразен. Дихотомия «личность»—«внеличностное» отнюдь не предполагает полного разрыва этих объектов. В единой онтологической структуре мира все онтологические объекты соотнесены и связаны друг с другом. Структура этих связей и отношений также подлежит научному изучению. Анализ отношений «объекта» и «необъекта» полнее раскрывает сущность и свойства объекта. Соотношение различных свойств объекта-личности и «неличного» также является предметом и спецификой ряда психологических дисциплин. Спецификация этих дисциплин идет как по линии особых атрибутов объекта, так и по линии выявления особых форм и свойств «внеличностного» и форм соотношения с последним личностных образований. Социальная психология является одной из таких дисциплин.

В качестве объекта социальной психологии выступают онтологические атрибуты и отношения личности, соотносимые с «социальным внеличностным». В качестве предметной категории социальной психологии «личность» обычно раскрывается как субъект разнообразных отношений и взаимодействий.

Здесь мы оказываемся в сложной области философского анализа. Мы подчеркиваем, что личность является объектом психологических исследований, а затем

утверждаем, что личность может выступать только как субъект отношений и деятельности. Возникает вопрос: можно ли рассматривать субъект в качестве объекта? Очевидно, что в данном случае мы имеем противопоставление двух различных плоскостей анализа: онтологической и гносеологической.

Отличие личности как реально существующей от прочих онтологических объектов — в ее специфике. Субъективность в онтологическом плане проявляется именно в том, что личность наделена внутренним, субъективным миром (в том числе и личностным феноменологическим сознанием). Внутренний мир делает человека личностью и отличает его как личность от всех прочих объектов и образований во Вселенной. Марксистско-ленинская философия и социальная психология прослеживают связь возникновения и существования внутреннего мира личности с бытием человека как нравственного социального существа.

2. ЛИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ

«Личность — явление социальное. Ее социальность многопланова»¹⁶. Это положение широко принято советскими психологами, хотя и в различной интерпретации.

В работах В. М. Бехтерева, П. П. Блонского, Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурия, Б. Г. Ананьева, Б. М. Теплова, В. Н. Мясищева, Б. Ф. Ломова, Е. В. Шороховой, К. К. Платонова, в исследованиях представителей всех направлений советской психологии проблеме соотношения личности и социального, личности и общества придается первостепенное значение. Особое внимание при раскрытии этой темы уделяется историческому подходу к психике, социальной обусловленности психического и личности человека, формированию личности как продукта развития индивида в условиях общества и т. д.

Внутренний мир личности формируется и существует в процессе формирования и реализации многообразных отношений и взаимодействий человека в обществе и группах.

¹⁶ Шорохова Е. В. Психологический аспект проблемы личности.— В кн.: Теоретические проблемы психологии личности. М., 1974, с. 16.

Проблема «модальной» и «типичной» личности

В схеме анализа механизмов и закономерностей нормативного поведения в социальной психологии одно из важных мест отводится понятиям так называемой модальной личности и типичной личности¹⁷.

Под «модальной личностью» обычно понимают тип личности, возникающий как результат действия определенной системы социализации и социального контроля, как результат развития личности в определенных социальных, этнических, культурных, экологических, исторических и других условиях. Это понятие широко используют представители самых разных направлений зарубежной социальной психологии. В культурантропологии «модальная личность» определяется как типичная система черт, которая возникает в определенной культуре. Большое внимание уделяется этому понятию при разработке проблем социализации, использовании в социологии общей теории личности, при анализе проблем национального характера и т. д.¹⁸

В основе понятия «модальной личности» лежит представление о том, что структура личности отдельных членов общества имеет тенденцию повторять или имитировать, воспроизводить или уподобляться «обобщенной», «типичной» структуре личности большинства членов определенного сообщества, общности, группы.

И при постановке вопроса о «модальной личности», и при изучении «типичной личности» основное внимание уделяется самому факту уподобления некоторых форм структуры личности какому-то образцу типизации личности. Факт этот констатируется, но лишь в редких случаях ставится вопрос о механизмах, процессах, закономерностях такого уподобления, типизации, имита-

¹⁷ Вопрос о типичной личности — члена той или иной группы рассматривается в ряде работ К. К. Платонова (см., например: *Платонов К. К. Проблема способностей*. М., 1972; *он же. Модель проектируемой личности социальной группы*. — В кн.: Тезисы научных сообщений советских психологов к XXI Международному психологическому конгрессу. М., 1976; см. также: *Парыгин Б. Д. О соотношении понятий «тип личности» и «стереотипы социального поведения личности»*. — В кн.: Вопросы социальной психологии. Л., 1968; и др.

¹⁸ См., например: *Инкельс А. Личность и социальная структура*. — В кн.: Социология сегодня. М., 1965; *Handbook of Socialization Theory and Research*. D. Goslin (Ed.). Chicago, 1969; и др.

ции и о природе, сущности «продукта» этих процессов.

Одним из основных механизмов этого процесса считается механизм усвоения человеком ценностей и норм, выработанных и принятых в данном обществе, общности, группе, включение усвоенных норм и ценностей в систему и структуру личности. При таком подходе «модальная личность» оказывается продуктом действия социальных норм, их «носителем» и «вместилищем», может быть, даже «субстанцией», а назначение социальных норм сводится к формированию «модальной личности» члена данной общности.

Остается невыясненным, что же должно быть включено в систему и структуру личности помимо «модальной личности»? Является ли это собирательное понятие основным социально-психологическим понятием — моделью личности в социальной психологии? Можно ли рассматривать все отклонения, особенности, свойства, не вмещающиеся в это образование, лишь как «индивидуальные вариации», так сказать, «статистический разброс» по отношению к основному типу?

На основании изложенного в предыдущих разделах мы считаем, что так называемая модальная личность, «типичная для данной группы личности» должна быть отнесена к «внеличностным» образованиям. Наличие в сфере «личностного» определенных внеличностных образований не вызывает сомнения у большинства психологов. Отметим замечание А. Н. Леонтьева о категории «роли» и психологической интерпретации личности¹⁹. Хотя «модальная личность» и не тождественна «роли» или даже системе, набору ролей, тем не менее сходство этих образований несомненно, более того, мы склонны полагать, что «роли» являются атрибутами именно «модальной личности».

Отнесение «модальной личности» к «внеличностным» образованиям позволяет рассматривать факт формирования и проявления отношения личности к свойствам «модальной личности». Формирование самосознания личности и способности человека выделить в собственной личности те аспекты, свойства, их качественное своеобразие как проявлений типичного образа идет именно за счет развития такого отношения. Примером может быть

¹⁹ Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975.

осознание индивидом своей национальной принадлежности и свойств своей личности как национальных, своей классовой и культурной принадлежности, даже профессиональных особенностей характера, мышления и т. д. Наличие отношения личность — «модальная личность» проявляется в факте оценочного, сравнительного отношения человека к себе как к представителю определенной группы, общности, стремление сформировать у себя необходимые качества, понимание своих возможностей как представителя этой группы или общности.

Естественно, что в связи с неразработанностью данной проблемы мы можем лишь в общих чертах говорить о различии личности и «модальной личности» и возможном их соотношении. Возможность разведения понятий «модальной» и психологической личности показывает, что интерпретация понятия «модальной личности» как «продукта» и «вместилища» социальных норм фактически не решает вопроса о психологических механизмах и закономерностях действия социальных норм на собственно психологическом, личностном уровне.

«Личностные нормы» как факторы внутреннего мира личности

Категория личностных норм фактически только начинает формироваться в нашей социальной психологии. К личностным нормам мы относим нормы, принадлежащие не «модальной», а психологической личности и регламентирующие ее личностное поведение.

Определение личностных норм не разработано и за рубежом, встречаются лишь отдельные работы, посвященные изучению личностных норм в контексте выявления условий и процессов актуализации норм в сознании личности, активации поведения индивида, поиска специфических параметров и измерений норм «на индивидуальном уровне».

В ряде работ зарубежных психологов ставится вопрос о «психологических коррелятах» — личностных факторах и образованиях, изоморфных социальным нормам. В работах М. Фишбайна по проблеме установок вводится понятие личностных нормативных убеждений и верований. М. Фишбайн с коллегами предпринял попытку разработать математическую модель нормативного

поведения личности²⁰. Близкое к интерпретации Фишбайна понимание «личностных норм» встречаем у Ш. Шварца, занимающегося экспериментальным изучением нормативного обусловливания поведения по оказанию помощи²¹.

На основании представлений о личностных нормах Шварц разработал ряд гипотез экспериментального и эмпирического исследования. На основании данных исследований он отмечает, что активация личностных норм осуществляется при условиях: 1) когда человек знает о последствиях для других людей его действий в согласии с данной нормой; 2) когда личностная норма требует от человека именно таких действий; 3) когда человек способен контролировать свои действия и их результаты, когда он признает личную ответственность за свои поступки в соответствии с данной нормой.

Таким образом, активация личностных норм (разумеется, если необходимые личностные нормы сформированы) зависит от ряда факторов: способности человека полно и отчетливо представить последствия своих действий, осознать личностную ответственность; способности совершить необходимые, квалифицированные действия; наличия средств для осуществления необходимых действий и т. д. Шварц выдвинул также предположение, что действие человека в соответствии со своими личностными нормами повышает его самооценку и уменьшает самокритику. Существенны последствия для самого человека, связанные с фактом следования им своим личностным нормам.

Для объяснения процессов действия личностных норм Шварц использует «рациональную» модель человека. Фактически в своем анализе он обращается к широко принятой модели человека как «вычислителя», который при принятии решений взвешивает различные факторы и варианты действий. Несомненно, что человек, хотя и не подобным «рационализированным» образом, учитывает и антиципирует возможные последствия его пове-

²⁰ *Ajzen I., Fishbein M.* Attitudinal and normative variables as predictors of specific behavior.—*J. of Pers. and Soc. Psychol.*, 1973, v. 27, p. 41.

²¹ *Schwartz S. H.* Normative explanations of helping behavior: A critique proposals and empirical test.—*J. of Exp. Soc. Psychol.*, 1973, v. 9, N 4, p. 348—364.

дения для него самого и те нормы, которые могут диктовать ему противоположные формы и виды поведения. Но эксперименты Шварца построены на упрощенной гипотезе о соотношении человеком личностной нормы и личностной «цены» («во что обойдется» ему) следования данной норме. Если антиципированная цена за совершение нормативного поступка меньше, чем вознаграждение (а в роли вознаграждения могут, с точки зрения Шварца, выступать и отмеченные выше субъективные переживания, самооценка), человек, по гипотезе Шварца, будет следовать данной личностной норме. Человек будет следовать, полагает Шварц, личностной норме и в том случае, если цена последствий таких поступков достаточно высока, но действует мотив нейтрализации факторов, которые вносят вклад в определение этой цены, человек может пойти и по пути нейтрализации личной нормы.

Попытки экспериментального изучения соотношения личностных норм и реального поведения человека, равно как и соотношение нормативного поведения с образованиями внутреннего субъективного мира личности, заслуживают особого внимания, поэтому мы и сочли нужным остановиться на работе Шварца. Однако многие его исходные модели и гипотезы вызывают возражение.

Мы уже отметили, что в исследовании личностных норм Шварц (равно как и М. Фишбайн) использует слишком «рационализированную» модель человека, уподобляя его вычислительной машине, выбирающей варианты поведения. Однако специфика процесса принятия решений человеком (очевидно, в том числе и решения следовать или не следовать в поведении социальным и личностным нормам) уже была достаточно отчетливо выявлена в работах советских психологов²². Мы считаем, что принятие нормативного решения, выбор нормативного, предусмотренного, адекватного норме варианта поведения существенно отличаются от принятия решения в ситуации, где либо действие нормы не вызывает сомнений, либо варианты в нормативном отношении нейтральны²³.

²² См. работы А. Н. Леонтьева, Я. А. Пономарева, О. К. Тихомирова, А. В. Брушлинского и др.

²³ См. разработку частных проблем в этой области в кн.: Проблемы социологии права, вып. 1. Вильнюс, 1970.

Очевидно, что вопрос о принятии человеком нормативного решения и оценке им вариантов своего поведения на основе нормы как критерия выбора должен быть изучен экспериментально.

«Стоимостное» определение нормативного варианта поведения во многом связано с принятым в буржуазной социологии и социальной психологии представлением о возможности «оценивания» ценностей, приписывания тем или иным «ценностям» «веса» или «стоимости», ранжирования «ценностей» и т. д.

Мы исходим из того, что подлинные общественные и личностные ценности бесценны, т. е. не могут быть измерены «ценой», или «платой». Вопрос о ранжировании, измерении и сравнении ценностей (равно как и ценности той или иной нормы или противонормного поведения) может стоять только в плане сравнения структурной иерархии «ценностей» в обществе, в общественном сознании, в общественном мнении группы и иерархии «ценностей» данной личности²⁴ или сравнения структурных иерархий различных ценностей, но не при абсолютном изучении личностных ценностей. Система ценностей личности (включая и ценность для личности ее личностных норм) не может фактически служить для человека объектом сравнительного оценивания²⁵. Подлинная ценность всегда является для человека абсолютной, а не относительной.

Точно так же и подлинно личностные нормы, являющиеся, по сути дела, интегративной характеристикой субъективного мира личности, абсолютны для данной личности. В отношении личностных норм не встает, в частности, вопрос об их «принятии», «усвоении», «отображении», интернализации и т. д. Соответственно не должно быть вопроса и о возможности следования или отклонения от подлинных личностных норм. Личность, если она является идентичной самой себе, не может не следовать своим личностным нормам. Всякое отклонение от подлинно личностных норм ведет к рас-

²⁴ Программа изучения этих аспектов измерения ценностей была, в частности, разработана Н. Ф. Наумовой.

²⁵ См., например, материал, который приводится в работе: Жуков Ю. М. Ценности как детерминанты процесса принятия решений.— В кн.: Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976.

щеплению, дезинтеграции, снижению, нарушению личности. В последнее время многие психиатры рассматривают психические нарушения, неадекватность и дезорганизацию личности как разрушение прежде всего нормативной регуляции поведения данной личности, причем не только социальной регуляции (что проявляется в основном в социальной психопатии, социальной неадекватности личности), но и личностной регуляции на основе выработанных личностью норм.

Мы предполагаем, что в личностных нормах запечатлевается фактически то, что связано с аналогичной социальной нормой и санкциями, обеспечивающими действие этой нормы в общности. Но в отличие от «внешних», распространенных в популяции норм личностная норма тесно связана, спаяна с некоторыми образованиями внутреннего мира личности.

Личностные нормы соотнесены с представлением человека о самом себе. Предвидимое антиципированное человеком или реальное нарушение нормы может проявляться в возникающем у человека чувстве вины, самоосуждении, протесте против своих собственных действий, потере уважения к себе. Следование личностной норме связано с чувством гордости, высокой самооценкой, самоуважением, уверенностью в правильности своих действий и позиций и др. К сожалению, система научных понятий для описания механизмов этих явлений фактически не разработана.

Очевидно, что система личностных норм варьирует от личности к личности и именно некоторые ее варианты являются наряду с отображением и усвоением собственно социальных норм наиболее существенными факторами при определении так называемой социальной адекватности или неадекватности личности. Не менее существенно, что принятие социальных норм и следование им также связаны с особенностями структуры личностных свойств и их качественными характеристиками.

Данные дифференциальной психологии и дифференциальной социальной психологии (которая призвана изучать вариации социально-психологических свойств личности) необходимы при выявлении личностных механизмов принятия социальных и выработки личностных норм. В отечественной психологии, имеющей в

прошлом большой опыт и в настоящее время интенсивно разрабатывающей главным образом проблемы общей и прикладной дифференциальной психологии, вопросам дифференциальной социальной психологии уделялось недостаточное внимание. В последние годы советские психологи начинают поднимать вопрос о социально-психологической диагностике личности²⁶.

В зарубежной социальной психологии эта область, казалось бы, перенасыщена исследованиями. Большинство исследований связано с использованием шкальных методик для выявления социально-значимых свойств личности. Данные этих работ показывают, что многие шкалы достаточно чувствительны в социально-психологических исследованиях и позволяют достаточно четко дифференцировать индивидов, т. е. распределить испытуемых по группам в зависимости от их показателей по шкалам. На основании такого распределения становится возможным, в частности, прогнозирование поведения индивидов в той или иной социальной ситуации и поиск психологических коррелятов и механизмов конкретных форм поведения и полученных показателей. Классическими примерами шкал по определению социально-значимых свойств личности являются, в частности, широко принятые за рубежом шкалы «авторитаризма», «догматизма», «консерватизма»; «либерализма», «макиавеллизма», «радикализма» и др.²⁷

Подобных шкал в зарубежной социальной психологии сотни. Эффективность и значение этих шкал определяются тем, что они дают информацию не столько об отдельных индивидах, сколько о социальной и политической картине современного буржуазного общества, в котором эти шкалы «работают» и которое располагает условиями, приводящими к дифференциации людей по выделенным и указанным в шкалах признакам. Дифференциальная чувствительность, прогностичность большинства подобных шкал связаны прежде всего с тем,

²⁶ См., например: К вопросу о диагностике личности в группе. М., 1973; Методы социальной психологии. Л., 1977; и др.

²⁷ Adorno T. W. e. a. The Authoritarian Personality. N.-Y., 1950; McClosky H. Conservatism and personality.—«Amer. Pol. Sci. Rev.», 1958, v. 52, p. 27—45; Rokeach M. The Open and Closed Mind. N.-Y., 1960; Christie R., Geis F. L. Studies in Machiavellianism. N.-Y., 1970; Hughes A. Psychology and the Political Experience. London, 1975; etc.

что с их помощью выявляется своеобразная «зараженность» популяции, в которой проводится обследование, «насыщенность» ее теми феноменами, в отношении которых строится основной континуум и оценивается валидность шкалы. Дифференцированность показателей различных групп обследуемых отражает фактически «степень их зараженности» (типичными примерами этого могут быть шкалы выявления склонности к расовым предрассудкам, нетерпимости к «чужому» и др.).

Значение данных, полученных с помощью шкальных методик, связано с определением связи, соотнесенности, корреляции между выделенными социально-значимыми свойствами людей, проявляющимися в их социальном поведении, и более «психологическими», более «интимными» свойствами и механизмами поведения и проявления личности.

Распространенность и конфигурация социально-значимых свойств личности в популяции определяется рядом факторов: социальных, политических, правовых, экономических, культурных, исторических, этнических. Но, очевидно, что «степень зараженности», отнесенность представителей обследуемой популяции к тем или иным группам, выделяемым с помощью шкальных методик, определяется и субъективными, собственно личностными факторами, в том числе и психологическими, личностными свойствами индивидов.

Проблема социально-психологического статуса личности

Все социально-значимые свойства личности и ее место в обществе, общности, в той или иной группе по степени выраженности этих свойств фактически определяют социально-психологический статус личности, обусловленный не только с личностной стороны глобальными и обобщающими свойствами и чертами, прямо коррелирующими с социальным поведением человека, но и рядом собственно психологических и социально-психологических свойств и черт личности.

Определение социально-психологического статуса личности представляется нам необходимым для решения вопроса о действии социальных норм на личностном уровне и о выработке личностных норм.

Однако современная и отечественная, и зарубежная дифференциальная психология при изучении типов и законов типизации личностей не обладает, на наш взгляд, исчерпывающими данными для решения этих вопросов. Осуществляемые в настоящее время структурализация и типизация личностных черт человека дают мало данных для выводов о прямой (а тем более причинной) связи тех или иных черт личности человека и глобальных характеристик структуры личности в целом, с принятием, усвоением, оценкой, предпочтением тех или иных социальных норм и того или иного типа социального поведения и следование им, равно как и с выработкой конкретных личностных норм.

Наличие функциональной связи несомненно, что подтверждается некоторыми разрозненными данными ряда психологических направлений. Укажем для примера на то, что заключения и описания типов личностей, полученных с помощью различных тестовых и шкальных методик, включают и такие характеристики личности, как принятие тех или иных социальных норм²⁸ и следование им. Однако точных данных о связи структурных черт и целостной структуры личности с выбором личностью тех или иных норм и следованием этим нормам пока не получено. Очевидно, что при разработке психологической теории личности и ее структуры должна быть поставлена задача выделения гено- и фенотипических свойств и черт личности, а также условий формирования личностных свойств, необходимых человеку для принятия существующих в обществе и общности социальных норм и выработки личностных норм, адекватных в данных социальных условиях.

Несомненно, что определенные свойства и черты личности способствуют принятию тех или иных социальных норм и следованию им, а также выработке необходимых личностных норм. Попытки описать личность с помощью набора свойств, как угодно расширяемого (в настоящее время выделено несколько сот свойств и черт личности, в том числе и социально-психологиче-

²⁸ См., например: *Собчик Л. Н.* Пособие по применению психологической методики ММРП. М., 1971; *Березин Ф. Б., Мирошников М. П., Рожанец Р. В.* Методика многостороннего исследования личности. М., 1976; *Cattell R. B.* e. a. Handbook for the Sixteen Personality Factors. Champaign, 1966; и др.

ских), не дают желаемых результатов. Личность предстает в этом случае в виде стабильного, фиксированного, «предметного»—«вещного» конгломерата свойств, размещающегося в индивиде, заполняющего или внедряющегося в него. Необходимо создать иную модель личности, в которой можно было бы совместить две разные точки зрения на сущность личности. Личность следует рассматривать в динамике как процесс постоянного созидания ею самой себя, развертывания во времени ее структурных свойств и качеств. Такое развитие личности—подлинная биография человека. Личность является также элементом множества, представляющего в целом личностную сферу,—множества членов общества, что связано и с социально-психологическим статусом личности.

С этих позиций вопрос о действии социальных норм на личностном уровне и о выработке личностных норм может быть представлен также двояко. При изучении личности в динамике действие социальных норм можно выявить в определенных структурно-организационных характеристиках этого процесса, в его направленности и т. д. При определении личности через ее «позицию» социальные и личностные нормы обуславливают эту специфическую позицию, социально-психологический статус, который занимает данная личность. Восприятие человеком мира и его поведение в нем зависят от преломления и отражения в динамической и позиционной организации личностной сферы человека всех воздействий, которым подвергается личность, и всех ее взаимодействий.

Нормативной регуляции подлежит в первую очередь социальное поведение человека. Занимая определенную позицию в обществе и группе, отображая в процессе своего развития социальные условия своего бытия и социальные нормы—требования общества, человек усваивает заданные и вырабатывает личностные нормы.

Человек предписывает, нормативно задает себе и свою личностную позицию, и формы социального поведения, в которых реализуется процесс существования его личности. Именно такие личностные нормы должны рассматриваться в соотношении с нормами социальными, извне задающими позицию, и организационно-структурными параметрами личности как процесса.

Совмещение двух точек зрения на личность позволяет говорить о единой модели личности как субъекте нормотворчества. Такая модель может быть интерпретирована как психологическая в отличие от моделей, основанных на формализованных представлениях о нормотворчестве как результате рациональных «законодательных актов» некоей инстанции, наделенной внешней или изначально присущей силой, правом издавать подобные акты.

Функционирование личности как субъекта нормотворчества предполагает, что личность воспринимает себя именно как личность и воспринимает других членов общности как личности. Это начальное собственно психологическое отношение «личность — личность» является одновременно и начальным нравственным отношением, ибо нравственное отношение, если оно понимается вне связи с религиозным, теологическим толкованием нравственности, основано на восприятии человеком себя как личности и другого человека как равносущей и равноправной личности.

Одним из важнейших оценочных и функциональных критериев социальных и личностных норм, которым следует человек, является их эффективность при формировании личности как члена двустороннего отношения «личность — личность» при выработке соответствующей личностной позиции и соответствующего направления процесса развития.

3. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ В СОЗНАНИИ

Вопрос о формах, способах и механизмах репрезентации социальных норм в сознании человека чрезвычайно сложен и слабо разработан²⁹.

Конкретная социология, как было отмечено выше, использует так называемое обыденное сознание в качестве основного источника информации о социальных нормах. Для получения данных об обыденном сознании

²⁹ См. постановку вопроса в работе: *Бобнева М. И.* Репрезентация в сознании и регулятивные функции социальных норм как средств социального воздействия.— В кн.: Тезисы докладов советских психологов к XXI Международному психологическому конгрессу. М., 1976.

и о содержащихся в нем нормах она постоянно прибегает к зондированию мнений членов сообществ и извлечению из этих мнений с помощью специальных социологических методов информации о нормах, т. е. в конечном счете обращается к сфере обыденного сознания опрашиваемого человека.

Однако один из наиболее часто получаемых психологами фактов в этой области — факт, на котором основан ряд теоретических и практических концепций и выводов, состоит в том, что, как правило, психологическое исследование не выявляет наличие четко сформулированных норм в сфере осознаваемого человеком.

Социологи разрабатывают системы показателей, критериев, эмпирических референтов, методов сбора статистической и косвенной информации, методы специальной обработки информации, чтобы извлечь информацию из данных опроса и соответственно из вербальных ответов, рассматриваемых как сведения о нормах, присутствующих в сознании опрашиваемых³⁰. В психологических работах было отмечено, что при специальной организации исследования и с помощью специальных методов практически всегда удается *post factum* выявить те или иные нормы, которым человек следует в своем поведении и о которых после может дать отчет, а следовательно, может их осознать. Техника и приемы, с помощью которых зарубежные психологи добиваются такого осознания, во многом отстают от разработанных в общей психологии методик, связанных с расширением поля сознания, с управлением процессом осознания нужных явлений, так что работы в этом направлении могут быть существенно обогащены и дать большой материал для решения вопроса о процессе и механизме осознания норм³¹.

³⁰ См., например, приемы и методики, представленные в работах: Методика и техника статистической обработки первичной социологической информации. М., 1968; *Здравомыслов А. Г.* Методология и процедура социологических исследований. М., 1969; *Ядов В. А.* Социологическое исследование. Методология, программа, методы. М., 1972; Рабочая книга социолога. М., 1976; и др.

³¹ См., в частности: *Schwartz S., Clausen G.* Responsibility, norms, and helping in an emergency.— «J. of Pers. and Soc. Psychol.», 1970, v. 16, p. 299—310; *Леонтьев А. Н.* Деятельность, сознание, личность. М., 1975; *он же.* Проблемы развития психики, изд. 3-е. М., 1972.

Однако перевод проблемы в сугубо методический план не снимает вопроса репрезентации норм в сознании личности.

Данные, собранные при изучении психологических закономерностей сознания³², позволяют наметить ряд положений, существенных при постановке вопроса о репрезентации социальных норм в сфере индивидуального сознания. Представляется недостаточным выделение лишь двух рядов феноменов и понятий — содержания и структуры сознания. Обычно при таком подходе в качестве содержания сознания рассматриваются «чувственные образы», «чувственная, образная ткань сознания», различные явления субъективного мира личности и т. д. А под структурой в различных случаях понимается и функциональная структура, обеспечивающая процессы осознания, и способ организации «чувственных образов» в «поле сознания», и система личностных смыслов и значений и др.

Прежде всего необходимо дифференцированно подходить к «содержанию» сознания.

Нормы в общественном и индивидуальном сознании

Ряд авторов, говоря о включении социальных норм в сферу сознания человека и именно в содержание сознания, имеют в виду либо отображение индивидуальным сознанием социальных норм как элементов общественного сознания, либо включение социальных норм в так называемые сферы индивидуального сознания³³, например в сферу «правового» или «нравственного» сознания. В этих случаях термин «индивидуальное сознание» используется скорее как термин философский, как термин, вводимый при анализе форм общественного сознания их соотношения с индивидуальным сознанием, но не как собственно психологический термин. Хотя его

³² Мы имеем в виду прежде всего работы советских авторов: А. Н. Леонтьева, Е. В. Шороховой, Ф. В. Бассина, исследования ряда грузинских психологов по проблемам установки и бессознательного, работы в области нейро- и патопсихологии, психологии внимания и обучения и т. д.

³³ См., например: Пеньков Е. М. Указ. соч.; Ратинов А. Р. Структура и функции правового сознания.— В кн.: Проблемы социологии права, вып. 1. Вильнюс, 1970; и др.

применение в таком смысле и привлечение внимания психологов к анализу указанных явлений правомерны и необходимы, тем не менее следует учитывать, что содержание понимаемого таким образом «индивидуального сознания» отлично от содержания сознания, понимаемого как «чувственная ткань».

Содержание общественного сознания, в частности социальные нормы, является реальностью, отображаемой «индивидуальным сознанием». Социальные нормы, включенные в различные сферы общественного сознания,— это концептуальные образования. Примером могут служить социальные нормы, выработанные и включенные в различные этические системы, в правовые кодексы и т. д. Отображение этих объектов осуществляется индивидуальным сознанием по типу усвоения, освоения, присвоения общественного опыта и знания. В целом подобный процесс можно назвать репродукционным.

Чтобы нормы, включенные в общественное сознание, не только были бы представлены в «индивидуальном сознании», но были бы «присвоены» личностью, т. е. превратились бы в элементы сознания данной личности, необходимы особые процессы, обеспечивающие такое включение. Содержание индивидуального сознания, представляющее собой усвоенные личностью продукты общественного сознания, «присваивается» сознанием личности за счет выработки к ним определенного личностного отношения путем включения их в систему смыслов и значений, структурного соотношения с общей сферой сознания личности и ее компонентами, их «размещения» в феноменальном поле сознания личности и увязки в организационной структуре поведения и внутреннего субъективного мира личности. Только при такой «обработке» содержания индивидуального сознания это содержание становится частью внутреннего мира личности и соответственно содержанием подлинного сознания личности.

Выделение в содержании индивидуального сознания личности «сфер», обозначаемых и рассматриваемых как сферы репродукции соответствующих сфер общественного сознания и соотносимых именно с этими сферами, следует расценивать как аналитический прием, вполне правомерный при изучении «индивидуального сознания»

как элемента парного отношения (с «общественным сознанием»).

Наличие социальных норм в содержании «индивидуального сознания» в целом и в его «сферах», в частности,—факт, не требующий специального доказательства. Однако, как мы уже отмечали в предыдущих разделах работы, не все компоненты «содержания» сознания могут быть отнесены к содержанию, рассматриваемому в психологическом плане. Это положение подтверждается хорошо известным фактом, полученным при изучении отклоняющегося поведения. Большинство правонарушителей способны сообщить формулировки правовых и нравственных норм, знают, «как должно», могут оценить с этих позиций поведение других лиц, но сами нарушают эти нормы, а при оценке своего поведения могут «забывать» эти нормы. Знание норм «вообще» и в отношении «других» еще не идентично следованию нормам и даже знанию их в ситуации, прямо относящейся к личности опрашиваемого. Такое «двойное знание» демонстрирует фактическое «расщепление» двух планов «содержания» сознания: содержания «индивидуального сознания» как отображения элементов общественного сознания и содержания личностного сознания.

В содержание феноменального поля сознания входит также отображение ситуации, отношений, объектов, условий социальной действительности. Отображение социальной действительности в содержании сознания всегда опосредуется различными формами общественного сознания и его продуктами, усвоенными индивидуальным сознанием. Социальные нормы, являющиеся продуктами деятельности общества и его членов, вырабатываемые социальными группами и используемые в качестве средств регуляции отношений групп и поведения людей как представителей этих групп, отображаются индивидуальным сознанием как элементы социальной действительности через призму общественного сознания, идеологии, политики и т. д.

В содержание феноменального поля сознания включены также символические образования, в том числе и некоторые типы социальных норм, выступающие, как уже отмечалось, в качестве символов системы санкций, запретов, предписаний и прочих форм символического и мифологического отображения действительности.

Приведенные примеры показывают, что содержание феноменального поля сознания нельзя считать однородным и одноплановым, и соответственно нельзя говорить и о единой форме отображения социальных норм в содержании сознания. Но можно попытаться наметить некоторые общие закономерности.

Во всех отмеченных случаях следует говорить о «презентации» социальных норм сознанию человека, их «предъявлении» сознанию. Хотя «презентация», «данность», «предъявленность» социальных норм (как и прочих явлений, объектов, процессов) сознанию не безличные процессы, осуществляемые неизвестно кем и неизвестно каким образом, тем не менее аналитически, абстрактно «презентацию» можно рассматривать как явление и процесс, во многом определяемый внеличными факторами.

Условленность формы презентации норм в сознании

Презентация социальных норм определяется прежде всего их наличием в соответствующей форме в общественном сознании или в реальной действительности, отображаемой сознанием человека.

Если социальные нормы экстерниоризированы, формализованы, существуют в вербальных формулах, отображены в формальных и знаковых средствах в сфере общественного сознания или общественной практики, то их презентация сознанию будет облегчена. Она будет осуществляться либо в соответствующей форме (вербальной, знаковой и т. д.), либо в форме, соответствующей отображению в сознании прочих подобных объектов (например, в форме символов, чувственных образов и т. д.).

Этические системы, представляющие социальные нормы в виде систем этических знаний, будут отображаться в сознании, «презентироваться» ему в виде знаний. Вербально сформулированные правила поведения в общественных местах будут презентированы в вербальной форме, тогда как правила неформализованные, не получившие во внешнем поле вербального выражения, естественно, и сознанию изначально не будут «презентированы» в вербальной форме.

Существуют социальные нормы, отображаемые во внешнем поле в знаковых или предметных, в том числе

визуально воспринимаемых, объектах. Таковы, например, социальные нормы, отображаемые в моде: нормы престижных модных вещей, нормы одежды социальной группы, официально не закрепленные в кодексах или правилах этикета, но выполняющие в виде знаковых средств функции социальной дифференциации, опознавания и т. д. Подобные нормы будут «презентированы» сознанию в знаковых, предметных, визуальных формах и образах. Таким образом, социальные нормы могут «проникать» даже «в чувственную ткань» сознания. В последнем случае отсутствие вербальной формулировки нормы и невозможность установить ее «презентацию» сознанию в вербальной формулировке, невозможность получить о ней словесный отчет еще не означают непрезентированности нормы в сознании. Следовательно, необходимо разделить вопрос на два: о презентации нормы в сознании и о ее отображении в сознании в вербальной форме.

Вербальная и образная формы представления нормы не будут полностью изоморфны и не могут быть полностью «переведены» друг в друга. Тем не менее презентированность социальной нормы в сознании в образной форме может быть легко выявлена с помощью методики узнавания образа, выбора объекта, анализа демонстрируемого поведения, изучения фактов следования предписаниям нормы и др. Подобную форму презентации следует отличать от подсознательного и внесознательного следования норме, в том числе и представленной в образной форме, в частности в области моды.

Очевидно, что сходные положения могут быть выдвинуты и в отношении социальных норм, связанных с мифологической сферой сознания, «презентированных» сознанию в форме, соответствующей их представленности в мифологии, а не благодаря якобы «бессознательному» их бытию, их «вытесненности» из сферы индивидуального сознания. Естественно, что мы рассматриваем здесь не вопрос о происхождении мифологии и мифологической сферы сознания, а лишь вопрос об обусловленности формы презентации сознанию социальных норм факторами, связанными с формой их представленности во внешнем по отношению к индивидуальному сознанию поле. Символизация и символическая форма презентации подобных социальных норм обус-

ловлены не только действием механизмов личностного сознания, но и фактом их знаковой объективированности и представленности во внешнем поле именно в знаковой или даже мифической форме. Это позволяет, в частности, ставить вопрос не столько о психологической природе самой этой символической формы представления социальных норм во внешнем поле, сколько о социальной.

Символическое представление некоторых социальных норм в виде табу, запретов хотя и покоится, возможно, на некоторых закономерностях психики, тем не менее обусловлено социальными условиями. Именно социальные условия и социальная деятельность определенных групп приводили, на наш взгляд, к фиксации тех или иных норм, вырабатываемых в общности именно в символической и мифологической формах, ставя внешние социальные препятствия для дальнейшего осознания и явного раскрытия символических форм. Снятие этих ограничений, осуществляемое, в частности, наукой, неоднократно открывало пути осознания и несимволического выражения символически зашифрованных норм, разумеется, в тех случаях, где не было препятствий, подобных отсутствию изоморфности визуальных образов и вербальных формулировок. Современные исследования мифов и мифологического общественного сознания и расшифровка символических и мифологических образов дают многочисленные примеры систем социальных норм, использованных различными общностями. Следует сказать также, что и в современных условиях социальный механизм закрепления ряда социальных норм не в явной, но в мифологической форме обслуживает определенные социальные функции, в частности закрепления и эксплуатации мифологической сферы общественного и индивидуального сознания и их регулятивных механизмов.

Общей закономерностью во всех отмеченных нами случаях является «репродуктивная презентация» норм в сознании человека. «Репродуктивная презентация», т. е. воспроизведение в феноменальном поле сознания той или иной социальной нормы, либо включенной в содержание общественного сознания, либо представленной в экстерниоризированном, «предметно» оформленном виде в культуре, в нормативно-ценностных системах

общества и общности, рассматривается большинством психологов и социологов как основная, если не единственная, форма презентации нормы в сознании личности.

Именно с этой формой презентации (включения социальной нормы в сознание человека) имеют дело авторы многочисленных теорий усвоения, интериоризации, интернализации социальных норм. Именно эти процессы, приводящие, по мнению авторов подобных теорий, к включению социальных норм в сознание человека, или, как мы обозначили этот тип включенности норм в сознание, к репродуктивной презентации, расцениваются и как основные психологические процессы (механизмы) формирования нормативного поведения.

Сторонникам этих направлений дело представляется таким образом, что человек в процессе индивидуального развития, социализации должен «вычерпать» из какого-то резервуара (очевидно, общественного сознания, культуры и т. п.) некую вещную (или вещно-духовную) «сущность» и в качестве такой «вещи» (обычно в форме словесной формулировки — правила, инструкции и т. п.) «включить» ее в свое индивидуальное сознание, именно в феноменологическое поле сознания, где она такой «вещью» и останется и, очевидно, в качестве такой «вещи» и должна будет «детерминировать» поведение.

Такая позиция предполагает упрощенное механистическое представление о регуляции и детерминации психических явлений и процессов, процессов сознания и осознания и механизмов поведения. Она практически основана на представлении о презентированной сознанию норме как некоей самостоятельной «сущности», имеющей чуть ли не вещное (или духовно-вещное — как феномен сознания) реальное существование. В качестве такого образования «норма», если следовать этому представлению, должна подействовать на человека чуть ли не как «механический толчок» и таким образом «детерминировать» последующее действие. Разумеется, что эта позиция не может быть воспринята всерьез и подобных «механизмов» психической регуляции поведения нельзя выявить.

Некоторые зарубежные психологи пытаются обойти эти методологические затруднения, разрабатывая различные варианты интерпретации процесса интернали-

зации. К объяснению процесса интернализации норм и их регулирующего воздействия они пытаются подключить другие психологические феномены и процессы.

Процессы интернализации, идентификации и обосновывания норм

В социальной и детской психологии и в психологии обучения и развития процесс интернализации норм обычно соотносят с процессом идентификации³⁴. Различные авторы по-разному трактуют идентификацию, но во многих работах она связывается с обучением стандартам и нормам, социальным влиянием, подражанием образцам и т. д. Представляют интерес и высказываемые предположения о том, что и при интернализации, и при идентификации поведение человека уподобляется определенному образцу за счет регуляции поведения определенной заданной моделью³⁵.

В работе по интернализации норм Дж. Ф. Скотта, к которой мы неоднократно уже обращались, проводится детальный анализ определений идентификации, предложенных многими американскими психологами и социологами. Однако приводимые Скоттом примеры интерпретации процесса идентификации как процесса, обслуживающего интернализацию норм, чрезвычайно характерны в том отношении, что они могут быть успешно использованы необихевиористами. При этом интернализацию норм в сознании индивида необихевиористы пытаются объяснить если не с позиций ее полного исключения из анализа самого сознания, то по крайней мере с помощью процессов, лежащих где-то вне сферы сознания, вне его феноменального поля. Скотт приводит, например, определение Г. Свенсона, в котором

³⁴ См., например: *Авдеева Н. Н.* Понятие идентификации и его применение к проблеме понимания человека человеком.— В кн.: Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга. Краснодар, 1975; *Чечин О. И.* Механизм идентификации и его использование в советской пропаганде.— В кн.: Социально-психологические проблемы в условиях развитого социалистического общества. М., 1977; и др.

³⁵ Подобные определения процессов идентификации встречаются, например, в работах Э. Толмена, Дж. Хилла, Н. Сэнфорда, А. Бандуры и А. Хьюстона, Ю. Бронфенбреннера, в известной работе о формах воспитания детей Р. Сирса, Е. Маккоби и Х. Левина и др.

этот подход представлен с полной очевидностью. Свенсон предлагает отличать процессы интернализации и обучения символизации. Термин «интернализация» он считает нужным оставить для использования в психоаналитических работах и для обозначения обучения (или состояния обучаемости) в тех случаях, когда обучающийся не знает об условиях, побуждающих, мотивирующих его поведение или на него влияющих.

По теории Скотта, индивид «интернализует» или усваивает, выучивает норму (при прочих равных условиях) в той мере, в какой он оказывается конформным к ней при временном или пространственном «удалении» от санкций, непосредственно подкрепляющих действие данной нормы. Всякое усвоение нормы осуществляется лишь при наличии санкций. Последовательная бихевиористская позиция не мешает Скотту принять полностью на вооружение положение Фрейда о том, что «там, где была душа (psyche), должны быть санкции».

Когда норма усвоена, возникновение в поведении отклонений, по Скотту, заторможено соотношением ее с санкциями. Но усвоение нормы, согласно этой теории, никогда не бывает полным и всегда включает ожидание того, что санкции будут применены при отклонении от этой нормы. Таким образом, даже в тех случаях, когда норма жестко усвоена и моральное «обязывание» достаточно сильно, а чувство обязанности «остро ощущается», поддерживается сознанием, сообщается, конформность к норме (показатель ее интернализации) зависит от опыта в отношении применяемых за отклонение санкций.

В целом, замечает Скотт, многое из того, что представители различных школ социологии говорят о социализации и интернализации норм, «находится в согласии» с тем, что прокламируют представители «оперантного бихевиоризма» и бихевиористской теории научения. Там же, где в бихевиористских теориях образуется пробел (и прежде всего в вопросах о презентации норм сознанию в результате интернализации не столько самих норм, сколько санкций, если следовать положениям, развиваемым Скоттом), на помощь приходят фрейдистские идеи «символизации» в сознании санкций, запретов, табу с помощью особых символических форм — вербальных или знаковых формулировок норм

и связанных с ними явлений субъективного мира личности.

В зарубежной социальной психологии было высказано и изучается экспериментально предположение о таком механизме действия социальных норм, при котором они выступают не как детерминанты и непосредственные регуляторы поведения, но как последующие обоснования и основания форм действия человека в той или иной ситуации.

Эта линия исследований наиболее широко представлена в работах по поведению помощи и альтруизма³⁶. Некоторые авторы, например, Дж. Дарлей и Б. Латанэ, Д. Кребс, Л. Беркович³⁷, приходят к заключению, что нормы являются скорее незначительными детерминантами поведения в специфических ситуациях помощи; они изредка могут быть включены в объяснение, когда другие альтернативные объяснения не действительны. В обзоре литературы по проблемам альтруизма, сделанном Кребсом³⁸, говорится еще более определенно, что уровень нормативного анализа может быть отвергнут как основа для понимания «благодеяний».

К этим утверждениям указанные авторы приходят на том основании, что, по их мнению, якобы нормы по своей сущности не приспособлены для объяснения поведения, так как (отмечает Шварц³⁹): 1) они часто выражены в смутной и общей форме (например, «помощь необходима») и потому не могут быть использованы для регуляции конкретных действий в специфической ситуации; 2) поскольку в целях объяснения поведения исследователи часто обращаются к нормам, принятым фактически каждым, их использование для объяснения дифференциальных индивидуальных различий в поведении обозначает попытку объяснить переменную константой.

Шварц признает, что поведение, которое изучается

³⁶ См. обзор работ этого направления: *Субботский Е. В.* Исследования проблем взаимопомощи и альтруизма в зарубежной психологии.— «Вопросы психологии», 1977, № 1.

³⁷ Altruism and Helping Behavior. L. Berkowitz, J. Macauley (Eds). N. Y., 1970; also: *Darley J. M., Batson C.* From «Jerusalem» to «Jericho».— «J. of Pers. and Soc. Psychol.», 1973, v. 27, p. 100; etc.

³⁸ *Krebs D. L.* Altruism. An examination of concept and a review of the literature.— «Psychol. Bull.», 1970, v. 73, p. 258—302.

³⁹ *Schwartz S.* Op. cit.

в большинстве работ по альтруизму, регулируется широко распространенными нормами (например, помощь пострадавшему в критической ситуации, участие в заслуживающих поощрения почетных делах и т. д.), в этих исследованиях скорее проявляются ситуационные, чем нормативные переменные. Потенциально релевантные в определенной ситуации нормы часто противоречат друг другу. При множественности нормативных систем и противоречивой природе норм некоторые нормы, по данным Кребса, могут быть выбраны *post hoc* для объяснения какого-либо поведения.

В связи с этим Кребсом и делается вывод, что наиболее общая функция норм может быть понята как социально принятое оправдание, нежели как предшествующая причина действий.

Как замечает Шварц, подобное использование нормы предполагает, что данная норма широко распространена и принята в популяции. Но «включенность» социальных механизмов — распространение и принятие нормы в социальной группе, общности и т. д. — возможно лишь при условии, что нормы «усвоены», интернализированы индивидами как членами данной группы, общности. При таком подходе вопрос о презентации норм в сознании индивида фактически трансформируется в вопрос об их актуализации и активации.

Очевидно, что вопрос о презентации нормы в сознании и последующий анализ ее действия может быть представлен как вопрос об определении релевантности данной нормы ситуации, в которой оказывается индивид, как вопрос о специфических ситуационных и личностных условиях актуализации нормы. Очевидно, что «усвоение» нормы и ее потенциальная презентация в сознании еще не означают, что норма постоянно при всех условиях осознается.

Эта линия рассуждений приводит к заключению, что рассмотренный выше подход к презентации и интернализации норм в так называемом индивидуальном сознании не отражает важнейшего методологического принципа психологического анализа — принципа динамики психических состояний, развертывания психического отражения во времени, временной организации сознания и субъективного мира личности.

Проблема актуализации норм и динамики сознания

Подход к презентации нормы в сознании как к процессу, развертывающемуся во времени и в определенных внешних и внутренних личностных условиях, возможен только при соотношении явлений феноменального поля сознания, содержания сознания и субъективного мира личности с временной и структурной организацией и процессуальной стороной сознания и субъективного мира личности.

Наличие социальных норм в сознании позволяет применить к ним и к определению их места в феноменальном поле сознания приемы анализа, выработанные для изучения пространственной организации и пространственных характеристик индивидуального и даже общественного сознания. Представление сознания в качестве сферы, а содержания сознания в качестве наполнения феноменального поля, размещение фактов и явлений сознания в этом поле, например в центре или на периферии, выделение подсфер и областей сознания, изучение сознания по таким параметрам, как широта и узость, глубина и поверхностность, даже изучение деформаций сознания являются примерами пространственного анализа самого сознания, его элементов.

Если предельно очищенный интроспекционизм имел дело фактически с одномерной плоскостью сознания и сведением к этой плоскости всех явлений субъективного мира личности и его психической деятельности, то принятые в настоящее время представления о сознании заставляют исследователя выйти из одномерной плоскости в пространство и разрабатывать приемы анализа сознания как трехмерного образования.

Подход к сознанию с позиций пространственного анализа и пространственной организации психического по сути мало меняется и тогда, когда к трем измерениям добавляют четвертое — временное. Если включение временного фактора происходит лишь как введение четвертого измерения пространства сознания, принцип пространственного анализа сознания и субъективного мира личности обогащается и трансформируется, но не меняет своей природы. Все отмеченные выше показатели пространственной организации сознания фактически переносятся в новую плоскость этого четвертого

измерения. В результате создается возможность говорить о временной организации сознания как о расширении и сужении во времени феноменального поля сознания и его глубины, о перемещении во времени тех или иных элементов этого поля от центра к периферии и обратно, о переходе элементов сознания из одной области и подсферы в другую и т. д.

По большей части вопрос об актуализации в сознании тех или иных элементов и явлений, в частности социальных норм, рассматривается в рамках этого подхода. Временная динамика осознания трансформируется в пространственную динамику элементов сознания.

Подобная трактовка актуализационной презентации социальных норм в сознании хотя и открывает путь к выявлению некоторых процессов и механизмов презентации норм в сознании, но эти процессы и механизмы оказываются фактически теми же, что и процессы и механизмы актуализации всех вообще знаний, навыков, умений, т. е. «материальной» оснащенности сознания. При подобной трактовке процессов осознания и временной характеристики сознания мы вынуждены говорить о структуре сознания лишь в одном плане, а именно как о структуре пространственной организации элементов феноменального поля сознания, как о пространственной структуре, временная динамика которой хотя и возможна, но лишь как динамика пространственного размещения, пространственной реорганизации феноменального поля сознания.

Разумеется, подобные приемы и средства анализа могут дать большой материал, в частности, об актуализационной презентации, включении в пространственную структуру и вовлечении в динамику этой структуры социальных норм, но понимаемых лишь как элементы системы знаний. Однако при изучении презентации норм в сознании неразрешимой (и как репродуктивной, и как актуализированной) остается теоретическая и практическая проблема: почему «нормы» в ряде случаев не усваиваются, а если и усваиваются, то не всегда действуют, т. е. «усваиваются формально», а если действуют, то не всегда должным образом, а если и должным, то человек может пассивно относиться к ним, и т. д. и т. п. Ярким примером такого «формального усвоения» можно считать уже упомянутый факт «зна-

ния» норм правонарушителями и лицами, осуществляющими отклоняющееся поведение.

Следует, очевидно, допустить, что механизмы презентации норм в сознании, процессы детерминации и регуляции поведения в действительности отличны от изложенных выше представлений, которые помимо прочего коренятся и в той самой интроспекционистской трактовке сознания, о которой мы уже говорили и которая основана на подходе к феноменальному полю сознания буквально «в лоб» как стабильному, неизменному, «данному».

Очевидно, что пространственно-временная организация сознания еще не является собственно психологической его организацией, и ее изучение не вскрывает психологических закономерностей и личностной психологической структуры сознания.

Проблема личностной структуры сознания и функции представленных в сознании норм

Собственно психологической следует считать личностную организацию структуры сознания, в том числе и ее пространственно-временных показателей⁴⁰.

Наличие нормы в феноменальном поле сознания и самосознания личности в виде вербального образования, разумеется, возможно (что показывают и экспериментальные исследования, и практика повседневного существования и общения человека) и необходимо. Соответственно необходимо и психологическое изучение именно феноменального поля сознания. Следует подчеркнуть, что при специальном опросе (а это уже определенная форма общения экспериментатора и испытуемого, осуществляемая опять-таки по определенным законам и нормам) человек формулирует (вопрос о типе и характере формулировки — вопрос важный, но самостоятельный) норму и придает ей функцию обоснования своего поведения.

Но это означает не только то, что норма может и бывает в определенных условиях общения представлена

⁴⁰ Неадекватность пространственно-временного подхода к анализу психических явлений и прежде всего сознания отмечается и некоторыми философами, например М. К. Мамардашвили.

в феноменальном поле сознания, но и то, что у человека есть побуждение обосновать свое поведение таким образом, побуждение представить его как поведение особого типа — нормативное.

Приведенные примеры показывают, что вопрос о презентации норм в сознании имплицитно или эксплицитно соотносится всеми исследователями с функциями таких презентированных норм в регуляции и организации поведения и субъективного мира личности. При этом все наши примеры были связаны с одноплановым пониманием этих функций и роли норм в регуляции поведения, а именно с плоскостью «каузальности-обоснованности».

Социальные нормы, презентированные сознанию, и сама презентация социальных норм в сознании, равно как и процесс осознания тех или иных норм и их участие в структурной и временной организации сознания и внутреннего мира личности, выполняют разнообразные функции и играют различные роли в процессе регуляции поведения. Частично и в общей форме эти функции воспроизводят те, которые были отмечены нами при анализе функций социальных норм. Но в данном контексте более существенно установить не столько функции самих социальных норм, сколько функции их презентации в сознании, функции норм, презентированных сознанию личности.

Презентация социальных норм в сознании как и всякое сознательное отражение действительности дает человеку когнитивную информацию о мире, в котором он существует, об условиях, объектах и способах его деятельности, об объектах, с которыми он сталкивается, и т. д. Отображение нормативных требований, социальных норм в сознании позволяет человеку полнее и адекватнее отразить социальную действительность, ориентироваться в ней, вырабатывать стратегию и тактику, планы и цели деятельности, сознательно регулировать свое поведение и т. п. Наличие в сознании социальных норм включает все сознательные механизмы регуляции поведения и сознательные регулятивные средства и аппараты. Регулятивные функции сознания, основанные на его когнитивных функциях, достаточно разработаны в психологии и прежде всего в советской психологии, и здесь нет необходимости детально их рассматривать. Однако необходимо

выделить некоторые специфические функции презентированных сознанию социальных норм.

Осознание, актуализация, адекватная презентация в феноменальном поле сознания социальных норм позволяет применить к анализу и оценке этих социальных норм общественные, социальные критерии. Только презентированные сознанию нормы могут дать материал для их содержательного анализа и оценки. Соответственно появляется возможность выявить содержательную специфику, «тезаурус» норм, возможные абберации и деформации содержания норм. Присутствие нормы в сознании позволяет человеку оценивать свои и чужие поступки с содержательной, качественной стороны в категориях ценностных и нравственных отношений, оценивать себя, ситуацию, партнеров по общению, соотносить оцениваемые явления с каким-то эталоном, отбирать, отсеивать, формировать, направлять, т. е. качественно регулировать свое поведение и общение.

Наличие социальных норм в феноменальном поле сознания позволяет «включить» важнейшие психологические механизмы самосознания, самооценки, оценки этих норм и, главное, позволяет личности превратить их в объекты отношения и оценки, выработать к ним определенные оценочные и установочные отношения. Более того, именно осознание норм и является по существу их личностной оценкой и личностным отношением. Презентированные сознанию социальные нормы используются личностью как эталоны, масштабы, меры, критерии. С их помощью человек вырабатывает отношение к себе и другим, через их призму оценивает и формирует отношение к своему поведению и поведению других членов общности и группы, к партнерам в непосредственном контактном общении, членам сообщества, обществу в целом. Они являются и условием, и продуктом, и средством познания социальной действительности. С их помощью человек вырабатывает отношение к фактам и процессам социальной жизни, социальным условиям своего существования и поведения, через их призму оценивает эти условия и возможности.

Только на основе презентации, осознания и оценивания социальных норм человек способен выработать высшие формы и средства регуляции поведения — ценностные системы и критерии, убеждения, идеалы.

На основе, с помощью, при посредстве осознанных социальных норм человек вырабатывает системы непосредственных личностных норм, индивидуальные личностные оценки и отношения, осознает свой статус и положение в мире, в социальных системах, в системе социальных и межличностных отношений, а это означает, что на основе социальных норм человек фактически реализуется как личность, формирует собственную личность не как нечто данное или установившееся, стабильное, но как развертывающийся во времени процесс личностного становления и реализации.

Отмеченный факт временных, внешних и личностных условий наличия нормы в сознании и возможности ее актуализации в процессе осознания заставляет сделать следующие предположения. Человек всегда осуществляет нормативное поведение, т. е. его поведение всегда протекает в условиях нормативного мира и всегда может быть проанализировано и оценено в терминах нормы или отклонения от нее, и, сознаем мы это или нет, мы всегда поступаем в соответствии с теми или иными нормами. Возможность осознания нормы и осознанное или неосознанное ее использование заставляет некоторых этиков, литературоведов и писателей говорить о «бессознательном сознании должного», об особой форме нравственного сознания и т. д.

Подобное действие какого-то фактора на уровне психологических механизмов сознания связано с его проявлением не в феноменальном поле, но в структуре сознания. Мы предполагаем, что представление социальной нормы в феноменальном поле сознания личности связано с участием социальных норм (в этом отношении нормы представлены в сознании всегда) в организации структуры индивидуального сознания и именно в преобразовании структуры, ее перестройке, и таким способом они оказывают регулятивное воздействие на поведение человека и на его личностные свойства⁴¹.

Соответственно можно предположить, что подлинное усвоение социальных норм личностью, формирование си-

⁴¹ Возможно, функциональным и органическим аналогом организационной перестройки в патологии поведения могут служить различные стереотипы, навязчивые формы поведения и т. п. (см., например: *Залевский Г. В.* Фиксированные формы поведения. Иркутск, 1976).

стемы норм у человека происходят путем структурной перестройки сознания, его феноменального поля и его регулятивных функций, равно как и перестройки мотивационно-побудительной и оценочной систем личности.

Как структурные факторы социальные нормы выступают в роли селективных образований, в роли регуляторов систем личностных смыслов и оценок. Человек может при первом обращении не сообщить в вербальной, т. е. осознанной, форме формулировку социальной нормы, но он видит, воспринимает в действительности то, что ему диктуется этой нормой.

Именно этот механизм регуляции психических и даже психофизиологических процессов лежит в основе тех феноменов изменения в ситуации группового давления порогов цветовой чувствительности и способности цветоразличения, о которых сообщает С. Московичи⁴².

Можно предположить, что фактически мы имеем здесь дело не с действительным изменением физиологических параметров зрительной системы человека, но со структурной организацией психофизиологического процесса и главным образом с формой осознания психофизиологических данных и показателей человеком и реализацией этих данных в его поведении, в частности в вербальном поведении — ответе, а также и в экспериментальном организованном невербальном ответе на стимул через сознание и при его посредстве.

Участие социальных норм во временной, структурной личностной организации сознания и превращение их в структурный фактор личности осуществляются за счет включения их в систему личностных смыслов и значений и преобразования на их основе и под их воздействием этой системы. И хотя в качестве таких структурных факторов социальные нормы могут не быть репродуктивно и актуализированно представлены в сознании, мы склонны включать их и в этом случае в содержание субъективного мира личности. Можно предположить, и эмпирические данные подтверждают это положение, что и как структурные факторы социальные нормы могут быть осознаны человеком и включены в содержание сознания, т. е. они могут быть репрезентированы в нем. Этот про-

⁴² *Moskowitz S., Faucheux C. Social influence, conformity bias and the study of active minorities.*— In: *Advances in experimental social psychology*. L. Berkowitz (Ed.). N.-Y., 1972.

цесс мы расцениваем как компоненту самосознания личности и как процесс формирования временной динамики, временного созидания человеком своей личности.

При таком типе воздействия социальных норм значение процессов их осознания, включения их в феноменальное поле сознания личности несравненно важнее, чем в случае усвоения готовых формул и положений. Именно в этом случае возникает возможность расширения сферы самосознания, формирования процессов саморегулирования, сознательной оценки содержания норм в нравственных и ценностных категориях, а также формирования и проявления в этих процессах подлинной активности личности (остающейся при усвоении норм как знаний всего лишь пассивным восприимчивым и накопителем нормативной информации).

Включение нормы в сознание делает личность ответственной за выбираемые варианты и формы поведения, за содержание тех социальных норм, которым в своем поведении и жизни следует человек и в выработке и преобразовании которых он только в этом случае может и должен принять активное участие. Осознавая нормы своего поведения, оценивая и преобразуя их, человек вырабатывает и реализует нравственную личностную систему норм и сам формируется как нравственная личность. Только как нравственная личность человек перестает быть игрушкой, подвластной каким-то анонимным внеличностным силам, становится активным участником процесса общественного развития.

4. НОРМЫ И МОТИВАЦИОННАЯ СИСТЕМА ЛИЧНОСТИ

Вопрос о презентации нормы в феноменальном поле сознания тесно связан с представлением о детерминации психических явлений и процессов по типу воздействия внешних условий через внутренние побудительные системы личности. «Проникнуть» в личность, оказать на нее воздействие, как на личность, в том числе и с помощью социальных норм и предписаний, можно лишь через мотивационную систему этой личности.

Естественно, что одно из направлений поиска психологических закономерностей и механизмов действия социальных норм — обращение к проблеме соотношения норм и мотивации поведения человека.

Проблема деонтической ориентации и динамичности мотивационной системы

В советской психологии проблема мотивации и мотивов поведения и деятельности человека достаточно полно разработана, и здесь нет необходимости детально излагать основные положения различных авторов и школ советской психологии в этой области.

Хотя в работах советских психологов фактически, за редким исключением, нет выхода в проблему связи мотивации и механизмов действия социальных норм, следует отметить, что теоретический арсенал советской психологии был эффективно использован болгарским социологом В. Момовым при разработке им проблемы соотношения нормы и мотива поведения.

Особую ценность работы Момова мы видим в том, что он прямо соотносит проблему связи нормы и мотива поведения с категориями должного и оценочного отношения человека к действительности и социальной среде. Как отмечает Момов⁴³, «усвоенная личностью норма в форме должного отношения и оценочных критериев превращается в мотив поведения».

Деонтический, оценочный аспект ориентации поведения человека и его связь с мотивационной системой, как мы уже показали, практически отсутствуют в разработках зарубежных теоретиков. Исключение из анализа деонтического модуса психики, личности, сознания, мотивации уплощает и упрощает, делает одноплановой и фактически биологизирует личность, психику, сознание человека.

Как и все аспекты личности, мотивационная система человека существует и функционирует в мире социального, а следовательно, и в мире ценностей. Это определяет ее модальный характер и многие ее характеристики. Поэтому нам кажется обоснованными попытки Момова выявить личностные, психологические условия мотивационного действия нормы как формирование должного отношения и оценочных критериев.

Если человек воспринимает социальную действительность своего бытия как включающую ценностные и должные формы бытия, он воспринимает и необходимость нор-

⁴³ Момов В. Норма и мотив поведения.— «Вопросы философии», 1972, № 8, с. 114.

мативного фактора. Христианская, да и любая другая, этика, основанная на религии, решала общий вопрос деонтической ориентации человека путем изначального навязывания человечеству идеи «долга» перед богом, которая затем «опредмечивалась» в должных отношениях к родителям, старшим, власть имущим и т. д. Именно на этой основе формировались действенные в данной социальной среде разнообразные, специализированные системы норм и нормативных отношений. Устранение религиозного мировоззрения должно быть связано с заменой мифологизированных должных отношений и долга перед богом и его «наместниками» на земле, с осознанием наличия в обществе реальных, объективных должных отношений.

Факт объективного, реального существования деонтических образований — важнейший фактор нормативного регулирования. Основой его являются как реально существующие должные отношения (например, должные отношения и зависимости, возникающие при объединении людей для осуществления кооперированной деятельности), так и выработанные общественным и индивидуальным сознанием ценностные представления, выступающие для членов общества как объективная реальность. Усвоение и использование норм, формирование подлинно нормативного поведения могут базироваться только на формировании у личности осознанного, переживаемого личностью ценностного мировосприятия.

Как в этой связи можно представить себе процесс и закономерности формирования «нормативной» мотивации? Является ли этот процесс установлением механических, принудительных, внешних связей и соотношений внешней нормативной регуляции и мотивационной системы личности? Или возможно подлинное преобразование и развитие мотивационной системы личности на основе выработки у человека высших нравственных, ценностных, деонтических представлений и убеждений? Некоторые материалы для решения этих вопросов дают последние работы советских психологов.

Одним из самых существенных мы считаем выдвинутое Б. Ф. Ломовым⁴⁴ положение о том, что психологи

⁴⁴ Ломов Б. Ф. Общение или объект психологического исследования.— В кн.: Методологические проблемы социальной психоло-

длительное время уделяли огромное внимание процессам взаимодействия «субъекта» и «объекта», человека и предмета — факту предметной деятельности, а следовательно, и предметному плану мотивации. Широко известны в этой области работы А. Н. Леонтьева и многих других советских психологов, разрабатывающих проблемы объективации мотивов в предмете, мотивации предметной деятельности и др.

Мотивация социального поведения действительно во многом определяется развитием отношения человека к объекту, т. е. за счет изменения предметов, в которых объективируются мотивы людей. Предметная сфера выступает как посредник социальных отношений и как аккумулятор социальных отношений, и как опредмеченная форма сущностных сил человека, и как проявление природы человека как родового существа.

Но, как отмечает Б. Ф. Ломов, не менее, если не более, существенно для разработки психологических проблем отношение «субъект» — «субъект», отношение человека к человеку.

Есть все основания полагать, что мотивационная система человека формируется, развивается и реализуется не в ситуации предметной деятельности как исходной и основной, а в ситуации общения, в отношениях и взаимодействиях людей. К сожалению, эта линия психологического анализа еще недостаточно разработана, и нет концептуальных схем и эмпирических данных для описания закономерностей и процессов формирования нормативной мотивации в русле указанного нами подхода. Однако некоторые данные для разработки самых общих положений содержатся в исследованиях, проводимых советскими психологами.

Нам представляется чрезвычайно ценным высказанное Д. Б. Элькониным в докладе, прочитанном в Институте психологии АН СССР, предположение о необходимости выделять две формы развития и формирования ребенка: 1) усвоение знаний, навыков, предметных действий и деятельности, формирование способностей и свойств личности, связанных с таким развитием и обучением; 2) усвоение социальных условий деятельности, обу-

гии. М., 1975 *он же*. Общение и социальная регуляция поведения индивида.— В кн.: Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976.

чение и овладение в игровой форме социальными отношениями, усвоение социальных мотивов, оценок, средств деятельности, социально одобряемых форм поведения, социальных ролей и социальной регуляции и т. д. Д. Б. Эльконин фактически затрагивает вопрос о социальном обучении человека.

В ходе социального обучения протекает процесс социального развития личности. Некоторые данные в этой области были получены косвенным путем в работах Л. И. Божович и ее сотрудников⁴⁵. Однако прямое использование этих данных затруднено как в связи с общей традиционной концепцией «предметного» плана анализа мотивов и мотивации деятельности, так и в силу специфической практической ориентированности этих исследований.

Нам представляются перспективными выдвинутые В. Г. Асеевым положения о структурно-динамической природе мотивационной системы человека⁴⁶. Подход, разрабатываемый Асеевым, должен привести, по нашему мнению, к созданию оригинальной структурно-динамической модели мотивационно-побудительной системы человека, модели, которая может быть в дальнейшем использована и при разработке проблем соотношения нормативной регуляции и мотивации личности. Эта модель позволяет выявить процессы перестройки и преобразования мотивационной системы под воздействием внешних условий и внутренних факторов личности.

Структурно-динамическая модель мотивационной системы человека является моделью постоянно преобразуемого, динамичного, переструктурируемого, развивающегося образования. Основная форма существования мотивационной системы человека — не «консервация» и затормаживание якобы «изначальных» форм и видов влечений и побуждений, а динамичное состояние — постоянная перестройка, преобразование, развитие.

⁴⁵ Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968; Изучение мотивации поведения детей и подростков. М., 1972; Дашкевич О. В. Интериоризация социальных норм как механизм онтогенеза мотиваций человека. — В кн.: Проблемы формирования социогенных потребностей. Тбилиси, 1974; и др.

⁴⁶ Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. М., 1976; он же. Структурные характеристики мотивационной системы личности. — В кн.: Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976.

Проблема сочетания нормативной регуляции и мотивации

Каким же образом мотивационная система личности может быть соотнесена с социальной нормативной регуляцией поведения? Этот вопрос оказывается камнем преткновения для большинства зарубежных исследователей мотивации поведения. Наиболее типичным для зарубежной психологии является полный разрыв мотивации и действия социальных норм, их противопоставление и попытки вывести их противоречие из якобы изначальной несовместимости личностной мотивации и социальной регуляции поведения.

Направлением, оказавшим решающее влияние на постановку в зарубежной социологии и социальной психологии вопроса о соотношении нормативной регуляции и системы мотивации личности, был «преобразованный психоанализ».

Общая схема процесса действия социальных норм сводится в этом случае к представлению об интернализации норм в *super ego*, понимаемом как сверхсоциализированная сфера сознания личности.

Психоаналитические концепции «проникают» в теорию действия социальных норм главным образом по двум каналам — через использование психоаналитической персонологии и выработанных в ее рамках представлений о личности и за счет привлечения материала психоаналитических исследований механизмов влечений, побуждений, защиты личности и др.

Основным, исходным в этом направлении является положение о фактически изначальном и сущностном конфликте между «культурными» — социальными нормами и желаниями, побуждениями, потребностями индивида. Одной из основных форм и видов конфликта является конфликт влечений, желаний, активности личности, с одной стороны, и запретительных, ограничительных норм общества и культуры — с другой.

Запрещающие нормы, всевозможные табу вводятся с целью устранения ряда нежелательных, разрушительных, опасных для общества и его социальной системы влечений, побуждений и действий индивидов. Общество требует от личности конформности как в отношении предписывающих, так и в отношении запрещающих

норм, ее согласия с данными нормами. Эти требования общества основаны на функциональности норм, на том, что указанные нормы выполняют функции, важные для общества в целом. Однако подобные нормы могут быть нефункциональными, точнее дисфункциональными (если привлечь термины и категории Р. Мертона), в отношении индивида, личности.

Справедливо, что подобный конфликт возможен и что устранение его возможно лишь путем согласования функциональных требований личности и функциональных требований общества в целом. Советские психологи, врачи и юристы уделяют большое внимание разработке средств такого согласования и анализу причин, вызывающих аномальное, отклоняющееся, противонормное поведение, особенно у молодежи⁴⁷.

Если же принять установки подхода буржуазных исследователей к противоречию между функциональными влечениями, побуждениями, мотивами человека и функциональными требованиями общества, отображаемыми в нормах, то наличие мотивационной системы является, мягко говоря, «помехой» полной социализации личности. Исключение мотивационной системы (сиречь личности), т. е. превращение человека в автомат, повинующийся внешним импульсам и стимулам, упростило бы положение. Наличие же ее приводит к необходимости как-то ее «обойти» в этой конфликтной ситуации. Примером могут служить пути сочетания мотивационной системы и нормативной регуляции, которых зарубежные социальные психологи ищут в традиционной проблеме «выработки согласия», поставленной еще Т. Ньюкомом. По этой теории обучение нормам должно быть дополнено мотивацией «достижения согласия» индивида с требованиями этих норм.

Для выработки мотивации, обеспечивающей согласие с нормами, а также наряду с обучением индивида этим нормам и его следованием им, их эффективного действия на уровне личности сторонники психоаналитического подхода видят один путь. Мотивированное поведение

⁴⁷ См., например: Патологические нарушения поведения у подростков. Л., 1973; Вопросы изучения детей с отклонениями в поведении. М., 1968; Психологическое изучение трудновоспитуемых школьников и несовершеннолетних правонарушителей. М., 1974; Игошев К. Е. Личность преступника. М., 1976; и др.

ориентировано на цель, а в качестве таких целей могут выступать объекты, события, условия, способствующие удовлетворению начальных влечений и побуждений индивида. Выполнение ролевых требований и соответственно следование нормам возможны лишь в том случае, когда цели, достигаемые при таком поведении, служат удовлетворению влечений личности и сами роли и нормы восприняты им как эффективное средство достижения этих целей.

Утопичность подобной ситуации для общества и индивидов очевидна.

Как отмечает один из известных представителей американской школы культурной антропологии, М. Спиро⁴⁸, совпадение функциональных требований личности и общества возможно лишь в двух случаях: 1) когда выполнение ролей и следование нормам направлены на достижение определенного статуса и 2) когда общество предоставляет лицам, занимающим определенный статус, социальные награды (при этом в качестве изначальных влечений должны выступить уже «социализированные» влечения индивида). Спиро рассматривает в качестве примера «социализированного влечения» стремление к уважению. Но и здесь возможен конфликт между влечением личности и «устройством» общества, которое, например, не удовлетворяет стремления граждан к уважению и получению наград за достигнутый статус. Это положение детально было проанализировано еще Мертоном в работах по аномии и рассогласованию в буржуазном обществе выдвигаемых обществом и «интернализуемых» индивидами целей, с одной стороны, и предоставляемых обществом средств для достижения этих целей и наград за такое достижение — с другой. Спиро отмечает сложность мотивации даже в случае реализации стремления человека к достижению определенного статуса. Человек, например, может к этому стремиться не в целях реализации стремлений к самоуважению и уважению к себе со стороны членов общества, а для удовлетворения иных побуждений, связанных с материальными или социальными возможностями, предоставляемыми лицу, занимающему данный статус. Подобная мотивация, обоз-

⁴⁸ Spiro M. An overview and a suggested reorientation.— In: Psychological Anthropology. F. L. K. Hsu (Ed.). Homewood, Ill., 1961

начаемая как «функционально ориентированная» или «побудительно ориентированная», еще не станет, надо полагать, подлинно «нормативно ориентированной мотивацией», т. е. мотивацией, непосредственно обеспечивающей следование необходимым нормам.

Даже выработка мотивации, направленной на актуализацию поведения, соответствующего нормам, и обеспечивающей согласие с ними, не является практически формированием исключительно и однозначно «нормативно ориентированной» мотивации. Существуют ситуации, когда мотивация к несогласию с нормами несравненно сильнее, чем мотивация к согласию с ними. В этих случаях буржуазные исследователи обращаются к средствам «социального контроля». Оказывается, собственно мотивационной системы личности недостаточно для обеспечения следования нормам — необходимо привлечение вырабатываемых обществом средств внешнего принуждения и побуждения.

Стремление к «согласию с нормами» может привести к возникновению глубоких конфликтов индивида с нормативными требованиями общества. Возникающая фрустрация влечений разрушает побудительную мотивацию и приводит опять-таки к несогласию с нормами. Фрустрация побуждений и влечений может стать базисом для мотивации поведения, идущего вразрез с предписанным, поведения, запрещаемого нормами. Для предотвращения актуализации запрещенных мотивов и пресечения поиска средств и способов открытого выражения этих устремлений и побуждений индивида буржуазные социологи опять-таки предлагают использовать средства и методы социального контроля.

Необходимо отличать мотивы, для реализации которых общество по той или иной причине не выработало подходящих средств и способов реализации, или мотивы, способы удовлетворения которых по той или иной причине недоступны какой-то части населения, от мотивов, влечений, устремлений, в принципе отвергаемых обществом, и способы удовлетворения которых именно поэтому запрещены и не разработаны.

Социальный контроль может быть направлен лишь на то, чтобы «загнать внутрь» нежелательные для общества побуждения индивида и «держать» их под постоянным

давлением⁴⁹. Но вряд ли внешний социальный контроль в состоянии полностью подавить все влечения индивидов. Постоянные вспышки насилия, терроризма, агрессии, антиобщественные действия, захлестнувшие западное общество,— вот к чему приводит формальный внешний социальный контроль.

Упование на внешнее принуждение уводит исследователей от проблемы преобразования социальных условий и создания социальной системы, в которой в принципе невозможны подобные проявления личности. Одновременно снимается вопрос о социальных преобразованиях мотивационной системы личности, о направленной перестройке структуры и процессов актуализации мотивов, в том числе «связывании» и внутриличностном преодолении социально опасных и враждебных для общества мотивов и побуждений личности.

Возможно, что с помощью средств социального контроля запрещенные мотивы могут быть заторможены, а запрещенные способы удовлетворения опасных для общества и других людей влечений могут быть купированы с помощью «страха *superego*» или социальных санкций и наказаний. Тем не менее влечения, активизирующие мотивы, приводящие к антиобщественным поступкам, не уничтожаются внешними средствами социального контроля, они продолжают существовать и требовать удовлетворения. Следовательно, конфликт норм и личностных влечений остается неразрешенным. Длительная фрустрация этих влечений в буржуазном обществе будет вести к серьезным дисфункциональным последствиям для личности, что в конечном счете скажется дисфункционально и на обществе в целом и даже, возможно, приведет к полному краху системы социального контроля.

Эта взрывная сила фрустрированных и лишь «загнанных внутрь», но непреображенных, неочеловеченных базовых потребностей, побуждений, влечений индивида может проявиться не только спонтанно, разрушительно, но и быть целенаправленно использована (например, в фашистском движении⁵⁰). Эта сила служит базой многочис-

⁴⁹ См. разработку проблем социальной психологии преступности в работах: Яковлев А. М. Преступность и социальная психология. М., 1971; Ансель М. Новая социальная защита. М., 1970; Подгурецкий А. Очерк социологии права. М., 1974; и др.

⁵⁰ См., в частности, данные, приводимые в кн.: Шур Э. М. Наше преступное общество. М., 1977; «СС в действии. Документы о пре-

ленных экстремистских, террористических, анархических, антиобщественных движений в современном буржуазном обществе. Потенциальный, могущий быть актуализированным с помощью специальных приемов, практикуемых подобными движениями, конфликт неочеловеченного человека и основных социальных норм любого человеческого общества, действительно, может казаться реальной силой, используемой определенными социальными группами в антигуманных и антисоциальных целях. Поэтому разработка путей и средств действительного разрешения этого конфликта, разработка проблем эффективного социального контроля и закономерностей преобразования мотивационной системы личности оказывается первостепенной научной проблемой чрезвычайной социальной значимости.

Оставаясь в рамках психоаналитического подхода, нельзя осознать, что потенциальная взрывная сила «фрустрированных» влечений сама по себе не может быть некоей социальной силой или социальным фактором. Она становится таковой лишь в определенных социальных условиях и лишь в том случае, если она сознательно, целенаправленно эксплуатируется той или иной социальной группой в социальных интересах данной группы. Она остается непреображенной и потенциально опасной опять-таки не в силу действия каких-то «природных», «естественных», «закономерных» факторов и причин, а именно вследствие социально неэффективных, уродливых, а то и специально созданных таковыми средств социального контроля и форм социального развития личности. Хотя подобные средства социального контроля и дисфункциональны для общества в целом, но они могут быть функциональными, необходимыми для социальной группы, использующей как их самих, так и их дисфункциональность. Поэтому средства и пути подлинного разрешения этого «базового» конфликта лежат в социальной сфере, в ее преобразовании.

Эта линия анализа полностью отсутствует в многочисленных зарубежных исследованиях механизмов агрессии, насилия и прочих разрушительных тенденций буржуазного общества.

ступлениях СС». М., 1960; Рассел Э. Проклятие свастики. М., 1954; и др.

Вопрос о защите общества от «фрустрированных» влечений личности и последствий их проявления сторонники психоанализа связывают с возможностью использования в этих целях механизмов, разрабатываемых в психоаналитической персонологии как механизмов «защиты ego» от «страдания», т. е. механизмов репрессии, замещения, сублимации. Следует отметить, что при всей непоследовательности, односторонности психоаналитического подхода к анализу субъективного мира личности в работах психоаналитиков по крайней мере делаются попытки подойти к анализу таких нравственных образований личности, как моральная тревожность, стыд, вина, переживание социальных санкций и др. Эти явления не только не объявляются «психологическими эпифеноменами» (что, например, имеет место при подходе к проблеме социального бихевиоризма), но, более того, этим феноменам приписываются социальные функции.

Защитные механизмы, по мнению сторонников этого подхода, должны не только освободить индивида от внутреннего конфликта с нормами, но и дать ему возможность каким-то образом реализовать побуждение и мотивацию. Подобные приемы представляют собой разработку паллиативных мер и не дают подлинного разрешения конфликта и преобразования мотивационной системы личности. Но в ряде случаев следует признать, что некоторые технические приемы могут быть использованы как частные средства психологической помощи и терапии. Однако в целом в работах этого направления фактически разрабатываются средства защиты status quo как общества, его социальной системы, так и системы мотивации личности; использования «неизменных», непреобразованных базисных влечений человека в целях обеспечения и упрочения стабильности существующей системы. Подобный подход нацеливает психологов на разработку приемов защиты якобы изначальной, глубинной, чуждой обществу природы человека и его мотивационной системы.

Вопрос о перестройке, преобразовании, переструктурировании, изменении, очеловечивании мотивационной сферы человека в ходе его социального развития не только не ставится, но, более того, при таких общих социальных установках оказывается нежелательным. Действительно, «необузданные», «изначальные» влечения челове-

ка к насилию можно в определенной степени обуздать и даже направить их (например, «символические», ритуальные бунты) в русло вполне приемлемых для главенствующих в данном обществе социальных групп мотивов достижения «согласия», интеграции и стабильности существующей системы. Практики и теоретики социального контроля в буржуазном обществе разрабатывают все более эффективные приемы и способы такой эксплуатации свойств человека, используя в этих целях бихевиористскую теорию модификации поведения, психоаналитическую теорию защитных механизмов смещения и т. п. Современное буржуазное общество охотно прибегает к этим мерам, поскольку подлинное преобразование мотивационной системы личности и формирование социальных устремлений и нравственных побуждений граждан могли бы привести к сознательным, целенаправленным, нормативным актам поведения, которые трудно втиснуть в мифологические, ритуализированные, паллиативные формы. Такие преобразования могли бы привести не к психоаналитическому переосмыслению значений побуждений в символической форме, но к адекватному восприятию социальной действительности, социальной оценке конфликта норм и подлинно человеческих, социально оцененных и осознанных мотивов, к социальной оценке самих норм, к требованию преобразования социально и личностно нефункциональных и нежелательных норм, а следовательно, и всей социальной структуры общества.

Некоторые буржуазные исследователи считают наиболее действенным не социальный контроль, осуществляемый с помощью санкций и порождающий соответственно лишь поведение, «ориентированное на санкции», но социальный контроль, проявляющийся в формировании «нормативно-ориентированной» мотивации. В отличие от мотивации, ориентированной на согласие с нормами, в силу совпадения устремлений индивида и требований общества «нормативно-ориентированная» мотивация, порождаемая социальным контролем, является особым видом мотивации. Как показал Т. Парсонс⁵¹, социальные

⁵¹ Парсонс Т. Общетеоретические проблемы социологии.— В кн.: Социология сегодня. М., 1965; он же. Мотивация экономической деятельности.— В кн.: Структурно-функциональный анализ в современной социологии. М., 1969; *Parsons T. The Social System.* Glencoe, 1952.

системы при посредстве особых институтов социализации создают тип личности, для которой нормы сами становятся необходимыми целями деятельности личности. Личности формируются заведомо с такими мотивационными системами, которые необходимы данному обществу и обеспечивают согласие личности с системами норм этого общества.

За рубежом это направление представлено работами не столько профессиональных психологов, сколько социологов, культурантропологов, представителей других смежных дисциплин. Большинство исследователей имплицитно или эксплицитно принимают общую схему анализа, выработанную Т. Парсонсом. Парсонс, учитывая, что невозможно описать социальное действие и его регуляцию лишь со стороны ситуации, не включая в анализ «деятеля», вводит дополнительные понятия и обращается к категории «мотивов». Однако он использует не психологическую категорию, а говорит о «мотивах деятелей в ролях». Этим понятием обозначается весь спектр субъектных и субъективных явлений, относящихся к «деятелю» как человеку. Остается неясным, каким образом абстрактные внеличностные образования — «мотивы деятелей в ролях» — могут быть раскрыты, как это пытается сделать Парсонс, в понятиях того, что эти «деятели» «хотят» сделать или «испытывают побуждение» сделать в тех или иных ситуациях и обстоятельствах⁵².

По теории Парсонса, чтобы «сочленение» исполнителя роли с системой норм стало возможным, человек, принимающий какую-то роль, должен обладать особой мотивационной структурой. Мотивационная структура человека, «сочленяемого» с нормативной системой, должна по своим параметрам строго соответствовать определенным условиям: включать структуру целей, одобряемых и предписываемых данным обществом; определенную структуру деятельности и способностей, формирующуюся в указанных условиях, и мотивов лояльности к коллективным интересам и потребностям. Поскольку мотивационная структура является одним из важнейших факторов личности, во многом определяющим ее тип и структуру, то подобное «сочленение» деятеля с нормативной

⁵² Парсонс Т. Общий обзор.— В кн.: Американская социология. М., 1972, с. 365.

системой предполагает обязательную определенную и существенную перестройку личности и ее приспособление к нормативной системе данного общества.

Путем социализации, т. е. социально заданной перестройки мотивационной структуры и типа личности, и внешнего социального контроля, опирающегося на санкцию особого рода — «влияние», формируется тип человека, который только и может быть «сочленен» с нормативной системой, формируемой правящей элитой капиталистического общества.

Дж. Ф. Скотт⁵³, проводя анализ понятия «интернализация» норм и образцов, используемого Парсонсом, отмечает, что Парсонс принимает описание системы внутреннего контроля над инстинктивной или импульсной системой ребенка как контроля, устанавливающегося в результате генерализации образца санкций, применяемых матерью. Соответственно Парсонс замечает, что в это время ребенок действует «конформно» с системой норм. Ребенок, по теории Парсонса, чуть ли ни с первых дней оказывается интегрированным в социальной системе, а в обществе существуют определенные ожидания относительно его поведения и санкции относительно образцов его поведения. В таком обращении к первичному опыту Скотт усматривает у Парсонса «неофрейдистские» тенденции. Однако более существенно, и это отмечают некоторые зарубежные авторы, что неофрейдисты пытаются распространить действие социальных факторов лишь на область *superego*, тогда как интернализация норм «охватывает» не только эту область, но и области *ego* и *id*.

Зарубежные критики психоанализа видят возможность обойти методологические сложности проблемы интернализации норм на уровне *ego* и *id* в смене исходной модели. Они отходят от анализа лишь области *superego* — социализированного сознания человека как «вместилища» всех интернализированных норм, табу и запретов, считая, что и другие сферы личности всегда подвергаются социализации. В ряде этнографических и антропологических исследований неоднократно отмечалось, например, что полное отсутствие в той или иной общности норм, регулирующих отношения между полами, ве-

⁵³ *Scott J. F. Internalization of Norms. N.-Y., 1971.*

дет не к гиперактивности в этом общении, но к сексуальной апатии и бездеятельности⁵⁴.

Некоторые авторы поддерживают критику концепции якобы «несоциализированного» id, выводя социализацию сексуального поведения человека из «социальных» ограничений сексуального поведения животных, в частности приматов, т. е. связывая эти ограничения с психическими образованиями, предшествующими *super ego*.

Поскольку область мотивации является одной из наиболее насыщенных исследованиями областей, можно выявить и другие направления, в которых явно или неявно прослеживается связь мотивации с социальными нормами. Так, в одной из наиболее популярных в социальной психологии теорий — теории когнитивного диссонанса Л. Фестингера⁵⁵ — роль когнитивного диссонанса как мотивирующего фактора и осуществление поведения, направленного на устранение диссонанса, хотя и неявно, но соотнесены с социальными нормами, принятыми и действующими в обследуемой общности. Теория мотивации, разработанная А. Маслоу⁵⁶ и широко используемая в прикладных исследованиях — в социологии организаций и социальной психологии организационного поведения, оказывается связанной с решением проблем мотивационного «включения» человека в организацию и соответственно с принятием социальных норм этой организации и следованием им.

Более определенно связь мотивации с действием социальных норм выступает при разработке проблем так называемых социогенных мотивов. Широко известные работы К. Мак-Клелана⁵⁷, Э. Аткинсона и других представителей этого направления выявили прямую связь формирования и действия одного из наиболее изучаемых за рубежом мотивов, а именно мотива достижения, с социальными нормами, вырабатываемыми и используемыми в обществе.

Не случайно работы Мак-Клелана посвящены анализу западного общества как «общества достижения» и

⁵⁴ См. данные, которые приводятся в кн.: *Psychological Anthropology*. F. L. K. Hsu (Ed.). Homewood, Ill., 1961.

⁵⁵ *Festinger L. A Theory of Cognitive Dissonance*. Stanford, 1957.

⁵⁶ *Maslow A. Motivation and Personality*. N.-Y., 1954.

⁵⁷ *McClelland D. C., Atkinson J. W. e. a. The Achievement Motive*. N.-Y., 1953.

значению принятого образа жизни и социальных норм общества для формирования мотивов достижения⁵⁸. Исследования этого направления оказали обратное влияние на социологическое и социально-психологическое изучение так называемых норм достижения, выделяемых зарубежными исследователями в самостоятельный разряд норм.

Во всех работах указанного цикла социальный контроль понимается прежде всего как система жесткой внешней регламентации и детерминации поведения личности. Попытки психологов изучать так называемый интериоризированный (или интернализированный) социальный контроль сводятся к представлениям о формировании у личности «внутреннего цензора», пересаженного в личность носителя социальных норм буржуазного общества. Вопрос о формировании личности за счет нравственной, нормативно-ценностной перестройки был обстоятельно разработан лишь в работах советских философов, психологов и педагогов.

Проблема перестройки мотивации под влиянием норм

Формы и направления развития мотивационной системы личности во многом зависят от внешних и главным образом от социальных условий существования и деятельности человека, от процессов его социального обучения и социального развития.

Если мы принимаем положение о социальном обучении и социальном развитии личности, то вполне естественно попытаться выделить в этих процессах некоторые закономерности и характеристики, общие для всякого процесса обучения и развития человека. Одной из важнейших закономерностей обучения мы считаем наличие в нем двух видов — так называемого содержательного, материального обучения конкретным навыкам, знаниям, формам и образцам поведения и обучения формального — обучения принципам, приемам, общим закономерностям поведения и деятельности. Это различие, как нам представляется, необходимо и для процессов социального обучения и развития личности.

Рассмотренный в первом разделе материал дает

⁵⁸ McClelland D. C. *The Achieving Society*. N.-Y., 1961.

информацию о первом виде социального обучения — обучения человека конкретным нормам и формировании на этой основе ориентированной на нормы мотивации⁵⁹. Как показывают данные, приводимые в первом разделе, этот процесс неэффективен и в социальном, и в психологическом плане. Всегда остаются открытыми вопросы, каким именно нормам надо обучать человека, на какие нормы должна быть ориентирована мотивация, какие нормы должны оказывать мотивационное воздействие на поведение, кто и каким образом отбирает и формирует эти нормы, какова социальная функция этих норм, какого «социального деятеля» можно сформировать, заставив человека интернализировать эти нормы и сформировав мотивационную ориентацию на эти нормы, каковы последствия для самой личности и для общества этого способа и формы выработки нормативной мотивации.

Разумеется, ответы на эти вопросы не будут сходными и будут по-разному оцениваться в обществах с различными социально-экономическими и политическими системами.

Но даже при общей положительной социальной и личностной оценке заучиваемой системы норм подобный процесс формирования мотивационной ориентации на нормы и превращения норм в мотивационные факторы не представляется полноценным и эффективным.

Социальные условия в обществе изменчивы. Меняются и системы норм. Человек, усвоивший жестко фиксированные и конкретные по содержанию и направленности нормы, не сможет приспособиться и быть полноценным и активным участником социальной деятельности в обществе с изменившейся нормативной системой. Наиболее яркие примеры этого дают периоды революционных преобразований и коренной ломки общественных устоев жизни⁶⁰. Но системы норм, особенно норм производных,

⁵⁹ См. подход к разработке этических аспектов этих проблем в работе: *Батищев Г. С.* Рационализм или диалектика? — «Молодой коммунист», 1974, № 12.

⁶⁰ Мы не можем не отметить здесь факта литературного отображения и осознания многочисленных жизненных и социальных коллизий людей, усвоивших жесткие системы норм именно в форме фиксированных мотивационных факторов и оказавшихся в новых социальных условиях. Особенно ценный материал дают сатирические произведения М. Булгакова, М. Зощенко, Д. Хармса и других советских писателей.

используемых при регуляции частных конкретных актов поведения и взаимоотношений людей, меняются в периоды эволюционного развития общества. Советское общество динамично по самой своей природе. Развитие общественных отношений, утверждение норм коммунистической морали, совершенствование и развитие всех сторон жизни советского общества и, конечно, научно-технический прогресс, затрагивающий все сферы жизни и деятельности людей, требуют постоянного развития и совершенствования систем социальных норм нашего общества и его социальных групп. В этих условиях человек должен уметь воспринять и реализовать новые, более совершенные нормы поведения и взаимоотношений в обществе. Процесс же усвоения норм, как нами уже было показано, не может быть уподоблен процессу усвоения предметных знаний, навыков, умений.

С нашей точки зрения, мотивационная система личности не может быть адекватно представлена набором, множеством, даже системой «предметных» элементов, конгломератом заранее, «изначально» оформленных в самостоятельные сущности «умственных вещей», фиксированных в предметной, вещной форме мотивов.

Репрезентация в феноменальном поле сознания предметно соотнесенных и «опредмеченных» мотивов, побуждений и влечений человека является лишь специфической формой отображения в содержании сознания, осознаваемой таким образом самим человеком своей структурно-динамической, побудительно-энергетической мотивационной системы.

Как структурный компонент личности мотивационная система человека не застывшая, строго фиксированная в том или ином наборе и конгломерате «опредмеченных» мотивов и побуждений, а динамическая, способная приобретать определенную (в том числе «вещную», «изолированно-предметную») конфигурацию в зависимости от включения личности в сложную сеть жизненных, прежде всего социальных, условий деятельности и поведения. В силу этого важнейшая характеристика и показатель конкретного «предметного» содержания и конфигурации динамической мотивационной системы — ее «организационные» параметры, т. е. способы и формы организации мотивационной системы, побудительно-энергетических сил человека.

Мы склонны рассматривать так называемые изначальные побуждения и влечения индивида лишь как «опредмечивание» и фиксацию побудительно-энергетических сил в форме, предоставляемой ему биологической природой, организмом. Преобразование этой начальной формы «опредмечивания» и фиксации влечений представляется закономерным именно в силу постоянного социального развития личности и является путем и основой развития высших ценностных и нравственных свойств и мотивов человека.

Важнейшим фактором, определяющим уровень, тип и особенности организации мотивационной системы и соответственно ее конфигурацию, и являются социальные нормы, характеризующие социальные условия поведения, деятельности, существования личности. Нормативная регуляция выступает в этом плане как принцип организации и оформления реальной конфигурации динамической мотивационной системы личности.

Соответственно усвоение норм как прочих форм знаний, умений, навыков, т. е. «содержательное», «материальное» обучение нормам, не может быть оценено как эффективный способ выработки «нормативно ориентированной» мотивации.

Норма может не быть представлена в феноменальном поле сознания в развернутой и точной формулировке, но она может перестроить мотивационную систему человека таким образом, что определенные виды его поступков и линии поведения будут для него «закрыты», исключены и он будет оценивать их как недопустимые.

Нормативная регуляция включается в динамическую мотивационную систему на основе сформированных у личности ценностных представлений. Социальное обучение, социальное развитие и нормативное преобразование мотивационной системы личности основаны не на усвоении знаний тех или иных конкретных социальных норм, но в результате освоения человеком условий общения и взаимодействия. Используемые в этих условиях социальные нормы преобразуют мотивационную систему личности, т. е. выполняют функции факторов, организующих эту динамическую систему и оформляющих необходимую в данных социальных условиях конфигурацию мотивов и побуждений, управляющих поведением лично-

сти. Лишь такая перестройка мотивационной системы личности и всей структуры ее свойств и качеств способна обеспечить формирование активной личности⁶¹.

5. ГРУППОВЫЕ НОРМЫ И ГРУППОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ — УСЛОВИЯ НОРМАТИВНОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ ЛИЧНОСТИ

Психологические закономерности и механизмы действия социальных норм на психологическом, а следовательно, личностном уровне, как было отмечено выше, связаны с качественной, структурной личностной перестройкой психической сферы и механизмов поведения человека.

Проблема качественных преобразований и структурной перестройки психической сферы интенсивно разрабатывается советскими психологами. Однако в центре внимания оказывались обычно вопросы перестройки «низших» и формирования высших психических функций в ходе усвоения человеком общественного опыта и знаний и прежде всего опыта предметной деятельности; использования знаковых и инструментальных средств организации поведения; перестройки мотивационной сферы и поведения ребенка, его способностей и свойств на основе деятельности в предметной сфере, в ходе онтогенетического развития и т. д.

Процессы, о которых шла речь, чрезвычайно важны для формирования высших психических свойств личности. Однако решающая роль в формировании личности и перестройке психической сферы человека принадлежит общению и взаимодействию людей в группах и обществе.

Группа — нормативно организованная среда формирования личности

Проблема соотношения коллектива и личности — одна из центральных в советской социальной психологии. В многочисленных исследованиях советских психологов

⁶¹ Для сравнения отметим разработку проблем социальной психологии активности личности В. А. Петровским (*Петровский В. А. К психологии активности личности. — «Вопросы психологии», 1975, № 3*).

и психологов социалистических стран было выявлено то значение, которое имеет для формирования личности и развития ее социальной активности включение человека в первичные, контактные трудовые и общественные коллективы, поддерживающие и использующие социальные нормы социалистического общества⁶².

При решении этих вопросов советские психологи ориентируются на ту роль, которая отводится Коммунистической партией, общественными организациями и общественностью первичным коллективам в деле воспитания человека — активного члена социалистического общества.

В работах советских психологов были выделены общие и отличительные черты контактных коллективов и малых групп. Обсуждение этого вопроса не входит в задачи данной монографии. Мы используем термин «группа» при описании процессов, которые характерны и для малых групп, и для коллективов, учитывая, однако, что нормы, принятые и используемые в первичном контактном коллективе, имеют свою специфику по сравнению с общей категорией групповых норм. Эту специфику мы попытаемся хотя бы отчасти выявить в разделе о «групповой динамике».

В работах советских психологов, посвященных процессам формирования и участия личности в группе и коллективе, этапам морального и нравственного развития человека как члена коллектива, формированию мотивов и навыков поведения и общения в группе и коллективе,

⁶² Отметим лишь некоторые работы советских психологов последних лет, включающие в общем виде данные о групповых нормах, эталонах: *Петровский А. В.* К построению социально-психологической теории коллектива.— «Вопросы философии», 1973, № 12; *он же.* Опыт построения социально-психологической концепции групповой активности.— «Вопросы психологии», 1973, № 5; Общение как предмет теоретических и прикладных исследований. Л., 1973; *Сычев Ю. В.* Микросреда и личность. М., 1974; Социальная психология личности. Л., 1974; Проблемы общения и воспитания. Тарту 1974; Социально-психологические проблемы руководства и управления коллективами. М., 1974; Личность и коллектив. Кострома, 1974; Мышление и общение. Алма-Ата, 1973; Социально-психологические проблемы формирования личности и учебно-воспитательного коллектива. М., 1975; Коллектив и личность. М., 1975; Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга. Краснодар, 1975; Психология управления, вып. 1—2. М., 1976; и др.

используются понятия групповой нормы, групповых стандартов, эталонов, образцов⁶³.

Исследования по проблемам групповых норм и механизмов нормативного группового взаимодействия включают данные, которые могут быть использованы нами при формировании основных положений о механизмах действия социальных норм на психологическом, т. е. личностном, уровне.

Мы рассматриваем групповые нормы как специфический вид, как прообразы и модели более общих социальных норм⁶⁴. Благодаря соотнесенности их с более общими социальными нормами, принятыми в обществе в целом, групповые нормы эффективно используются обществом для нормативной перестройки личности, ее социально на-

⁶³ См., например: *Волков И. П.* Распределение поведенческих образцов в структурах межличностного общения (По данным социометрических измерений).— В кн.: *Человек и общество*, вып. 4, Л., 1969; *Коломинский Я. Л.* Социальные эталоны как стабилизирующие факторы «социальной психики».— «Вопросы психологии», 1972, № 1; *Парыгин Б. Д.* Основы социально-психологической теории. М., 1971; *Дашкевич О. В.* Интериоризация социальных норм как механизм онтогенеза мотиваций человека.— В кн.: *Проблемы формирования социогенных потребностей. Тбилиси, 1974; Шпалинский В. В.* К классификации явлений, возникающих при столкновении индивидуальных ценностных ориентаций, норм и установок с групповыми.— В кн.: *Социально-психологические проблемы формирования личности и учебно-воспитательного коллектива*. М., 1975; *Терехова Г. И.* Эталоны представлений и виды социального лидерства в производственном коллективе.— В кн.: *Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга*. Краснодар, 1975; *Китвель Т.* Социальные нормы и удовлетворенность трудом.— В кн.: *Социально-психологические проблемы в условиях развитого социалистического общества*. М., 1977; и др.

⁶⁴ Косвенным и практически очень важным подтверждением этого положения является практика использования группового взаимодействия и групповых норм в психотерапевтических целях. В последнее время в нашей стране были проведены многочисленные исследования по групповой (коллективной) психотерапии, в которых были апробированы и эффективно использованы методики коррекции нарушений контактов и поведения людей за счет включения их в совместную деятельность и усвоения ими групповых норм, оценок, ролевых ожиданий и т. д. (см., например: *Гройсман А. Л.* Групповая психотерапия. М., 1970; *Вопросы психотерапии*. М., 1973; *Рожнов В. Е.* Лекции по психотерапии (Учебное телевидение). М., 1974. *Психологические проблемы психогигиены, психопрофилактики и медицинской деонтологии*. Л., 1976; и др.).

правленного формирования и развития. Соответственно, групповые нормы являются важнейшими факторами и условиями нормативной перестройки психической сферы и внутреннего мира личности.

Группа в целом может быть охарактеризована как ближайшая социальная среда, обеспечивающая условия проявления личности, развертывания ее поведения и формирования ее социально-значимых качеств. Важнейшим параметром, характеристикой группы в этом случае оказывается нормативная обусловленность протекающих в ней процессов.

Группа, обладающая нормативно заданной структурой функций, ролей и статусов, является нормативно организованной социальной средой, включающей нормативно оформленные условия поведения, деятельности, проявления личности. Существование и деятельность личности в нормативно оформленной группе и отображение в сфере личности норм организации группы являются основными, базовыми процессами при формировании личности и ее социального поведения.

Групповые нормы и «групповая динамика»

Механизм действия групповых норм как факторов, обуславливающих форму, мотивацию, направленность, оценку поведения члена группы, изучается специальным разделом социальной психологии — «групповой динамикой».

За рубежом групповые нормы изучаются с начала 30-х годов. Особо следует выделить работы по институциональным нормам Ф. Олпорта, механизмам действия социальных норм М. Шерифа, изучение влияния «групп членства» и «референтных групп» на принятие норм, установок и мнений членами этих групп, проводимое Т. Ньюкомом, изучение анонимии и референтных групп Р. Мертоном и др. В последующем десятилетии особенно выделяются работы Шерифа и С. Аша. Шериф отмечает целый ряд собственно психологических исследований групповых норм в 40-х годах в США, например работы Е. У. Боварда, Ф. Мак-Корда и др. В это же время интенсивный анализ норм проводили С. Стауфер и др. Начиная с 50-х годов, изучение групповых норм ведется широким фронтом в ряде направлений зарубежной социальной

психологии. Здесь могут быть отмечены работы Р. Ромметвейта, С. Аша, К. С. Кречфильда, М. Дейча, Д. Жерарда, Дж. Марча (одного из активных создателей современной зарубежной социологии организаций), Дж. Джексона, изучавшего структурные характеристики норм и нормы формальных организаций, более специальные исследования различных видов норм Б. Студли, Ч. Лумиса, К. Гейгера, Н. Уолтера и др.

С начала 60-х годов практически все исследования по групповой динамике и групповому взаимодействию включают анализ действия групповых норм. В качестве специальных направлений оформляются исследования групповых норм ответственности, взаимности, норм, регулирующих поведение помощи и альтруизма, моральных и нравственных норм. Специальные исследования были посвящены нормам договора и кооперативной деятельности в диадах и триадах, соотношению норм и установок членов группы, поведению в условиях анонимии, соотношению норм и ролевых ожиданий, механизмам отклоняющегося поведения, действию референтных-эталонных групп и групп членства, формированию и действию норм, возникающих в ходе групповых дискуссий. Огромное число исследований содержит материал об использовании групповых норм в процессах группового давления, группового конформизма, в явлениях независимости и протеста по отношению к групповым нормам.

Среди многочисленных определений группы в социальной психологии следует отметить определение М. Шериф и К. Шериф⁶⁵. В связи с этим определением необходимо подчеркнуть, что группа как специфическое объединение людей характеризуется ими прежде всего как нормативно организованная общность.

При использовании категории «групповых норм» необходимо отметить, что сведение всех социальных норм к групповым, отождествление этих норм или «подтягивание» всех и всяких групповых норм к общим социальным является снижением не только самой категории социальной нормы, но и понятия «социальное», неправомерной его редукцией.

Некоторые социальные психологи улавливают различие собственно социальных и групповых норм. Наиболее

⁶⁵ *Sherif M., Sherif C. W. Social Psychology. N.-Y., 1969, p. 131.*

показательна в этом отношении попытка М. Шериф и К. Шериф ввести понятие социальной групповой нормы, с помощью которой наряду с категориями «статуса» и «роли» определяется группа: «Группа является социальной единицей, состоящей из ряда индивидов, которые находятся друг с другом в ролевых и статусных отношениях, стабилизированных в определенной степени в данное время, и которые используют набор ценностей или норм регулирования их собственного поведения, по крайней мере существенного для группы»⁶⁶.

В отличие от группы простая сообщество («совместность») связана с «взаимодействием индивидов, у которых нет точно установленных ролевых и статусных отношений или общих норм их собственного взаимодействия друг с другом»⁶⁷.

Таким образом, в качестве группы всегда выступает организованная группа, в которой четко соотнесены статус, роли и нормы. По определению авторов, «статус является позицией члена группы в иерархии властных отношений в социальной единице (группе или системе), измеряемый относительной эффективностью инициативы в (а) контроле взаимодействия, принятия решений и деятельности и (б) применении санкций в случаях неуклюженности (неучастия) и несогласия (неуступчивости)». Ролевыми отношениями являются «образцы реципрокного поведения и связанных с ним ожиданий между двумя и более индивидами, характерные и повторяющиеся при существенном, значимом для них взаимодействии»⁶⁸.

Однако в ряду этих понятий организационной и функциональной структуры группы определение, вводимое М. Шериф и К. Шериф для социальной групповой нормы, представляется нам неспецифичным: «Социальная норма — это оценочная шкала, например, масштаб, критерий, линейка, определяющая приемлемую свободу и объективно допускаемую свободу поведения, деятельности, убеждений и верований или любого другого свойства и проявления членом социального объединения»⁶⁹.

Нам представляется, что в этом определении не отражен именно нормативный предписывающий и власт-

⁶⁶ Ibid., p. 131.

⁶⁷ Ibid., p. 133.

⁶⁸ Ibid., p. 140.

⁶⁹ Ibid., p. 141.

ный характер групповых норм как норм социальных, обеспечивающий их директивность, заданность и заданность ими определенных отношений, взаимодействий и взаимозависимостей между членами группы, внутри группы и их взаимоотношений и взаимодействий вне группы как представителей данной группы.

Разрабатывая категорию «социальная норма» применительно к области изучения процессов образования и функционирования групп, М. Шериф и К. Шериф выделяют ряд атрибутивных свойств групповых норм. Во-первых, социальные нормы отличаются от норм статистических или «типичных». В связи с этим, по данным Шерифов, групповые нормы не соответствуют буквальным образом так называемому среднему поведению членов группы или их «типичному» поведению. Во-вторых, социальные нормы являются определенным видом обобщения, категоризации, они представляют ситуации и поведение, объекты в «сокращенной», мы бы сказали, в энграммной, форме. Как вербальная категория или правило социальная норма применяется к классу объектов — личностям, поведению, явлениям. В-третьих, социальная норма является оценивающей категорией, используется для обозначения ценного, ожидаемого, должного, приемлемого и т. д. И, наконец, в-четвертых, будучи генерализованы, выступая как обобщения, социальные нормы определяют границы, объемы разрешенного, дозволенного, приемлемого ряда действий, т. е. не абсолютно, но относительно, с учетом возможных колебаний значений и соответственно могут отобразить и позволить реализовать индивидуальные различия, изменения обстоятельств, новизну и другие явления в определенных, заданных нормой границах.

Последняя характеристика норм подчеркивается и в работе Д. Мак-Дэвида и Х. Харари⁷⁰, которые отмечают, что групповые нормы являются не просто жесткими ограничениями и предписаниями четкого образа действий, но выделяют ряд принятых, допустимых вариаций поведения. Нормы, определяя ожидаемый группой или обществом вид поведения и степень ожидаемой конформности к нормам, в некоторых случаях могут жестко ограничивать этот ряд возможных отклонений, в других

⁷⁰ *McDavid J. W., Harari H. Social Psychology. N.-Y., 1968.*

же они более гибки и допускают большие вариации и отклонения. Обычно групповые нормы имплицитно определяют возможный ряд вариантов поведения в отношении некоего идеального варианта.

Как показывают данные многочисленных исследований, формирование группы необходимо включает выработку системы норм и нормативное регулирование. Процесс выработки и стабилизации систем норм в ходе формирования реальной (а не номинальной) группы неоднократно наблюдался многими исследователями в различных областях. Примером могут служить процессы стабилизации норм в так называемых тренировочных группах (Т-группах) в сфере управления и промышленности⁷¹.

Формирование основных групповых характеристик и процессов, например сплоченности, «общего чувства» — чувства коллективности, или, как предпочитают говорить зарубежные исследователи, «чувства-мы», обычно включает, по данным ряда исследований, стандартизацию оценок, установок, способов и процедур, используемых членами группы при действии с определенными объектами в определенных условиях. Все эти процессы связаны с выработкой и использованием групповых норм.

При формировании и функционировании группы использование норм необходимо для установления степени согласия — «консензуса» между членами группы в отношении определенных объектов, условий и выработки лояльного отношения к группе, что рассматривается большинством авторов как индикаторы относительной стабильности и сформированности групп.

Как отмечается в работе М. Шериф и К. Шериф, изучение процесса формирования (а затем и функционирования) группы является основой для понимания того, как «то, что было первоначально социальным, становится личным». Процесс перехода «социального» в «личное» авторы иллюстрируют примером «хорошего члена группы». Показателем такого перехода является, по их мнению, то, что «хороший член группы» воспринимает нормы, созданные в процессе формирования группы, как свои личные предпочтения, чувства, часть того, что обозначается в зарубежной психологии как «самоидентич-

⁷¹ Handbook of Organizations, J. G. March (Ed.). Chicago, 1966.

ность». Такое «личное» принятие норм необходимо для поддержания и реализации норм и традиций группы. Формирование личности «члена группы» обеспечивается рядом процессов, протекающих в группе.

Как отмечают Д. Мак-Дэвид и Х. Харари⁷², термин «нормы», используемый в групповой динамике, относится к стандартизированным правилам поведения, которые принимаются участниками группы как законные (легитимированные) определения ожидаемых функций группы как системы.

Выполнение нормы обеспечивает функционирование группы как организованного единства, нормы поддерживают ее курс действий в отношении ее общих целей и регулируют различные функции индивидуальных членов группы, при выполнении которых существенны ролевые ожидания.

В некоторых теоретических работах по групповой динамике, например у Картрайта и Зандера⁷³, подчеркивается роль групповых норм в формировании однородности внутри группы. Как регулятивные механизмы многие виды норм обеспечивают однородность функционирования членов группы. Однако другие авторы (в частности, Мак-Дэвид и Харари) подчеркивают, что нормы регулируют также и различия внутри группы. Так, нормы, связанные с ролевыми ожиданиями, определяют различия в индивидуальных функциях членов группы.

В целом в работах по групповой динамике групповые нормы рассматриваются как механизм консервации. Они поддерживают структуру группы, статус ее членов. Функциональную ценность норм в этих исследованиях связывают с их ролью в обеспечении стабильности группы и ее структуры, в поддержании определенного курса действий, направленного на достижение ее целей. Но, как отмечают Мак-Дэвид и Харари, нормы могут вызвать и консервативную ригидность группы, которая может ограничивать возможности последней и нарушать ее деятельность в нестабильных и необычных ситуациях и условиях.

Важнейшим объектом изучения в групповой динамике является различие между формальным присутствием,

⁷² *McDavid J. W., Harari H. Op. cit.*

⁷³ *Cartwright D., Zander A. Group Dynamics: Research and Theory. Evanston, Ill., 1962.*

включенностью в «агрегат» людей и психологическим членством в социальной группе. Основным положением большинства работ по групповой динамике является утверждение, что индивид не является полностью членом группы, пока он психологически не включается в групповую организацию, которая накладывает на его поведение определенные ограничения, пока он не принимает групповые нормы как стандарты, которые управляют его собственным поведением и обеспечивают контекст для его ценностей, отношений, установок и других проявлений его явного поведения. Если он не согласится с предписанными нормами, то он может быть членом группы лишь номинально, но не психологически.

Изучение номинального и психологического членства человека в группе и соответственно групп членства и групп референтных или эталонных, а также механизмов влияния этих групп на поведение человека было начато в 30-х годах, в частности Т. Ньюкомом, в так называемых бенингтонских исследованиях⁷⁴. Он изучал функции референтных психологических групп и их влияние на индивидуальные установки и мнения, которые рассматривались как важные показатели при различении психологического и формального членства в группе. В исследованиях Ньюкома, а затем Мертона и многих других было отмечено не только явление расхождения между группой членства и референтной группой, но и возможность их совпадения в результате нормативного включения индивида в референтную группу.

В настоящее время большинство социальных психологов считают доказанным, что участие в организованной группе является наиболее существенным фактором изменения индивидуальных установок, мнений, отношений, ценностей, демонстрируемого поведения за счет принятия нормативных стандартов данной группы.

Использование факта групповой принадлежности человека, его приверженности определенным представлениям о «подходящем» образе жизни, привычным способам поведения, общения, традициям, мифам (которые члены этой группы принимают, по мнению ряда зарубежных психологов, не в силу объективной необходимости, не потому, что они наиболее адаптированы или адекватны

⁷⁴ *Newcomb T. Personality Research and Explanations. N.-Y., 1943.*

условиям или эффектам, но прежде всего потому, что они являются «собственными» способами поведения) существенно меняет трактовку процессов «усвоения» норм. В процессе усвоения личностью социальных норм некоторые авторы особую роль приписывают так называемым значимым другим лицам. Было неоднократно показано, что человек «усваивает» нормы в ходе социализации и социального научения, ориентируясь на «значимых других», усваивая именно их нормы. Эти «значимые другие» являются «типичными» представителями «группы», к которой он принадлежит или желает принадлежать, т. е. референтной группы.

Изучение поведения индивидов в рамках организованных групп вскрывает многочисленные каналы влияния группы на формы и способы реализации индивидуального поведения. Групповые нормы обеспечивают функционирование ролевой структуры группы, поддерживают ролевое поведение членов группы, их статусы и возможности осуществления различных видов поведения и проявления личности, обусловленные ее ролью и статусом в организованной группе ⁷⁶.

При определенных условиях индивиды, которые достаточно хорошо интегрированы в группу, могут рассчитывать на известную свободу в диапазоне приемлемых вариантов поведения. В целом следование групповым нормам к стандартам может также способствовать вариативности поведения уважаемых в группе лиц (явление описано Э. П. Холландером) ⁷⁶.

«Разрешение» престижным членам группы отклоняться от норм обеспечивает им возможность оказывать влияние на группу, вводить изменения в систему норм. Престижные члены группы, обладающие «идиосинкретическим кредитом», благодаря, например, их прошлым заслугам или эффективному следованию нормам группы в прошлом имеют возможность и видоизменять свое поведение, и осуществлять нововведения в группе и в групповых нормах.

По данным исследователей групповой динамики, цели, которые индивид ставит перед собой, во многом оп-

⁷⁵ *McDavid J. W., Harari H. Op. cit.*

⁷⁶ *Hollander E. P. Conformity status and idiosyncrasy credit.—«Psychol. Rev.», 1958, v. 65, p. 117—127.*

ределяются групповыми нормами. Индивид может использовать групповые нормы для получения информации о престижных целях, о совпадении своих целей и действий с принятыми в группе и оказавшимися эффективными. Групповые нормы несут в себе дополнительную информацию об отношении группы к целям и уровню притязаний ее членов. Иногда люди ставят те или иные цели и намечают свой уровень притязаний просто потому, что желают, чтобы их поведение соответствовало нормам, определяющим уровень притязаний и цели группы, к которой они принадлежат.

Групповые нормы влияют на все виды поведения членов группы. Как показали многочисленные исследования, групповые нормы, выработанные и проявившиеся в ходе групповой дискуссии, могут влиять и на последующее поведение участников дискуссии, хотя они в дальнейшем уже не будут членами такой группы. В этих случаях на принятие норм и преобразование поведения и личностной сферы члена группы оказывают влияние многочисленные дополнительные факторы, например, необходимость открытого, заявленного, публичного принятия решения следовать групповым нормам или их отклонить, убеждение, что заявленные и выработанные в ходе дискуссии или при выборе цели нормы поддерживаются всей группой.

Практически нет таких сфер психической деятельности и личностного мира человека, на которые не влияло бы его членство в той или иной группе. Обычно при обосновании этого положения используются данные работ М. Шерифа, С. Аша и К. Кречфильда, а также их многочисленных последователей по изучению влияния групповых норм на перцептивные и поведенческие реакции человека.

Собственно социальной в экспериментах С. Аша следует считать сформированную у человека не в частном эксперименте, а в процессе его развития норму, диктующую ему обращение к окружающим лицам за необходимой информацией в том случае, когда такая информация не может быть получена им непосредственно.

Аш установил, что влияние группы на индивида проявляется в его стремлении согласовывать свои показания с принятыми в группе нормами и избегать заключений, которые могут рассматриваться как его отход от норм

этой группы. В этом случае, как и при модификации экспериментальной ситуации в исследовании Кречфильда, собственно социальной следует считать ту норму, которая диктует испытуемым необходимость добиваться согласия с людьми, работающими совместно с ними.

Нет оснований считать социальными нормами эталоны показаний, которые вырабатывали испытуемые в «номинальных» (а точнее, фиктивных) группах (в опытах номинальные группы были «подставными»; они включали «конфедератов», сотрудничавших с экспериментатором). Трактовка этих опытов как моделей ситуаций, в которых испытуемые демонстрируют конформное поведение (а именно эта оценка работ Шерифа, Аша, Кречфильда и их многочисленных последователей широко принята в зарубежной и отчасти отечественной социальной психологии), вряд ли полностью обоснована.

Большинство зарубежных авторов соотносят нормативное социальное влияние группы на индивида именно с активизацией побуждений к поиску согласия с другими членами группы⁷⁷. Этот вид мотивации находится в сложной связи с многими другими проявлениями мотивационной сферы личности и, по данным ряда исследований, обусловлен действием многих факторов: личностных мотивов (например, мотивов достижения или аффилиации, привлекательностью группы или ее членов, успехами членов группы, их компетентностью), особенностей группы, даже ее размерами и др. Однако в этих работах не ставится вопрос об объективных основах мотивации согласия, об осознании и личностном отображении членом группы объективной необходимости согласовывать свои поступки, намерения, действия, установки с нормами группы во имя осуществления совместной коллективной деятельности, достижения целей группы, поддержания ее единства.

Мотивация согласия рассматривается фактически как основная цементирующая сила, поддерживающая существование группы и обуславливающая групповое поведение индивидов, но выводится из сугубо субъективных склонностей человека и соотносится в конечном счете лишь с индивидуальными свойствами внушаемости или

⁷⁷ См., в частности: *Ньюком Т.* Исследование согласия.— В кн.: Социология сегодня. Под ред. Р. Мертона и др. М., 1965.

некоторыми внешними характеристиками ситуации и группы. Ограниченность такого подхода зарубежных исследователей к проблеме проявляется в том, что все исследования согласия и мотивации согласия замыкаются прежде всего на проблеме конформного поведения, а не на коллективной групповой деятельности.

Групповые нормы — регуляторы групповой кооперированной деятельности

Основное назначение и действие групповых норм, равно как и мотивации согласия личности с нормами группы, состоит, на наш взгляд, в обеспечении существования и функционирования группы как организованного целого, а ее участников как членов ее организационной системы, занимающих определенное положение в функциональной, операциональной и статусной структурах группы, в обеспечении деятельности группы как единого целого и совместной, кооперированной, коллективной деятельности ее участников.

Для понимания и изучения психологических механизмов действия групповых норм важнейшим является факт осуществления участниками группы совместной кооперированной деятельности, направленной на достижение целей, необходимых и группе как целому, и ее участникам. Именно изучение механизмов и закономерностей кооперированной коллективной деятельности, осуществляемой участниками группы, и перестройки личности в процессе такой деятельности позволит выявить подлинные механизмы действия норм группы.

Процессы группового взаимодействия и поведения личности как члена группы обеспечивают структурную перестройку личностной сферы за счет включения личности в нормативно заданные, нормативно регулируемые и оцениваемые разнообразные виды групповой деятельности, во внутригрупповые и внегрупповые взаимоотношения⁷⁸.

В рамках группы на деятельность индивида накладывается ряд ограничений. Она осуществляется в заданной

⁷⁸ Эти процессы становятся объектом эмпирического изучения и диагностирования (см., например: К вопросу о диагностике личности в группе. М., 1973; Личность и деятельность. Тезисы докладов V Всесоюзного съезда Общества психологов СССР. М., 1977).

форме, протекает в определенном русле, подчиняется воздействию всех групповых факторов, должна быть соотнесена, кооперирована с деятельностью других членов группы.

Групповая деятельность не является суммой, набором индивидуальных деятельностей. Включаясь в коллективный «субъект» кооперированной деятельности, индивид осуществляет лишь определенные операции и действия. Но выполнять эти операции в рамках кооперированной деятельности индивид может лишь с помощью тех средств, которыми он располагает, т. е. в форме индивидуального поведения.

Перевод «индивидуального» поведения человека в элементы кооперированной деятельности и осуществляется с помощью групповых норм, «срабатывающих» на уровне «индивидуальных» и личностных образований.

Изучение психологических механизмов функционирования групповых норм должно осуществляться по двум направлениям — как анализ механизмов социальной нормативной регуляции индивидуального поведения и как исследование механизмов трансформации индивидуального поведения в элементы кооперированной деятельности членов группы⁷⁹.

Проблемы психологических механизмов деятельности индивида и ее регуляции достаточно тщательно и детально разрабатываются психологами. Однако в общей психологии больше внимания уделяется теориям психофизиологической и психологической регуляции, а психологические механизмы собственно социальной регуляции, регуляции поведения индивида при посредстве выработанных в обществе и группе норм, образцов стереотипов и прочих средств социальной регуляции разработаны недостаточно.

⁷⁹ Особенности групповой деятельности — предмет исследования многих советских социальных психологов. Необходимо особо отметить работы А. В. Петровского, Л. И. Уманского и сотрудников; А. А. Бодалева, Я. Л. Коломинского, Е. С. Кузьмина, Н. Н. Обозова, В. В. Шпалинского и др. См., например: Социально-психологические проблемы формирования личности и учебно-воспитательного коллектива. М., 1975; Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга. Краснодар, 1975; Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.

Важнейшими являются проблемы механизмов формирования модели должного поведения, изучение роли норм как правил, которым человек следует в своей индивидуальной деятельности.

При анализе структуры деятельности индивида норма выступает как эталон, образец, регулирующий психологические механизмы деятельности, как организационно-структурный «параметр», компонент «планов» поведения⁸⁰, как образ, регулирующий процесс деятельности⁸¹.

К таким механизмам относятся подравнивание деятельности к образцу-модели должного, предписанного нормой поведения, сопоставление реального поведения и заданного образца и оценка отклонения, выбор альтернативных вариантов поведения с учетом заданной нормы, выбор самого образца (нормы), сопоставление деятельности и ее результатов с заданными образцами и оценка по эталону, имитация и работа по образцу и др.

Не менее существенны проблемы соотношения нормы и мотивации деятельности, условий перехода нормы в мотив, соотношение нормы и установки, соотнесения цели деятельности и социальных санкций, связанных с нормами как «подкреплений», определение соотношения правил и способов деятельности с выбранной целью, упреждающее подкрепление и антиципация (предвосхищение) результата и его оценки на основе нормы и др. Заслуживает особого внимания попытка В. А. Ядова⁸² создать единую модель регуляции поведения личности, в которой были бы интегрированы психофизиологические, психологические и социально-психологические уровни регуляции.

Индивидуальная деятельность также регулируется групповыми нормами. Так, участник группы использует групповые нормы для получения необходимой информации, достижения личных целей, соответствующих приня-

⁸⁰ См., например: *Миллер Д., Галантер Ю., Прибрам К.* Планы и структура поведения. М., 1965.

⁸¹ Роль психологического и оперативного образа в регуляции деятельности детально изучается рядом советских психологов (см., в частности: Психологические вопросы регуляции деятельности. М., 1973; Личность и деятельность. М., 1977; Вероятностное прогнозирование в деятельности человека. М., 1977; Деятельность и психические процессы. М., 1977; и др.).

⁸² *Ядов В. А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности.— В кн.: *Методологические проблемы социальной психологии.* М., 1975.

тым и престижным в группе нормам, и т. д. Однако изучение механизмов регуляции индивидуальной деятельности не вскрывает закономерностей коллективной деятельности, осуществляемой группой в целом, и закономерностей включения в нее индивида. Эта проблема качественно отлична и от традиционных психологических исследований деятельности, и от социально-психологических исследований коллективов. Фактически в такой интерпретации проблемы коллективной кооперированной деятельности только начинают разрабатываться⁸³.

В советской психологии вопросам кооперированной совместной деятельности членов групп начинает уделяться большое внимание⁸⁴. Включение личности в коллективную групповую деятельность является условием не только мотивационной⁸⁵ перестройки, но и преобразования всей психической, личностной сферы человека в условиях группового взаимодействия и под влиянием групповых норм, действенность, функциональность, значимость которых и проявляется в этом процессе и в его результатах.

Воздействие на поведение человека через сознание путем прямого представления нормы в словесной формулировке — один из важнейших каналов социализации индивида и приобретения им знаний о нормах. Но и этот путь, и структурные преобразования внутреннего мира личности под влиянием социальных норм наиболее эффективны при организации условий, форм, способов поведения, в которых заложены, объективированы необходимые социальные нормы.

Таковыми являются обычно как стихийно складывающиеся, так и возникающие в ходе направленной деятельности группы по выработке норм условия общения. В этих

⁸³ Постановка этой проблемы в рамках социально-психологических исследований кооперации и кооперативной деятельности за рубежом фактически не связана с разработкой проблем социальной нормативной регуляции.

⁸⁴ Отметим в частности, работы А. В. Петровского и В. А. Петровского, А. У. Хараша, Н. Н. Обозова, В. В. Шпалинского и др.; см. также: Социально-психологические проблемы руководства и управления коллективами. М., 1974; Проблемы индустриальной психологии. Ярославль, 1972; и др.

⁸⁵ См., в частности: *Хвостов Б. В.* О социально-психологических аспектах нравственной регуляции деятельности в условиях взаимодействия.— В кн.: Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976,

условиях происходит структурное «отображение» социальных норм в сознании человека и его мотивационной системе.

С учетом социальных норм могут быть специально организованы конкретные условия деятельности и поведения человека, а в более широком контексте — группа как социальная микросреда и вся социальная среда. В этой связи возникает вопрос о «непосредственной» практике.

Действительно, формирование личности и ее субъективного мира протекает в конкретных, частных условиях, в непосредственном окружении и главным образом в прямом контакте и взаимоотношениях с членами реальных групп — референтных и групп членства. Но попытки некоторых психологов вывести все качества личности, ее ценностную ориентацию, убеждения, идеалы, нравственность из опыта непосредственного взаимодействия человека с ближайшим своим окружением, с людьми, с которыми он непосредственно контактирует в той или иной первичной малой группе без учета характера общественной практики, в которой осуществляется это взаимодействие и которая обуславливает формирование этих аспектов субъективного мира личности, является либо **наивностью** либо вульгаризаторством.

В некоторых работах отечественных психологов встречаются попытки свести, скажем, процесс формирования нравственных качеств личности или ее общественных мотивов — коллективизма, альтруизма и других к процессам, обусловленным конкретной предметно-объектной деятельностью, к задачам или особенностям конкретного коллектива⁸⁶. При этом обычно опускается то обстоятельство, что коллектив, даже школьный, его задачи и цели, условия его деятельности, социальные оценки поведения его членов задаются общей природой общества, в котором он существует и формируется. Подобные попытки приводят психологов либо к имплицитному допущению существования изначальной, природной «коллективности», «нравственности», «альтруистичности» человека (т. е. вместо декларируемого онтогенетического подхода осуществляется сведение этих социальных свойств и образований к природным или генетическим), либо

⁸⁶ См., например: Изучение мотивации поведения детей и подростков. М., 1972.

к принижению этих категорий, к примитивной и утилитарной их трактовке применительно к конкретным условиям эксперимента. Потом начинаются гадания — откуда у детей берутся «коллективистские» мотивы! Как будто дети черпают знания и оценки лишь в тахистоскопических опытах психологов или действительно «коллективистскими» являются мотивы, по которым дети стремятся поступать так, чтобы заслужить положительную оценку экспериментатора. То, что дети с раннего возраста усваивают общие социальные нормы нашего общества, а не только нормы, бытующие в классе, ускользает от внимания психологов в подобных экспериментах.

Несомненно, что организация непосредственной практики, характер задач и деятельности, в которую вовлекаются члены коллектива, средства и процессы регуляции деятельности и социальные оценки поведения личности и группы могут либо способствовать, либо мешать формированию высших нравственных качеств и свойств личности, направлять их в нужное для общества русло или извращать и трансформировать неприемлемым для общества образом.

Сама по себе непосредственная практика групповой деятельности не может породить необходимые обществу качества личности⁸⁷.

Для формирования высших социальных регуляторов поведения личности необходима широкая общественная практика, практика общественных отношений.

⁸⁷ В зарубежной литературе создано немало образов уродливого и асоциального формирования личности в группах, искусственно изолированных, «извлеченных» из общества, отгороженных от больших социальных проблем, оторванных от нравственных традиций поколений, замкнутых в маленьком мирке внутрigrупповых отношений. В повести К. Голдинга «Повелитель мух» (опубликованной в русском переводе в журнале «Вокруг света») была прослежена логика развития норм группы детей, оказавшихся на острове без взрослых. Результатом такого мыслительного эксперимента явилось логическое заключение автора, что в подобной группе может сформироваться лишь культ насилия, грубой, животной силы, безнравственности и бесчеловечности. Образ, созданный Голдингом, стал символом асоциальных групп современного капиталистического общества.

МОДЕЛИ И МЕТОДЫ
ЭМПИРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ
ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ
НОРМАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Разработка и апробация моделей и методов эмпирического изучения социально-психологических закономерностей нормативного поведения и методов сбора информации о действующих в обществе и социальных группах системах норм — важнейшие методологические задачи социальной психологии в этой области.

Именно социальная психология совместно с конкретной социологией призваны вооружить общество знанием о системах социальных норм и о специальных механизмах их действия на уровне личности и группы, данными об условиях усвоения и реализации человеком необходимых обществу социальных норм, знанием об особенностях и формах нормативного поведения. Такие данные могут быть получены лишь путем сочетания теоретических и эмпирических исследований.

Проблема методической вооруженности и оснащенности эмпирических исследований социальных норм и нормативного поведения сложна и многопланова. В литературе существует крайне ограниченное число работ по конкретно-социологическому и социально-психологическому изучению норм и нормативного поведения с помощью адекватных точных методов эмпирического исследования. В данной главе мы рассмотрим основные проблемы, приемы и методы изучения социальных норм, социальных механизмов их действия и закономерностей нормативного поведения, а также приведем данные о разработке собственной модели эмпирического исследования норм и нормативного поведения в полевых условиях.

1. ИСТОЧНИКИ И ХАРАКТЕР ИНФОРМАЦИИ О СОЦИАЛЬНЫХ НОРМАХ И МЕХАНИЗМАХ ИХ ДЕЙСТВИЯ

Социальные нормы вырабатываются для выполнения многообразных и сложных социальных функций и в отношении всего общества, и в отношении его членов. Это ставит перед социологией и социальной психологией вопрос о том, как именно социальные нормы выполняют эти функции, т. е. вопрос о механизмах их действия.

Вопрос о социальных механизмах действия норм — это вопрос о том, с помощью каких социальных (а в особых случаях и социально-психологических) процессов и под влиянием каких социальных (и социально-психологических) факторов осуществляются функции и действие социальных норм в обществе, общностях, социальных группах.

Естественно, что социология и социальная психология имеют дело с различными сферами действия социальных норм, изучают различные закономерности и механизмы их функционирования. Эти сферы сложно соотнесены друг с другом, и эти дисциплины взаимодополняют друг друга при выявлении и анализе механизмов действия социальных норм.

Для решения вопроса о социальных и социально-психологических механизмах действия норм необходима обширная информация как о самих нормах и системах норм, так и о социальных закономерностях их функционирования в обществе и общности. Эта информация должна быть получена в конкретно-социологических и примыкающих к ним в этой области социально-психологических исследованиях.

Специфика эмпирических исследований социальных норм и нормативного поведения¹

При проведении конкретных социологических и социально-психологических исследований с целью сбора информации о социальных нормах и изучения механизмов их действия особое значение имеет выбор источника ин-

¹ При разработке этого раздела мы использовали многочисленные работы советских социологов и социальных психологов по методам, методикам и процедурам конкретно-социологических исследова-

формации о нормах и так называемых эмпирических референтов социальных норм, т. е. тех эмпирически выявляемых и могущих быть эмпирически обследованных явлений, процессов и показателей, которые в эмпирической сфере релевантны и изоморфны социальным нормам.

Социологическое исследование может иметь дело с тремя формами проявления норм и их действия или тремя видами источников информации о нормах: 1) вербальными отчетами-данными, получаемыми с помощью опросов различных групп и выборок лиц; 2) наблюдаемым, «открытым» поведением и 3) формализованными, экстерниоризированными отображениями социальных норм (например, отображением их в документах и т. д.).

Весьма существенно, что в социологических исследованиях имплицитно или эксплицитно (что связано с подходом к нормам как независимым переменным исследования) анализу подлежат лишь определенный тип и характер соотношения норм и поведения. Обычно социологи говорят либо о принятии, подчинении, следовании нормам, т. е. в основном о конформном отношении к нормам, либо об отклонении от них. Именно по этим параметрам обычно и собирается основная информация о действии норм. Соответственно вопрос о нормотворчестве и вся область процессов и отношений, связанная с этой проблемой, обычно остаются за пределами большинства социологических исследований собственно социальных норм, хотя в других разделах социологии, например в социологии организаций, эта область оказывается одной из центральных.

дований, опубликованным, в частности, в сборниках «Социальные исследования» (вып. 2, 3, 5, 6, 7. М., 1968—1971), в ежеквартальнике «Социологические исследования» (1976—1977), в «Бюллетене Советской социологической ассоциации» (М., 1968—1971), в «Рабочей книге социолога» (М., 1976), в журн. «Вопросы психологии» за 1971—1977 гг., а также в кн.: *Здравомыслов А. Г. Методика и процедура социологических исследований*. М., 1969; *Ядов В. А. Социологическое исследование. Методология, программа, методы*. М., 1972; *он же. Процесс социального исследования*. М., 1975; и др. Необходимо отметить большую работу, проведенную в области социологии организаций в связи с разработкой сбора информации о нормах советскими социологами: Н. И. Лапиным, Н. Ф. Наумовой, Э. М. Коржевой, А. И. Пригожиным, А. Н. Тихоновым и др.

Вместо вопроса о нормотворчестве и субъекте нормотворчества в социологических исследованиях обычно фигурирует понятие носителя норм. При этом в качестве «носителя» могут выступать и индивиды, «интернализовавшие» нормы, и группы, выработавшие их. «Носители» и используются в конкретно-социологических исследованиях как источники информации о нормах.

Информация может быть «почерпнута» либо из «сознания» «носителей норм» (путем применения социологических методов: анкетирования, опроса, интервью, беседы, экспертных оценок и др.), либо из анализа открытого, демонстрируемого их поведения путем применения специальных методов анализа, в частности с помощью системы критериев оценки поведения, выработанных на основании эмпирических референтов нормативного поведения — системы показателей, по которым оценивается и учитывается нормативный характер поведения. Разработка критериев, эмпирических референтов, показателей нормативного поведения, следования норме или отклонения от нее — чрезвычайно сложное дело. Подобные критерии и показатели должны удовлетворять ряду условий и требований, например они должны быть по возможности объективными, фиксируемыми, однозначными и т. д.

Введение категории носителей норм связано с принятым в социологии положением о том, что нормы могут существовать либо в экстерниоризированной форме, отделенной от «носителей», — в культуре, нормативно-ценностных системах, так или иначе фиксированных в объективной форме, документах и т. д., либо в сознании и поведении субъектов нормативной деятельности. Поэтому в качестве основных объектов для сбора информации используются документы (в эту категорию могут быть включены любые формы фиксированных норм), сознание и поведение членов сообществ.

Наиболее распространены исследования так называемого обыденного сознания, из которого с помощью специальных методов извлекается информация, проходящая затем специальную обработку. При использовании вербальных ответов в качестве источников информации о нормах опять остро встает вопрос об эмпирических референтах норм, о показателях и критериях оценки сообщаемых мнений, положений, высказываний как содержащих информацию о нормах, как сообщениях о нормах.

Если как «носитель норм» рассматривается та или иная группа или общность, встает вопрос о репрезентативной выборке — выборке опрашиваемых лиц, которые действительно могут дать информацию о нормах данной группы. В качестве репрезентативной выборки может быть использована статистическая репрезентативная выборка, составляемая на основе тех или иных объективных показателей и характеристик группы и общности (например, демографических, экономических, профессиональных и других характеристик).

При изучении социальных норм следует иметь в виду, что статистически репрезентативная выборка может не быть репрезентативной в плане представления ею группы именно как «носителя» тех или иных норм. В связи с этим обстоятельством в социологии вводится понятие идентифицированного ядра группы — лиц, полностью идентифицировавших себя с данной группой именно по параметру используемых в ней социальных норм. Это лица, полностью принимающие, интернализовавшие, применяющие, отстаивающие нормы данной группы. Но может случиться и так, что «идентифицированное ядро» фактически «узурпирует» роль всей группы как «носителя норм» и за нормы группы выдает и насаждает нормы этого «ядра».

В качестве репрезентативной выборки могут быть взяты и лица, занимающие в данной группе, объединении, общности определенное положение, статус. В этом случае имплицитно предполагается, что подобные лица (например, администрация предприятия) более осведомлены о некоторых специфичных (с которыми данная группа лиц имеет дело, например, по роду занятий) нормах данной группы, объединения, общности (в нашем случае — о нормах производственного коллектива предприятия). К такой выборке фактически примыкает выборка экспертов — выделение группы лиц, которые, как предполагают исследователи, на основании некоторых свойств и своего статуса в группе могут обладать ценной информацией о нормах (например, могут оценить их функциональность, применение, характеристики, эффективность следования им и т. д.). Очевидно, что для различных норм и различных групп репрезентативной должна быть признана различная выборка.

Сбор информации о нормах при опросе представителей репрезентативной выборки может быть проведен по выделенным показателям — эмпирическим референтам, о чем речь пойдет дальше. Информация может быть получена и при прямом опросе, и с помощью прожективных методик. В последнем случае возникает возможность создания экспериментальной ситуации — варьирования прожективных задач, использования переменных и ситуационных факторов. При обследовании различных «носителей норм» и различных выборок информация (опять-таки и в прямой, и в прожективной формах) может быть получена и относительно норм, которые, по мнению опрашиваемых, применимы к ним самим, и в отношении норм, применимых к другим лицам и группам.

Поскольку вопрос о нормотворчестве в большинстве социологических работ фактически не исследуется, существенна информация о так называемой задающей норме группы. В принципе эта группа может не совпадать с группой — «носителем норм».

Группа лиц, полностью отождествляющая свои цели, ценности и установки с групповым, или, как ее обозначают, «идентификационным», ядром группы может выступить в роли такой задающей нормы группы. Это не значит, что «идентификационное ядро» представляет всю группу или адекватно представляет подлинные цели и ценности группы. Поэтому при решении подобных вопросов существенна социальная информация о природе, характере, целях данной группы, о характере вырабатываемых, точнее задаваемых ею, норм.

Для большинства социологических исследований характерны анализ норм и сбор о них информации в русле изучения других, смежных, проблем, процессов и явлений, прежде всего изучения ценностей, ценностных ориентаций, ролевого поведения, ролевых ожиданий, коллективных оценок, мнений группы и т. д.

Определение норм только по одному признаку — «что должно быть» и «как должны действовать» люди в тех или иных ситуациях — широко распространено в социологии. Однако, по справедливому замечанию Джиббса², такое определение основано на допущении, что все

² *Gibbs J.* Norms: the problem of definition and classification. — «Amer. J. of Soc.», 1965, v. 70, p. 586—594.

люди, по крайней мере большинство членов популяции или обследуемой общности, руководствуются в своих представлениях о «должном» общей, «разделяемой» ценностной ориентацией.

Джиббс специально не анализирует это допущение. Он лишь указывает причины, почему «коллективные оценки» не могут быть использованы в качестве единственного критерия выделения норм. Главной причиной он считает то, что не все типы норм основаны на коллективных оценках. Правила, которые вводятся «внешним авторитетом» и накладываются на поведение членов той или иной группы, могут не быть основаны на «коллективном» чувстве и представлении о должном, но это не означает, что такие правила не выступают в качестве норм и не выполняют функции социальных норм. Кроме того, некоторые виды норм не связаны с жесткими и непререкаемыми представлениями о должном. Ряд норм выполняют нормативные функции в отношении поведения и диктуют образцы поведения, которые не подлежат деонтической оценке и в глазах членов общности «деонтически индифферентны». Примерами таких норм ряд зарубежных авторов считают нормы, регулирующие «коллективные привычки».

Мы полагаем, что более существенно то обстоятельство, что представления людей о «должном» чрезвычайно переменчивы. Не все члены данной популяции или общности «разделяют ценностную ориентацию», на основании которой формируются представления о «должном».

Чтобы использовать этот критерий — «представления о должном», необходимы данные специальных исследований. Марксистско-ленинская социология исходит из положения о том, что деонтические представления членов общества и общности сами зависят от многих факторов и в первую очередь от факторов социально-экономических, идеологических, политических, от положения членов общности в системе общественных отношений, их статуса в социальной структуре, членства в различных социальных и малых (контактных) группах, интересов, целей, устремлений, привычек и нравов и др. Не менее существенны и субъективные факторы — личностные, факторы социального и профессионального опыта, этнические и возрастные характеристики и др.

«Представления о должном» нельзя использовать исключительно как независимые переменные исследования. Они сами должны быть подвергнуты изучению как переменные, зависящие от целого ряда факторов и системы факторов. Только данные о том, какие факторы оказывают влияние на формирование тех или иных деонтических представлений, какие деонтические представления являются типичными или разделяемыми членами той или иной социальной группы, или, более того, выделение самой группы на основе единства и общности деонтических представлений обеспечивают возможность использования оценки должного в качестве эмпирических критериев социальных норм. Недифференцированный подход к представлениям о должном всех членов общности и методологически, и идеологически, и научно не обоснован.

Эти же положения справедливы и в отношении другой категории, вводимой Джиббсом³ для сбора информации о социальных нормах, — категории коллективных ожиданий.

Под «коллективными ожиданиями» Джиббс понимает представления членов общности относительно того, как «некто» (который, мы считаем, также должен быть социально определен) должен вести себя, предсказывая относительно того, как будут вести себя люди в той или иной ситуации. Джиббс связывает относительность этого критерия как с неопределенностью допущения о том, как тот или иной индивид будет действительно вести себя (прогностическая неопределенность), так и с диапазоном допустимых отклонений от нормы.

Категории «коллективные ожидания» и вообще «ожидания» так же, как и критерий специальных реакций — санкций, чрезвычайно часто используются в социологии при определении и выявлении норм. В этом плане большой интерес представляет работа Р. Дарендорфа⁴.

При разработке теории ролей и концепции «*homo sociologicus*» — модели человека в социологии — Дарендорф часто привлекает категории норм и «ожиданий». Вообще для зарубежной социологии, особенно после появления основных работ Т. Парсонса, сама категория «социальных норм» оказывается тесно связана с катего-

³ *Gibbs J. Norms...*

⁴ *Darendorf R. «Home Sociologicus». Köln und Opladen, 1960.*

рией «ролевых ожиданий». Дарендорф работает в основном в этом традиционном русле, но проводит в отличие от многих других исследователей подробный анализ этих двух категорий.

В основе концепции Дарендорфа лежит фактическое сближение, если не уподобление, «регулярного поведения» с поведением «ожидаемым». Одним из основных видов нормативного поведения является, несомненно, поведение правовое. По Дарендорфу, это предписанное фиксированным законом поведение членов общества. В правовой системе индивид функционирует как носитель определенных позиций. Правовая система рассматривается Дарендорфом как «агрегат санкций», с помощью которых общество гарантирует сохранение обязательных ролевых ожиданий. Эти обязательные и должные ожидания являются, по Дарендорфу, «ядром роли». В основе управления социальным поведением лежит, таким образом, механизм «обязательного ожидания».

Не проводя особых различий между правовыми нормативными системами как установленными и поддерживаемыми государством и специальными органами — проводниками воли господствующего класса, Дарендорф считает возможным выделить «должное» и «обязательное» ожидания, которые наряду с правовыми нормативными системами определяются и другими институциональными нормативными системами, существующими в обществе, хотя, подчеркнем, различие между правовыми и прочими институциональными системами в обществе крайне существенно.

Наряду с «обязательным» и «должным» ожиданием Дарендорф вводит категорию «возможные ожидания». Различие между этими тремя видами «ожиданий» связано с характером санкций, применяемых при нарушении членами общности того или иного вида ожиданий, и сферой применения, действия таких «ожиданий». Набор ожиданий и определяет роль, ролевой аспект поведения. Категория нормы возникает в связи с определением представлений носителей ролевых позиций о тех или иных ожиданиях, связанных с их ролевым поведением.

Эти теоретические выкладки важны в том плане, что на их основании и в связи с ними Дарендорф выдвигает ряд положений о методологии и методах определения и выявления норм.

Дарендорф с самого начала отвергает сложившуюся в западной социологии практику установления норм путем так называемых репрезентативных опросов мнений. Он предполагает, что при подобных опросах некоторые группы, прежде всего «власть имущие» — парламентарии, члены правительства и другие, будут выступать как «общество». Его принципиальная установка, родившаяся на основе данных и концепций прежде всего Р. Мертона, сводится к требованию установления связи между нормами тех или иных социальных групп и ролевыми ожиданиями, соотносимыми с определенными ролевыми позициями.

Основным принципиальным положением Дарендорфа является утверждение, что нормы и санкции, задаваемые группой и влияющие на поведение ее членов в предписанных им ролях, не зависят от мнений этих членов.

Дарендорф подчеркивает, что опросы относительно норм могут иметь смысл только для установления предписаний и санкций, которые фактически ценятся в этих группах. В свою очередь для определения ролевых ожиданий и санкций надо найти принятые в группе нормы и санкции, которые относятся к локализованным в данной группе позициям и ролям.

В работе Дарендорфа «ролевые ожидания» и «нормы» постоянно меняются местами как зависимые и независимые переменные. То нормы определяются через ролевые ожидания, то ролевые ожидания можно определить, лишь отыскав нормы данной группы в отношении имеющих в ней ролевых позиций. Особая путаница возникает при определении «возможных» ролевых ожиданий. В отношении этих ожиданий, по Дарендорфу, «мнения» и их «согласованность» — ложные источники информации. Опираясь, считает он, можно лишь на установленные в группе нормы, привычки, прецеденты и пр.

Разумеется, Дарендорф полностью не исключает использования мнений как источника информации и о «возможных» ожиданиях, и о нормах. Но он предлагает использовать их лишь в качестве зависимых переменных и соответственно проводить исследования формирования самих этих мнений и их согласования.

Несмотря на противоречивость основных положений Дарендорфа, некоторые из них имеют все же важное в методическом отношении значение. Так, он отмечает, что

нормы, которые не поддерживаются большинством членов группы, покоятся на шатком основании. Если норма кажется непрактичной, она, по мнению Дарендорфа, должна быть изменена, так как она не будет иметь «принудительного» характера (т. е., по его терминологии, перейдет из разряда должных в разряд возможных). Чрезвычайно существенно, на наш взгляд, положение Дарендорфа о том, что измерение и сопоставление норм, заданных группой (и добытых, отметим мы, пока неизвестно каким путем), и мнений опрошенных членов группы дают информацию не столько о значимости норм, сколько об их «законности», т. е. о представлении членов группы об их правомерности и действительности.

Дарендорф призывает четко различать в качестве объектов исследования и соответственно в качестве источников информации (1) фиксированные нормы, которые даны носителю той или иной ролевой позиции как «ролевые ожидания» (и прежде всего, очевидно, как «обязательные» и «должные» ролевые ожидания, т. е. во многом фиксированные и институционализированные), (2) мнение членов группы об этих нормах (эта информация относится к характеру «законности» норм и тенденции их изменения), (3) фактическое поведение членов группы (очевидно, добавим мы, также включающее в каком-то виде нормы), в целом оцениваемое обществом на основании конгломерата более или менее обязательных, более или менее частных, партикулярных норм.

К сожалению, все приведенные положения остаются теоретическими выкладками, и ни сам Дарендорф, ни многие другие авторы, основывающиеся на сходных теоретических положениях, не разрабатывают специальных методик определения и сбора информации о социальных нормах.

Как показал ряд конкретно-социологических и социально-юридических исследований, в некоторых случаях выявление принятой и действующей нормы оказывается возможным лишь при анализе фактов ее нарушения⁵.

Оставляя в стороне обсуждение вопроса о том, что возможен широкий круг закономерностей, которые могут быть выявлены только при нарушении норм, следует

⁵ См., в частности: Проблемы социологии права, вып. 1. Вильнюс, 1970.

признать, что предлагаемый авторами подобных исследований способ выявления норм путем регистрации их нарушений или отклонений от них в ряде случаев, прежде всего при выявлении латентных норм, является не только действенным, но и единственно возможным. Но использование этого способа возможно лишь при разработке специальных приемов регистрации фактов нарушения нормы и анализа этих фактов.

Вопрос о допустимости тех или иных отклонений и их диапазоне постоянно обсуждается социологами в связи с проблемой определения и выявления норм. Некоторые авторы прямо отмечают, что обсуждение этой проблемы свелось в западной социологии к глобальному вопросу — какие противоречия и какой характер отклонений и «разброда» может выдержать общество, чтобы не распасться⁶. В эмпирическом плане эта проблема определяется и как проблема характера, типа и степени отклонения от заданного образца, возможного и допустимого до момента, пока заданный стандарт не перестает быть нормой.

В социологических исследованиях также широко используются выработанные в антропологии и при сравнительном изучении различных культур описательные приемы сбора информации о действующих в той или иной общности или социальной группе нормах⁷.

Арсенал методик здесь разнообразен. Существуют многочисленные культурантропологические и этнографические исследования и особенно этно-социологические исследования, в которых используются и анализ документов, и опрос, и регистрация высказываний членов общности, и многие другие методы.

В этом цикле работ особый интерес представляют исследования, связанные с использованием различных методик наблюдения, как непосредственного, так и опосредованного, для сбора информации о нормах, принятых в той или иной общности. Для получения необходимой информации используется специальный прием, обеспечивающий получение данных, сообщаемых так называемыми информантами — лицами, либо специально обученными и выделенными для сбора такой информации, либо зани-

⁶ *McDavid J. W., Harari H. Social Psychology. N.-Y., 1968.*

⁷ *Psychological Anthropology. F. L. K. Hsu (Ed.), Homewood, Ill., 1961.*

мающими особо значимые для данного сообщества или общности статусы и соответственно обладающие специальной информацией о социальных нормах, принятых и используемых в этой общности. Такими лицами — «информантами» — могут быть и специально включенные в ситуацию участники исследования. Метод использования «информантов» близок методу использования экспертов.

Аналогичные приемы были разработаны и социальными психологами. В цикле полевых исследований Д. Т. Кемпбелла, предпринятых им совместно с Р. А. Левайном, по проблемам сравнительно-культурного изучения явлений этноцентризма⁸ был проведен сбор данных о нормах и правилах, лежащих в основе межгрупповых отношений, межгрупповых конфликтов, межгрупповой кооперации, межгруппового взаимодействия и обмена, социальной дистанции, стереотипов, межгрупповой неприемлемости, связанных со спецификой социальной структуры групп, методов воспитания членов групп и др. Авторы разработали детальную методику сбора информации в полевых условиях при изучении «внутригрупповых» и «внегрупповых» процессов и образований. Они уделили особое внимание вопросам выбора «информантов» и работы с ними, в частности методике подбора «информантов» по их включенности в исследуемую общность, возрасту, полу, роли и статусу в данной общности, а также методикам выбора «интерпретаторов» показаний «информантов». Нормы могут быть реконструированы на основе анализа данных «информантов» и «интерпретаторов». «Информанты» и «интерпретаторы» использовались в указанном исследовании для сбора обширной информации, в том числе о нормах взаимоотношений внутри группы и отношений членов данной группы к внешним группам, об оценках различных аспектов жизни данной общины, оценках особенностей внешних групп, предпочтений «своей» или «внешней» группы и ее участников и т. д. Однако при сборе и обработке подобной информации вопрос о реконструкции норм на основе полученных данных (как и при использовании прочих методов сбора информации) остается самым сложным в методическом отношении.

⁸ *Campbell D. T., LeVine R. A. Field-manual anthropology.* — In: *A handbook of method in cultural anthropology.* R. Naroll, R. Cohen (Eds). N.-Y., 1970, p. 366—387.

При изучении систем норм для сбора информации привлекается метод анализа документов. Социальная документалистика как один из вспомогательных разделов социологии только зарождается. Ее цель — определение документальных материалов, содержащих ту или иную социальную информацию, разработка методов извлечения этой информации. Документами, содержащими сведения о социальных нормах, являются, например, кодексы, своды правил, уставы, формализованные установления, регламентации и др. В них объективируются и реализуются в основном системы институционализированных норм особых социальных образований и объединений. Типичные примеры — это своды, уставы, кодексы, системы правил и уложений разнообразных социальных организаций. Анализ социологической информации, извлекаемой из документов, и информации относительно экстерииоризированных систем норм может быть осуществлен в основном с помощью различных модификаций метода контент-анализа.

Один из наиболее распространенных методов сбора информации о социальных нормах — метод экспертных опросов. Однако при буквальном использовании данных, полученных экспертами, мы скорее имеем дело с информацией о коллективно-экспертных ожиданиях, чем о самих нормах. Для определения степени распространенности, принятия, укорененности норм, степени согласия с ними и другой социологической и социально-психологической специфики их действия возможно применение различных шкальных методик.

В целом следует сказать, что сбор обширной и сложной информации, необходимой при изучении социальных норм и механизмов их действия, представляет большие трудности и теоретического, и методологического, и методического, и организационного (в плане разработки и осуществления полевых, панельных, конкретных исследований) порядка.

**Модель эмпирического изучения социальных норм
производственной организации и механизмов их действия ⁹**

Производственные организации как специфический вид социальной организации — объединения людей для совместной кооперированной деятельности в целях достижения особых целей, отвечающих той или иной общественной потребности, характеризуются сложными системами социальных норм. Нормативная регуляция поведения — важнейшая черта поведения людей в рамках любой социальной организации, в том числе и производственной. При изучении специфики социальной производственной организации нами были разработаны программа и модель изучения различных систем социальных норм производственной организации и любой социальной организации, а также модель изучения важнейших, с нашей точки зрения, социальных и некоторых социально-психологических механизмов действия норм.

Для раскрытия социальных механизмов действия социальных норм необходима информация: 1) о содержании норм и систем норм, действующих в данном обществе и в данной организации; 2) о специфике и причинах формирования и использования в данном обществе и в данной организации тех или иных социальных норм; 3) о распространенности тех или иных норм; 4) о характере социальных факторов, обуславливающих то, что в данном обществе и в данной организации действуют определенные нормы; 5) о характере и содержании конкретных социальных функций, осуществляемых теми или иными нормами и их системами; 6) о процессе формирования норм — нормотворчестве, о том, какие нормы и какими группами «задаются» и кому они адресуются, почему и с какой целью «задаются» именно эти по содержанию и функциям определенные нормы; 7) о том, кто является носителем тех или иных норм; 8) об основных социальных оценках, которые могут быть даны тем или

⁹ Создание этой модели явилось результатом работы автора в качестве участника авторского коллектива по исследовательскому проекту «Социальная организация промышленного предприятия и пути повышения ее эффективности», осуществлявшемуся в 1969—1972 гг. в Институте конкретных социологических исследований АН СССР под общим руководством Г. В. Осипова и Н. И. Лапина.

иным нормам и их системе; 9) о ряде специальных факторов, облегчающих или, наоборот, затрудняющих действие тех или иных норм, их распространенность, принятие, реализацию и др.

При разработке общей темы мы исходили из предположения, что производственная организация и ее технические факторы с достаточной степенью жесткости задают параметры некоторых систем социальных норм, поскольку эти социальные нормы должны способствовать обслуживанию объективной социотехнической системы производственной организации. Но вместе с тем мы считали, что, во-первых, существует определенная степень свободы при формировании систем социальных норм в рамках даже производственной социальной организации, и в разных социальных условиях при действии различных социальных факторов в различных производственных организациях со сходными социотехническими системами могут быть сформированы различные системы социальных норм; во-вторых, социальные условия и требования общества и членов производственных социальных организаций могут выступать как нормативные требования к преобразованию производственных организаций в направлении их большей социальной эффективности и созданию в них условий для формирования более эффективных и социально желательных систем социальных норм. В этом случае мы предполагали, что могут быть спроектированы и реально созданы социальные производственные организации, обеспечивающие более прогрессивные, более эффективные и социально более необходимые для нашего общества системы социальных норм. Мы предполагали также, что в рамках этих производственных организаций могут быть созданы условия, при которых носители более прогрессивных, более социально значимых систем социальных норм могут находиться в более благоприятных условиях и тем самым способствовать распространению, принятию, реализации остальными членами производственной организации своих систем норм и нормативных требований.

Нами были разработаны модели оптимальных, по ряду параметров подобных производственных организаций (в том числе по технико-технологическим параметрам, параметрам управления, сочетания технико-технологической системы производственного предприятия с си-

стеймой обслуживающего персонала, распределения функций между участниками производственной организации и др.) и поставлен вопрос о проявлении в этих условиях систем социальных норм производственной организации, о взаимной зависимости оптимальной формы производственной организации и социально желательной системы социальных норм данной организации.

В данном разделе мы опишем общую схему сбора информации о социальных нормах и нормативном поведении членов производственной социальной организации, необходимой для реализации указанной нами программы и цели исследований. Эта схема представляется нам достаточно общей и применимой при изучении систем социальных норм и некоторых социальных и социально-психологических механизмов действия норм в рамках различного рода социальных организаций и отчасти общностей и групп, прежде всего групп организованных.

Как уже отмечалось, в социологии организаций нормативная система организации рассматривается в первую очередь как объективированная в сводах, правилах, кодексах и прочих формализованных установлениях, имеющая статус институциональной системы норм, регулирующая формы кооперированной деятельности, отношения должностования и зависимости, власти и авторитета в организации, взаимодействия ее участников, их права, обязанности, функции и т. д.

В организации стандартами, шаблонами, правилами, «императивами» оказываются объективно «заданные» формой и назначением организации нормы и правила, на основе которых в процессе взаимодействий между людьми формируются социальные нормы. Нормы выступают также как обоснования того, почему надо делать *это* и почему именно *так*. Объективной основой норм оказываются виды деятельности, отношений взаимодействия людей в рамках организации, реальные должные отношения, которые нормируются и эталонизируются.

Вырабатываемые на этой основе нормы по-разному объективируются. Социология организаций имеет дело либо с эмпирически определяемыми нормами и образцами, т. е. вербальными определениями норм и образцов, распространенных среди членов организации, о которых они могут сообщить (иначе говоря отражением норм и образцов в сознании и поведении людей и характеристи-

ками этих норм и образцов как отраженных), либо с их объективацией в предметно-знаковых средствах организации.

Содержание нормативных систем организации — нормативные требования к типу организации, к форме кооперированной деятельности, а также отображение системы объективных зависимостей и долженствования в организации, образцы и модели поведения человека в организации.

Своды правил, кодексы, установления, используемые социальными организациями, являются отображением этого содержания нормативных систем, особой формой их представления. Элементы собственно нормативной системы не сами правила, положения, установления, регламентации, а те представления и модели должного, на основании которых эти правила и установления вырабатываются. Нормативная система организации отображена в структуре власти в данной организации, в символике организации и т. д.

Показательны в этом смысле представления и модели должного отношения к организации, которые реализуются в вырабатываемых организациями нормах отношения к символам, реликвиям, ритуалам, олицетворяющим организацию, ее цели и нормы. Примером может служить система норм должного отношения к знамени, к официальной форме члена организации и т. п. Назначение знаковых и символических систем организации и состоит в том, что в отношении их формируются нормы, знаменующие отношение к организации и ее целям. И сами знаково-символические системы отображают нормативные системы организации.

Помимо зафиксированных в уставах и сводах правил и уложений, институциональных систем норм в организациях и прочих социальных объединениях действуют многочисленные правила, положения, установления и регламентации (примером могут служить многообразные правила внутреннего и внешнего распорядка, принятые в любом учреждении). Эти правила являются фактически производными от более общих социальных норм, принятых в организации.

Социальные нормы получают отображение и во многих других формах документов: в документации собраний и заседаний, протоколах, распоряжениях, формах

отчетности и ответственности, официальной переписке, документах, отражающих историю и традиции организации, и т. п.

Наряду с использованием общих приемов социологического сбора и обработки документов для анализа систем норм в каждом конкретном случае выбор документов как источников получения информации о социальных нормах, используемых в том или ином социальном объединении и общности, должен соответствовать как специфике данного объединения и его документации, так и целям и формулировке задач исследования.

При обработке документов с целью извлечения информации о социальных нормах могут быть использованы различные приемы анализа. Наиболее распространенным является метод контент-анализа текстов документов. Анализ документов позволяет определить различные виды социальных норм — институционализированные, явные и латентные, декларируемые, представленные в документах эксплицитно и имплицитно, и т. п.

Системы норм в большинстве своем не описаны, и данные о них не собраны. Одна из причин — сложность разработки методики их выявления и описания. Такое описание, как уже отмечалось, представляет чрезвычайную трудность как методологического, так и технического порядка.

Традиционные конкретно-социологические исследования могут дать информацию о степени приемлемости норм и образцов, входящих в определенную систему, степени их укорененности, прочности и эффективности в рамках данной организации; об отношении к ним членов организации и т. д.

Конкретно-социологическое исследование нацелено на эмпирическое определение норм и образцов деятельности и взаимодействия. В результате разнообразных социологических исследований можно получить вербальные определения норм и образцов деятельности и характеристики этих норм и образцов как отраженных, т. е. воспринятых и сообщенных членами организации и членами референтных групп. Часто именно такие вербальные определения воспринятых, отраженных и сообщенных норм и образцов рассматриваются как сами нормы и образцы. Однако такое толкование идет вразрез с принципиальным пониманием социологических данных.

Подлинные нормы и образцы могут быть получены лишь путем реконструкции вербальных ответов обследуемых, в результате специальных операций при сопоставлении данных, полученных опросными методами, с данными об объективной основе норм и образцов. В этом случае нормы и образцы выводятся как концепты (и такой процесс можно рассматривать как научное нормотворчество). Разумеется, что выведенные (реконструированные) нормы и образцы нуждаются в верификации, проверке и оценке опытным путем.

Для разработки концептов норм и образцов необходимы разнообразные данные социологического и психологического порядка. К числу таких данных мы относим:

I. Определение норм и образцов по данным социологического обследования (в эту группу входят данные: 1) об отражении, осознании норм и образцов (формулировка содержания норм и образцов различными операционными и референтными группами лиц); 2) о принятии норм и образцов (соотнесенность норм и образцов и характеристик группы и личности, соответствие норм и образцов системе ценностей, явному и вербальному поведению); 3) о реализации норм и образцов (характер реализации норм и образцов в поведении и общении людей)).

II. Оценку норм и образцов деятельности и факторы, влияющие на эту оценку (в эту группу входят данные относительно: 1) ценностной оценки норм и образцов различными группами лиц; 2) определения приемлемости норм и образцов (в плане желательности или необходимости их изменения или консервации, их справедливости или необъективности и прочие суждения о них); 3) укорененности норм и образцов (представление о «вечном» их характере, невозможности изменений и т. п.)).

III. Определение распространенности тех или иных норм и образцов в различных популяциях и общностях.

IV. Данные о характеристиках норм и образцов (к значимым характеристикам норм и образцов мы относим в первую очередь следующие: 1) динамичность или нединамичность норм и образцов (т. е. возможность их изменения и смены); 2) гибкость норм и образцов (их эластичность, возможность модификации, «допусков», т. е. нежестких определений и ограничений и т. д.); 3) навязчивость норм и образцов (т. е. «принудительный» характер следования нормам и образцам в неадекватных

ситуациях); 4) генерализованность норм и образцов (т. е. возможность их переноса и использования в различных областях деятельности)).

V. Выявление характера и типа санкций, связанных с теми или иными нормами и образцами;

VI. Определение системного характера норм и образцов (эти данные должны быть получены в исследовании, охватывающем длинный ряд норм и образцов (определяемый объективной основой) и направленном на выяснение зависимостей между ними).

VII. Данные об использовании норм и образцов, характерных для определенного вида деятельности при регуляции деятельности и активности людей в других сферах (эти данные могут быть получены в результате анализа норм и образцов деятельности и взаимодействия людей в различных сферах общественной практики, а также анализа случаев переноса и трансформации норм).

В результате исследований, охватывающих все указанные области, можно получить данные о нормах и образцах как отраженных и сообщаемых или наблюдаемых.

Очевидно, эти полученные эмпирическим путем социологические данные нуждаются в концептуальной обработке и обобщении. Это обобщение мы и называем «социологическим определением норм и образцов».

Этапом обработки эмпирических данных социологического анализа должен быть анализ природы норм и образцов. При этом необходимо получить данные: а) об институциональных их проявлениях (о том, что они выступают как институционализированная система); б) о степени институционализации тех или иных норм и образцов и тех или иных систем в различных условиях (региона, популяции, объекта и т. д.); в) о факторах, определяющих степень институционализации, и т. п.

В этой области и должен быть использован ролевой анализ — определение референтных групп для тех или иных норм социальной организации, социальных «носителей норм» и т. д.

Социальные нормы, включенные в общественное сознание и в сферы индивидуального сознания, формирующиеся как отображение определенных сфер общественных отношений (например, сферы правосознания), наряду с нормами, представленными в обыденном сознании людей, обычно используются конкретной социологией при

определении содержания и механизма действия социальных норм.

В качестве примеров можно привести изучение (1) социальных механизмов распространения тех или иных норм в той или иной популяции, (2) степени принятия той или иной группой тех или иных видов норм и даже (3) степени их «осознанности», т. е. возможности получить от обследуемых представителей общностей формулировки норм.

Социальными механизмами действия норм можно считать действие социальных факторов как общества в целом, так и социальных групп, общностей, объединений, обуславливающих: а) ту или иную степень осознания, принятия, реализации нормы; б) ту или иную оценку норм; в) их приемлемость и укорененность в данной популяции; г) степень распространенности и динамичности норм; д) степень их «навязчивости», возможности переноса, гибкости; е) характер и тип санкций, связанных с нормами; ж) системность, непротиворечивость, степень институционализации норм.

К социальным факторам, связанным с социальными механизмами действия норм, относятся характеристики популяции в соответствии с социальной структурой общества и структурой социальных групп и объединений, нормативно-ценностные системы общества и его институтов, характер и цели социальных объединений и т. д.

При определении распространенности, реализации, укорененности, приемлемости тех или иных типов и видов норм особое значение приобретают две группы факторов: (1) личностные, психологические, социально-психологические характеристики и (2) свойства различных социальных групп и обобщенные характеристики социальной среды как способствующие или противоречащие действию норм и приемлемости их для различных групп лиц. В этой связи мы считаем необходимым привлечение как специальных данных психологии, так и данных о социальной среде как «медиаторе» (посредующей среде).

Только на основе такого анализа возможны реконструкция норм и образцов, оценка их эффективности как средств социальной регуляции кооперированной деятельности и использования этих данных, в частности для прогностических и проектировочных решений и для дальнейшего анализа самих социальных норм.

2. МОДЕЛЬ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НОРМАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ. ГИПОТЕЗЫ. НАБЛЮДЕНИЯ

С целью отработки и апробации схемы и методик эмпирического, полевого исследования и подготовки экспериментального оригинального изучения нормативного поведения и социальных норм была разработана нами модель эмпирического полевого исследования.

Наряду с задачами методологического и методического порядка мы также ставили задачи сбора первичной информации и уточнения, а отчасти и проверки некоторых рабочих гипотез относительно закономерностей нормативного поведения людей в полевых условиях, принятых систем социальных норм, их содержания и распространности¹⁰.

Исходным был вопрос о выборе значимых для общества социальных норм и видов нормативного поведения, которые могли бы стать объектами подобного изучения в полевых, а затем и экспериментальных условиях. При выборе объектов исследования мы руководствовались следующими соображениями.

Характерными чертами социалистического образа жизни являются полное социальное равенство членов социалистического общества, отсутствие старых классовых и сословных привилегий антагонистических социальных групп. Важнейшие социальные нормы социалистического общества — это социальные нормы, реализующие основные идеалы коммунизма, и прежде всего социальные нормы полного социального равенства. Как неоднократно отмечали классики марксизма-ленинизма, экономическое, политическое, правовое, духовное, национальное равенство — основное завоевание и высшая ценность социалистического общества.

Образ жизни как форма интеграции основных социальных ценностей, норм и идеалов общества, интеграция многообразных социальных воздействий оказывает решающее нормативно-ценностное регулятивное влияние на поведение, образ мыслей и потребности людей. Идеи и

¹⁰ Некоторые исследования зарубежных психологов явлений «равенства» и «справедливости» не могут быть использованы здесь ввиду качественного различия социальных условий и социальных норм социалистического и капиталистического общества.

нормы политического, правового и прочих видов социального равенства глубоко укоренились в общественном и индивидуальном сознании советских людей — членов социалистического общества.

Однако, как отмечали классики марксизма-ленинизма, социальное равенство и различные его виды не предполагают и не означают фактического полного и абсолютного равенства всех членов общества по всем показателям. В. И. Ленин в своей работе «Государство и революция» подчеркивал, что социальное равенство следует отличать от реального неравенства людей по их свойствам, склонностям, способностям, обстоятельствам их жизни и т. д.⁴¹

На определенных стадиях развития общества существует и не может не существовать в силу ряда объективных причин различие между социальным — политическим, правовым, идеологическим, национальным — равенством членов социалистического общества и фактическим и формальным личным неравенством людей по их личностным показателям. Люди различны по полу, возрасту, по степени занятости, по склонностям и привычкам, наконец, по установкам, принятым ими нормам и т. д.

В обыденной жизни людей на каждом шагу возникают ситуации, в которых тем или иным лицам и даже категориям лиц следует на основе общепринятых в нашем обществе высших социальных нормативно-ценностных систем, элементарных норм нравственности и пространенных норм социалистического общежития оказывать предпочтение, оказывать помощь и признавать их преимущественное право на ту или иную услугу, тот или иной вид деятельности, то или иное привилегированное положение в силу их личных, групповых, демографических, профессиональных и других признаков.

Признание таких привилегий и преимущественных прав за теми или иными лицами и категориями лиц не только не противоречит высшим нормам социального равенства, но возможно и необходимо именно в силу действия этих высших нормативно-ценностных систем. Ценности и идеалы нашего общества обязывают членов социалистического общества к высоконравственному, гуман-

⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 99—100.

ному поведению, к нравственной активности, к оказанию помощи всем нуждающимся в такой помощи членам общества. Социальные нормы, регулирующие такое поведение членов социалистического общества, являются важнейшими социальными нормами общественной жизни. Они должны соблюдаться в каждодневном поведении, в обычных условиях социалистического общежития.

Как усваиваются и реализуются в повседневной жизни, в различных видах поведения, в различных ситуациях общения и взаимодействия членов социалистического общества многообразные нормы не социального неравенства и не социальных привилегий и преимущественных прав на предпочтение, на помощь, на особые условия деятельности различных категорий лиц? Как отображаются и преломляются в обычном поведении людей эти нормы и установки? Эти проблемы должны изучаться комплексом социальных наук, в том числе и социальной психологией.

Специфика социально-психологического изучения высших нормативно-ценностных образований и норм нравственности как регуляторов социального нормативного поведения личности и группы предполагает опосредованное изучение этих образований и их регуляторных воздействий. Социальная психология «выходит» на нормы через изучение систем регуляторов поведения личности, через индивидуальное сознание и принятые личностью нормы индивидуального поведения. Поэтому важной методологической проблемой являются поиск и выделение объектов исследования — «эмпирических референтов» — ситуаций и форм поведения, в которых в реальных условиях проявляются регулятивные воздействия и в которых бы на эмпирическом уровне, на уровне реального поведения и обычного сознания можно было бы выделить аналоги регулятивных воздействий высших нормативно-ценностных образований.

Учитывая эти соображения, мы пришли к заключению, что самостоятельный социальный и научный интерес представляет изучение социально-психологических закономерностей действия социальных норм равенства и нормативного поведения в условиях, на которые распространяется действие этих социальных норм.

**Объект эмпирического исследования.
Нормы очередности и предпочтений**

В обыденном поведении и сознании людей обычно бывают представлены не общие социальные нормы, но более частные, конкретные их модификации (производные нормы). Именно более специальные, производные нормы регулируют конкретные акты поведения, поступки и взаимоотношения людей. На эмпирическом уровне исследования более адекватным является постановка вопроса о механизмах действия именно вторичных, конкретных, более частных норм. Но, разумеется, надо учитывать то, что выбираемые для изучения нормы должны быть именно производными, должны представлять в сфере обыденного поведения более общие социальные нормы.

Основная проблема состояла в выяснении процессов реализации норм равенства и соответствующего нормативного поведения в условиях, для которых были бы действительны как положения о фактическом политическом, правовом и прочих видах социального равенства, так и положения о фактическом частном личном неравенстве членов общества по их социально-психологическим, психологическим, физическим, ситуативным и прочим личностным показателям.

Нас интересовало, как будут воспринимать различные участники ситуации явления социального равенства и личного неравенства членов общества? Как в этих условиях будет решаться вопрос о привилегиях в отношении тех или иных видов услуг, форм поведения? За кем и на каком основании, по каким признакам и обоснованиям будет признано участниками взаимодействия право на привилегии? Каковы возможные формы поведения людей в этих реальных условиях?

Наиболее сложным методологическим вопросом является выбор объекта исследования — тех ситуаций, которые удовлетворяли бы изложенным выше требованиям, а также выбор средств исследования и анализа данных. Мы считаем необходимым оговорить, что приводимый ниже материал — лишь первый шаг в подходе к разработке этой проблемы.

Модель квазиэкспериментального полевого исследования этих проблем была разработана нами на материале изучения поведения людей в очереди.

Очередь как объект, на котором можно провести подобное исследование, была выбрана нами в силу ряда обстоятельств. Норма «участия в очереди», принятие принципа очередности является частной, производной нормой, регулирующей поведение при достижении нужной цели людей во многих ситуациях взаимодействия и общения. При этом люди обычно вступают в такие взаимодействия с сознанием полного равенства. Нормы очередности возникают только на основе норм социального равенства. Люди, не признающие такое равенство, не признают в принципе и необходимости всем следовать норме очередности. Как частная и конкретная, норма очередности усваивается и реализуется в поведении человека с самого раннего возраста. Как отмечают М. Шериф и К. Шериф¹², дети ясельного возраста по крайней мере в яслях без специального научения легко усваивают принцип очередности в получении питания, игрушек и внимания воспитательниц. Эти авторы вообще предположили, что норма «очередности» является чуть ли не первой социальной нормой, реализуемой в поведении ребенка. Еще более сложные примеры действия этой нормы отмечали многие детские психологи. В поведении и играх детей дошкольного и младшего школьного возраста можно наблюдать чрезвычайное распространение и особую привлекательность для детей использования игрушки «по очереди» всеми участниками детской группы, обыгрывание самого принципа «очередности». К этому же ряду явлений следует отнести популярность среди детей игр, требующих очередности участия, смены участников и ролей и т. п. Принцип очередности широко используется как один из основных принципов организации коллективного обучения. Участие в очереди — факт социальной жизни любого члена любой общности. Таким образом, личный социальный опыт любого человека непременно включает усвоение и реализацию нормы «очередности».

Но усвоение и реализация в поведении этой нормы определяются не только личным социальным опытом человека. Очередь — одна из форм массовидного социального поведения людей. Сложность и необходимость упорядочивания коллективной жизни и поведения членов сообщества фактически автоматически способствуют сти-

¹² *Sherif M., Sherif C. W. Social Psychology. N.-Y., 1969.*

хийному установлению и реализации этой нормы. Использование нормы «очередности» отвечает объективным требованиям упорядочивания и организации социального поведения, особенно в условиях большого города, где соблюдение этой нормы является необходимым условием нормального функционирования городского механизма. Жители большого города стихийно усваивают, что «по очереди» достичь нужной цели можно быстрее и эффективнее, чем иным, хаотичным путем.

Показательно в этом отношении стихийное формирование очереди, например при использовании городского транспорта, особенно в районах новостроек и массового заселения.

При изучении очереди как формы массовидного поведения людей и условий реализации в этом массовидном поведении социальной нормы «очередности» целесообразно соотнести закономерности поведения людей в очереди и формы реализации нормы «очередности» с рядом социально-экологических факторов¹³. Таковыми в данном случае являются, например, размер и характер поселения, его отнесенность к «обжитой зоне», что характеризуется плотностью социальных контактов, специфика региона и его экологические параметры, в частности его демографическая структура — половозрастной состав, процессы мобильности, давность заселения, структура занятости, социально-экономические показатели и др. Некоторые социально-экологические факторы, по нашей гипотезе влияющие на поведение людей в очереди, на усвоение и реализацию ими социальной нормы «очередности», мы учитывали в разрабатываемой модели. Не менее существенными мы считаем и факторы социальной культуры общности, в частности традиции и обычаи, ценности, моральные стандарты и др. Трудность учета этих факторов помимо сложности их изучения вообще заключается в том, что они, по крайней мере некоторые из них, являются и независимыми, и зависимыми переменными в проектируемом исследовании. Необходимо отметить, что норма «очередности» по своему характеру

¹³ См., в частности, разработку проблем социальной экологии в связи с изучением массовых форм поведения людей: *Кулапина Т. И., Самсонов Ю. Б.* Типологический анализ регионов и социальное поведение населения.— В кн.: *Модели и методы исследования социально-экономических процессов.* М., 1975.

является нормой демократической культуры общности. Именно эта ее характеристика была определяющей для выбора очереди в качестве объекта, на котором проводится изучение отмеченных выше проблем.

Усвоение и реализация нормы «очередности», равно как и само формирование и существование очереди, внутренне связаны с определенными представлениями о равенстве, равных возможностях, равных потребностях и равных средствах достижения целей. Эти ценностные представления о равенстве также внутренне связаны с представлениями о должном поведении в условии равенства, о должных средствах и путях достижения цели. Любые представления о равенстве тесно связаны с соответствующими представлениями о привилегиях. Привилегии рассматриваются обычно как исключительное право субъекта (лица или группы) на что-либо, как преимущество, признаваемое за каким-то лицом или группой законом.

Социальная норма «очередности» не является правовой нормой, хотя в ряде случаев принцип очередности фигурирует и в некоторых правовых нормах (например, очередность наследования). Однако норма «очередности», формируемая человеком в личном социальном опыте или в массовидном поведении людей, отражая в известной мере характер правовых норм общества, сама по себе не устанавливается государством и его правовыми органами, не подкрепляется и не санкционируется правовым кодексом. Некоторые привилегии в отношении этой нормы фактически устанавливаются как правовые привилегии (например, в нашей стране фактически в любой очереди привилегией пользуются инвалиды войны, Герои Советского Союза, депутаты Верховных Советов), но привилегии любых иных лиц и групп в отношении нормы очередности, регулирующей массовидное поведение людей, правовыми нормами не регламентированы и потому также могут быть расценены как неправовые социальные привилегии. Именно в силу этих обстоятельств изучение реализации нормы «очередности» и отклонений от нее, в частности «привилегии» в отношении очередности, могут быть объектом и индикатором при изучении более сложных нормативно-ценностных образований — представлений и норм равенства и привилегий, принятых и реализуемых в данной общности.

Как специфическое образование очередь характеризуется рядом общих и частных факторов. К первым мы относим дефицит времени и дефицит цели. Дефицит времени определяется временем, которое человек должен затратить на прохождение очереди, и запасом времени, которым он располагает или который готов выделить на прохождение очереди. Ряд факторов очереди — ее размер, пропускная способность как канала и др. — специально изучаются такими дисциплинами, например, как методы исследования операций, математическая теория очереди. Субъективные факторы, определяющие дефицит времени, могут быть лишь с большим трудом установлены специальными социально-психологическими процедурами: опросом, наблюдением и др. Дефицит цели также определяется рядом субъективных и объективных факторов, в частности степенью объективной и субъективной заинтересованности и потребностью участников очереди в достижении этой цели. Совместное действие факторов дефицита времени и дефицита цели чрезвычайно усложняет возможность изучения поведения людей в очереди, поэтому необходимо элиминировать действие ряда факторов путем подбора для изучения особого вида очереди. В разрабатываемой модели мы стремились исключить действие фактора дефицита цели, точнее, уравнивать его значение для всех участников очереди. Соответственно необходимо было выбрать такой вид очереди, когда цель была одинаково доступна и необходима всем возможным участникам очереди, но при определенной затрате времени (лимитированной факторами очереди и субъективными факторами участников очереди). Следует также учитывать возможность достижения цели вне очереди, но не в результате «обхода» ее, а в ином месте, в иной промежуток времени, иными путями, при помощи смещения цели и т. п., т. е. выбрать вид очереди, участие в которой является единственным, исключительным путем достижения необходимой цели.

При использовании участия в очереди или предъявления претензий на привилегии в отношении очередности (не предусмотренных правовыми нормами, типа уже отмеченных нами) в качестве эмпирических референтов при изучении распространенных в данной общности сложных нормативно-ценностных образований — представлений о равенстве и привилегиях необходимо соблю-

дение ряда условий. Прежде всего нужно выбрать такой объект — вид очереди, когда все возможные участники очереди уравниены в правах (на них не распространяются утвержденные правовыми нормами или установлениями привилегии относительно очередности, но все участники имеют право и, возможно, обязанность достичь продукт-цель), возможностях (все возможные участники очереди могут достичь цель-продукт, но лишь участвуя в очереди), потребности в данном продукте-цели (все участники очереди в равной мере должны быть заинтересованы в достижении продукта-цели). Соблюдение этих условий, на наш взгляд, обеспечивает условие формального равенства возможных участников очереди. Естественно, что такое формальное равенство не отражает фактического неравенства людей по их личностным и социальным данным, субъективным обстоятельствам, субъективным представлениям, устремлениям и, наконец, не отражает идентичности их представлений о ситуации, своих правах и обязанностях, равенстве и привилегиях, степени усвоения ими принятых в общности ценностей и норм, стереотипов поведения, форм реализации норм очередности и привилегий и т. д.

При соблюдении этих условий и при учете этих факторов изучение реализации нормы очередности и появление отклонений от нее в виде заявленных претензий на привилегию нарушения этой нормы могут, по нашему предположению, быть использованы в качестве модели изучения представлений о равенстве и привилегиях среди обследуемых (т. е. участников очереди). Для генерализации данных и построения по крайней мере рабочих гипотез относительно той или иной группы и общности в целом необходимо соблюдение дополнительных условий. Прежде всего нужно, чтобы выбранный объект — вид очереди, отвечающий условиям формального уравнивания участников, был типичен или статистически достоверен, чтобы участники очереди образовывали статистически достоверную выборку из данной группы или общности. Необходимо также, чтобы очередь возникала в реальных полевых условиях. Очевидно, соблюдение всех этих условий чрезвычайно затруднено, но не невозможно.

Пример подобной очереди был найден нами в реальной действительности, что позволяет говорить о разрабатываемой модели как о модели полевого исследования.

Нам представляется, что подобной очередью является, например, очередь, возникающая в фотоателье, в частности в тех случаях, когда большинство участников очереди могут стремиться получить фотографию для какого-либо документа. Получение фотографии является целью, которую могут преследовать фактически все граждане. Получение фотографии на тот или иной документ является и правом, и обязанностью граждан. Изготовление таких фотографий осуществляется лишь государственными, специально выделенными для этой цели фотоателье, поэтому получение этого «продукта» иными путями невозможно — фотографии не будут приняты. Все граждане имеют возможность получить фотографии; «продукт» не лимитирован, и дефицита продукта-цели не существует. Естественно, что пропускная способность фотоателье ограничена и зависит от объективных факторов. В связи со спецификой работы фотографа на обслуживание одного клиента уходит определенное время, примерно, как показали наблюдения, 10—20 минут при заказе фотографии для документа. Но даже в этих условиях при загрузке фотоателье возникали очереди незначительные, требующие от их участников вполне доступной каждому затраты времени, к тому же одномоментной. Наблюдая движение очереди в ряде фотоателье, мы определили этот промежуток времени в 1,5—2 часа как максимум. Такая затрата времени может быть всеми воспринята как вполне естественная, необходимая.

В дальнейшем модель квазиэкспериментального полевого изучения реализации нормы очередности и заявлений претензий на привилегии в отношении очередности как эмпирических референтов, действующих в данной выборке норм и ценностных представлений о равенстве и привилегиях, разрабатывалась нами на базе описанного реального объекта — указанного вида очереди¹⁴.

На выбранном объекте можно было гипотетически осуществить ряд экспериментально-полевых исследова-

¹⁴ Очевидно, можно подобрать и другие объекты. Так, аналогично, но лишь для определенной группы лиц, может быть очередь на получение свидетельства о техническом осмотре автомобиля. Возможна вариативность ряда параметров, например полной обязательности, как, скажем, в случае прохождения всеми жителями района флюорографического обследования или любого иного медицинского осмотра и т. д.

ний. Общими для всех вариантов исследований мы считаем вопросы: 1) кто и по какой причине, на каком основании заявлял о намерении «пройти без очереди», т. е. заявлял о претензиях на привилегии в отношении принципа-нормы очередности; 2) были эти претензии приняты очередью (или ее частью) или отвергнуты и на каких основаниях.

При описании объекта, определении переменных, разработке рабочих гипотез и серий исследований мы, естественно, пользовались данными повседневного опыта непосредственного участия в этом виде массового поведения, непосредственного участия в данном типе очереди, многочисленными наблюдениями над поведением людей в очереди и реализацией ими нормы «очередности», несистематическими наблюдениями и пробным экспериментированием на данном объекте.

При разработке модели подобных исследований необходимо рассмотреть следующие данные.

1. *Характер поведения, действий участников взаимодействия и ситуаций взаимодействия.* Участие в очереди в фотоателье с целью получения фотографии для документа является для каждого лица единичным, неповторяющимся действием (возможность искажения фотографии и необходимость повторного или многократного получения фотографии является в данном случае также единичным действием и рассматривается в дальнейшем как одна из переменных исследования). Однако участие в очереди для жителей города — действие многократно повторяющееся, известное. Необходимость получения фотографии на документ является социально обусловленным, социально детерминированным действием. Каждый участник этого поведения побуждается к совершению этого действия рядом социальных факторов. Время, срок совершения действия в определенной мере «задается» его участнику — необходимо представить фотографию в пределах срока, намеченного специальными органами (например, за несколько месяцев). В этот временной интервал выбор времени, даты посещения фотоателье намечается самим участником действия в соответствии с его намерениями и планами. Принятие решения о посещении фотоателье в данный момент времени принимается сознательно, на основе добровольного выбора и детерминруется субъективными факторами. Для каждого его дей-

стве является индивидуальным, единичным, детерминированным. Но для популяции, для очереди в целом важен факт стохастического ее формирования. Участие в данной очереди, в данный момент времени тех или иных граждан подчиняется статистическим закономерностям. Действие (участие в очереди) является для его участников формой массового поведения, подчиняется его закономерностям. Как единичное, индивидуальное оно может быть охарактеризовано как действие, относящееся к особым формам социального поведения с косвенным целеполаганием, и как действие, включенное в сложные формы деятельности со сложной иерархической системой целей и структурой мотивов. Для действия как элемента поведения с косвенным целеполаганием характерно, что его цель и смысл для участника находятся «за пределами» ситуации, в которой это поведение осуществляется. Никто не участвует в очереди ради самого участия. Еще более сложным представляется рассматриваемый случай. Получение фотографии в некоторых условиях может действительно быть самоцелью. Однако в рассматриваемом нами случае для всех участников очереди изготовление фотографии является действием, опосредующим другие действия, например получение документа. Все перечисленные и подобные им характеристики действия и поведения участия в очереди порождают переменные, которые должны быть учтены в исследовании.

2. *Возможные ситуации взаимодействия.* Соблюдение нормы «очередности» и заявление претензий на ее нарушение осуществляются в разнообразных ситуациях взаимодействия участников очереди и «заявителей». Эти ситуации различаются, например, «со стороны очереди», «со стороны заявителей», «со стороны арбитров и посторонних».

В первой ситуации («со стороны очереди») можно выделить случаи, когда очередь: 1) не пропускает никого, не принимает никаких и ничьих претензий; 2) пропускает всех и любого, кто заявляет любые претензии; 3) пропускает избирательно, лишь некоторых лиц и принимает в расчет лишь некоторые претензии; 4) сама очередь или некоторые ее участники наделяют привилегиями то или иное лицо; 5) поведение очереди неопределенно или индифферентно: очередь не принимает претензий, но и не выражает протеста. Во всех этих случаях возможно по-

ведение очереди как «целого», распадение очереди, борьба мнений ее участников, принятие очередью мнения тех или иных участников и т. д.

Во второй ситуации («со стороны заявителя») можно выделить случаи, когда: 1) никто не заявляет о претензиях (ситуация «нулевая» — отсутствие взаимодействия — или «латентная» — заявители не выявлены, но потенциально участники очереди могут иметь претензии); 2) все лица, образующие очередь, заявляют о своих претензиях; 3) заявителями оказываются лишь некоторые лица.

В третьей ситуации, когда во взаимодействие вовлекаются «третьи лица», возможны случаи их вмешательства «на стороне очереди», «на стороне заявителя», «как арбитров», «как организаторов» (с намерением упорядочить массовидное поведение, превратить его в организационное и подчиненное правовым нормам, «отказа от вмешательства» и др.).

Очевидно возможно объединение заявителей, действие нескольких заявителей как независимых, сочетание разных ситуаций. Наиболее существенны и типичны, с нашей точки зрения, ситуации, в которых очередь пропускает лишь некоторых лиц, избирательно относится лишь к некоторым заявлениям и претензиям, а заявители выдвигают набор претензий, которые участники очереди могут как включать, так и не включать в число избирательно принимаемых претензий.

3. *Характер действующих лиц взаимодействия.* Характеристики очереди, заявителей и третьих лиц, участвующих во взаимодействии, оказывают влияние на поведение очереди и заявителей, на ход взаимодействия и реализацию норм очередности и привилегий. Эти характеристики чрезвычайно многообразны. К характеристикам очереди относится ее «размер», «состав», «целостность» — способность выступить во взаимодействии как целостное образование, группа. Среди характеристик заявителей следует выделить характеристики, непосредственно связанные с их претензиями на нарушение нормы очередности (например, состояние здоровья, возраст), связанные с поведением (например, грубая или вежливая форма обращения к участникам очереди), а также личностные характеристики (например, свойства, обеспечивающие личную и социальную привлекательность) и др.

Характеристики «третьих лиц» также могут быть сгруппированы по ряду параметров. Одной из таких групп являются официальные должностные характеристики лица, выступающего в роли «арбитра», другой — полярной — характеристики его личностных свойств, личного авторитета и т. д.

4. *Характер и форма взаимодействия.* Часть переменных связана с историей процесса, с прецедентами. Существенны характеристики процесса и формы взаимодействия и его тенденции, например, перерастание в конфликтное или протекание взаимодействия как кооперативного, конфликт ролей и норм или принятие сторонами позиций и ролей другой стороны, форма и способ принятия решения очередью и т. д.

5. *Ситуационные, временные и территориальные характеристики места и времени взаимодействия.* Существенны также время дня и день недели, местоположение «фотоателье» (в центре или в новом районе, где нет других) и т. д. Подобные характеристики ужесточают ситуацию взаимодействия и взаимные требования участников и этим обеспечивают их целым набором вариантов поведения.

6. *Характеристики нормативно-ценностной культуры.* Эта группа характеристик выступает и как искомые, и как независимые переменные исследования. В целом можно считать, что общая нормативно-ценностная культура общности «задана» и является общей для всех участников взаимодействия.

Перечисленные характеристики взаимодействия между участниками очереди позволяют выделить бесчисленное число переменных, включение и учет которых позволяют проводить бесчисленное число серий исследований в полевых и экспериментальных условиях. Выбор переменных и разработка серии исследований могут быть осуществлены на основании выдвигаемых рабочих гипотез и учета возможностей оперирования переменными, а также обеспечения контроля за их действием. Количество переменных и сложность зависимостей допускают применение математических методов расчета и проектирования исследований, равно как и последующей обработки данных. Массив информации тоже может быть обработан математически по специально разработанной программе.

Некоторые гипотезы и результаты наблюдений

Рассмотрим некоторые возможные варианты исследования, некоторые рабочие гипотезы и некоторые данные, полученные в результате пилотажных несистематических наблюдений и пробного экспериментирования.

Одной из наиболее существенных переменных исследования мы считаем характер, содержание претензий заявителя. Действительно, при полном принятии и распространении нормы «очередности» признание за каким-либо лицом права на нарушение этой нормы (принятие очередью претензий заявителя, решение пропустить заявителя без очереди, равно как и заявление о праве нарушить данную норму) следует рассматривать как признание за данным лицом приоритета, привилегии. При отсутствии или лимитировании основных социальных привилегий и привилегированных групп по крайней мере в отношении данной нормы необходимо выявить, какие именно факторы и свойства заявителя будут рассматриваться очередью и самим заявителем в качестве подобных преимуществ или оснований для привилегий и вообще будут ли рассматриваться как таковые. Соответственно можно судить о том, какие свойства и факторы не признаются преимуществами и основаниями для привилегий, благодаря чему действие их нивелируется, а права всех признаются равными.

Мы предполагаем, что при отсутствии собственно социальных — сословных и классовых — привилегий в роли оснований для социальных привилегий в отношении нормы «очередности» могут выступить любые характеристики индивида, отличающие его от прочих участников очереди, но не все подобные характеристики и не во всех случаях будут в действительности выступать в этой роли.

Мы считали возможным предположить, что при формальном и признанном равенстве в правах и очевидном неравенстве (фактическом) в свойствах и возможностях всех индивидов в качестве оснований для преимуществ и привилегий могут и должны выступить те свойства и факторы «заявителя», которые объективно оказываются существенными для таких притязаний, что обусловлено в первую очередь свойствами объекта. Так, человек с плохим состоянием здоровья имеет основания претендовать на то, чтобы не стоять в очереди полтора часа, если в очереди перед ним находятся здоровые и молодые люди.

Мы выделили такие «объективные» основания для притязаний на привилегии, как здоровье, возраст, беременность или наличие грудного ребенка и т. п. Были использованы также наблюдения и анализ оснований, выдвигаемых заявителями в реальных ситуациях.

Обработка этих материалов — начальный этап исследования вопроса об основаниях для заявления претензий на привилегии в отношении нормы «очередности». В результате сбора такой информации мы установили, что в качестве оснований для заявлений о претензиях на привилегии в отношении нормы «очередности» выступали следующие свойства и факторы.

1. *Занятость.* Заявитель считал возможным претендовать на нарушение нормы «очередности» на том основании, что он «еле выкроил время для посещения фотоателье», что он «посетил фотоателье в свой обеденный перерыв, и этот перерыв кончается», что он «работает, а в очереди полно пенсионеров, которые располагают большим временем для стояния в очередях», что его «ждут неотложные большие дела», а «другие могут и постоять» и т. д. Представляется целесообразным сбор таких высказываний, их классификация, категоризация и контент-анализ, вскрывающий действительные мотивы и ценностные ориентации, равно как и представления о престижности видов деятельности, ценностях и других нормативно-ценностных образованиях, установках, убеждениях и стереотипах, оказывающих влияние на выбор подобного основания.

2. *Неформальный контакт.* Заявители считали возможным претендовать на привилегии в отношении нормы «очередности» на основании неформального знакомства с работниками ателье или участниками очереди.

3. *Групповая принадлежность.* К этой группе оснований мы предварительно отнесли разнородные заявления о правах на преимущества на основании принадлежности к группе работников фотоателье и фотомастерских («я тоже сам работаю фотографом, но у нас такие работы не выполняют»), к группе смежных профессий («мы же работаем тоже в сфере обслуживания, в химчистке, у нас тоже очереди, вы же сами к нам стоите»), к группе занятых в близких территориально предприятиях сферы обслуживания («я же на минуту вырвалась из парикмахерской, что за углом», «вы же видите, я в халате»), принад-

лежности к группе, к которой относятся участники очереди («сами понимаете, как трудно с ребенком, у вас детей нет, что ли?», «да я же в том же ПТУ, у нас сейчас зачет»), и т. д.

4. *Инвертированные характеристики.* Заявители, а часто и участники очереди признавали в качестве возможных оснований для притязаний характеристики, противоположные по значению объективно значимым характеристикам («молодые, пусть пройдут, им погулять надо, а мы старые, нам спешить некуда») или противоположные общепринятым в обществе основания для подобных привилегий («неужели я, мужчина, буду за вами, женщинами, в очереди стоять»).

5. *Личные обстоятельства и соображения частного порядка, не имеющие прямого отношения к факту участия в очереди* («бабушка, пойми, мне на свидание надо, опаздываю»), значительность и значимость личных обстоятельств и событий («да у него сегодня день рождения, неужели же вы его заставите этот день в очереди отмечать»). При наблюдении складывалось представление о принятии в популяции как нормы (иногда давалась и вербальная форма нормы, но обычно в шутовском тоне) — «личное дело каждого — общее дело, забота всех».

6. *Прямое или скрытое давление.* В качестве оснований для притязаний приводились подчас завуалированные угрозы, рассказывались истории с целью возбудить сострадание и т. п.

7. *Акцентирование внимания на просьбе.* В качестве основания использовалось заявление о том, что если человек обращается с такой просьбой, значит «ему надо» и нет необходимости выяснять, по какой причине.

8. *Неведение, незнание, случайное посещение.* Заявитель мог претендовать на преимущества на том основании, что «он не знал, что в фотографию такая очередь», «не думал, что потеряет столько времени», что он «случайно шел мимо и вспомнил, что надо сфотографироваться, а времени на очередь нет», «да я бы никогда и не пошел в такую очередь» и т. п.

9. *Безвыходное положение.* Заявитель доказывает очереди, что у него нет возможности выбрать другое время и другое фотоателье, а на очередь нет времени («вечером уезжаю, обещали выслать документы по почте»).

10. *Ситуативная зависимость.* В качестве основания мог быть выдвинут тезис о необходимости немедленного фотографирования в связи с тем, что отсутствие фотографии «задерживает» других людей. Выдвигались примеры других видов зависимости («я должен сфотографировать отца-инвалида, а он может лишь сейчас, а потом ложится в больницу») и т. д.

11. *Придание особой ценности своему действию.* Заявитель мог доказывать, что он собирается заказать фотографию не на документы, а сделать художественную фотографию с целью послать родственнику (другие варианты — свадебная фотография, фотография ребенка, которую нужно выслать отцу в армию, и т. д.).

12. *Предъявление социальных привилегий.* Заявитель мог подчеркивать особую социальную значимость своего положения или факта заказа фотографии («да я только что из армии вернулся, вас же охранял»).

13. *Признание отсутствия привилегий, но притязание на благосклонность очереди.* При этой форме заявления притязаний обычно делается упор на личные качества.

14. *Признание отсутствия привилегий как привилегия.* Эта, казалось бы, парадоксальная форма заявления претензий на преимущества встречается тогда, когда заявитель пускается в демагогические рассуждения («мы все тут одинаковые», «какая вам разница»).

15. *Маскировка заявлений и отвлечение внимания.* Форма явного мошенничества или актерства.

16. *Попытки представить ситуацию как такую, которая не имеет отношения к вопросу о привилегиях или не требует специального выбора; «снижение» значимости ситуации.* К этой форме заявлений о притязаниях относятся и часто наблюдаемые попытки использовать расчет времени («стоит ли спорить о нескольких минутах», «да я быстро», «дело минутное, а разговоров на час»).

17. *Апелляция к «собственной выгоде» участников очереди.* В этих случаях заявитель пытается представить дело так, что признание его притязаний должно якобы отвечать потребностям и быть в интересах участников очереди. Наиболее типичны «заботы о здоровье» участников очереди («из-за такого пустяка вы себе нервы портите, инфаркт наживаете»).

18. *Апелляции к сознательности, достоинству, справедливости, чувству долга, пониманию.*

19. *Демонстрация своих представлений о правах, достоинстве, обязанностях граждан.* Часто обоснование притязаний идет по типу «снижения» и «офизичивания» представлений о правах, человеке, его достоинстве («да что я вас толкнул, ногу вам отдалив?», «хлеб я, что ли, у вас отнимаю?»).

20. *Апелляции к авторитету, социальной необходимости, вынужденности.* Заявитель может сослаться на то, что его обязали сделать фотографию как можно скорее, что он не преследует личной выгоды («мне что ли это нужно — от меня требуют»).

21. *Попытки расчета за других.* Заявитель начинает высказывать предположения о возможностях других участников очереди («вы можете прийти в другое время, а я нет», «вы можете съездить в другое фотоателье, а я отсюда не могу отлучиться»).

Приведенный перечень, разумеется, не исчерпывает всех возможных, приводимых и даже типичных оснований, выдвигаемых заявителями для обоснования и предъявления своих претензий на привилегии в отношении соблюдения нормы «очередности».

Сбор, обработка и анализ выдвигаемых обоснований и высказываний заявителей представляют специальный интерес. На основе полученных в результате такого обследования данных могут быть созданы анкеты с открытыми вопросами, разработаны шкалы «обоснованности претензий», «привилегий» и т. п., сконструированы проективные ситуации, выработаны рабочие гипотезы дальнейшего исследования, выбраны доступные контролю и важные для изучаемого явления экспериментальные переменные, высказаны предположения относительно природы и характера сложных нормативно-ценностных образований, в качестве эмпирических референтов которых могут выступать наблюдаемые процессы и явления.

Рассмотрим некоторые явления, с которыми мы сталкиваемся при начальном обследовании объекта. Учитывая сложный характер действия, описание которого мы уже приводили, часть наблюдаемых явлений можно отнести к категории «отчуждения цели». Общая социальная детерминация действия-поступка может восприниматься лицом, совершающим этот поступок, особым образом. Происходит как бы смещение представлений. Ряд высказываний и выдвигаемых оснований наталкивает на

мысль, что в их основе лежит норма, которую можно вербализовать примерно следующим образом: «Я совершаю действие, результат которого нужен вроде бы не мне самому, а обществу. Следовательно, должны быть созданы условия, облегчающие мне выполнение этого действия; не я должен выполнить обязательства, а мне обязаны обеспечить условия выполнения требуемого действия».

В известном смысле противоположным явлением будет полная идентификация цели действия с личностными потребностями («мне нужно»). В крайнем случае она может привести к представлению об особой необходимости этого поступка и достижения этой цели именно для данного индивида, и как следствие могут возникать допущения: «Мне нужнее, поэтому все остальные должны принять в расчет мои претензии». Представляется существенным факт, что при установлении формального равенства в правах, обязанностях, возможностях и потребностях и, естественно, при наличии фактического неравенства по субъективным показателям заявления о претензиях на преимущества и привилегии выдвигаются и обосновываются. Люди для себя ищут, находят и демонстрируют другим основания для признания за ними преимуществ и предпочтительного положения. В качестве таких оснований могут быть выбраны самые разнообразные показатели и свойства индивида и ситуации. Выбор этих оснований сам определяется системой норм и ценностей, усвоенных, принятых данным индивидом или группой, в которую он включен. Пример тому — уже рассмотренный нами «фактор занятости».

Одной из норм, стихийно сложившейся, широко распространенной и критически описанной в ряде очерков, появившихся в массовой печати, является норма преимущественного права на внеочередное обслуживание лиц, занятых в сфере обслуживания, или по крайней мере в том же учреждении, магазине и т. д. Подобные обоснования и стоящие за ними нормы и ценностные ориентации можно отнести к более широкой категории «социальных оснований для привилегий и преимуществ». В условиях, где более общие социальные основания и нормы, регулирующие привилегии и преимущества, лимитированы и элиминированы, стихийно могут возникать новые частные основания и нормы, оправдывающие и обосновываю-

щие в глазах заявителя его социальные права на преимущества и привилегии. Претензии на социально-групповые привилегии, на привилегированное положение, например, какой-то профессиональной группы в условиях формального уравнивания прав, обязанностей, возможностей и потребностей (запросов) могут либо вызвать пересмотр оснований для такого формального уравнивания, либо считаться необоснованными. В первом случае введение новой нормы приводит к структурированию ситуации, во втором ситуация превращается в конфликтную, где «верх» может одержать в зависимости от обстоятельств та или другая сторона.

В первом случае привилегии профессиональной группы могут быть закреплены специальным установлением. Так, в медицинских учреждениях правом на привилегии в отношении очереди пользуются на основании постановлений административных медицинских органов медицинские работники (врачи и сестры, даже не работающие в соответствующих поликлиниках, могут воспользоваться правом пройти без очереди на прием к врачу). В отношении других профессиональных групп нормы, регулирующие их привилегии, могут складываться стихийно. Многочисленные наблюдения показывают, что фактически в общности сложилась норма в сфере обслуживания, прежде всего в торговых учреждениях, привилегированного положения в отношении «очередности» работников данного или подобного торгового учреждения (продавцы различных отделов магазина считают для себя возможным и оправданным, а очередь не выражает обычно протеста, право на внеочередное обслуживание во всех отделах магазина). Однако такую норму в отличие от нормы, введенной соответствующими административными органами, следует рассматривать как частную, как норму «субкультуры», не принятую повсеместно, допускающую ее оспаривание. Важно установить условия распространения и принятия подобных частных норм. Как показывают наблюдения, одним из таких условий, например, могут быть размер учреждения, количество его сотрудников. При обсуждении этого факта один из психологов (Ю. М. Жуков) сформулировал эту частную норму следующим образом: «Когда «своих» много, привилегии на них могут не распространяться». Очевидно, в этом случае возможна эмпирически-экспериментальная проверка про-

цесса формирования и реализации подобной стихийной нормы, например установление «порога» действия фактора принадлежности к данной привилегированной группе. Другим условием может быть «субкультура» данного учреждения, принятые его сотрудниками нормы и установки, запрещающие подобные притязания (например, принятие коллективом учреждения обязательств по отличному обслуживанию населения и т. п.).

На привилегированное положение могут претендовать и лица, относящиеся не к профессиональным, а иным социальным группам общества, например, престарелые, пенсионеры, инвалиды, больные. Факторы возраста и здоровья следует отнести (как и было сделано нами) к факторам, создающим объективные основания для заявления претензий на преимущества по внеочередному обслуживанию. Преклонный возраст и плохое состояние здоровья мы считаем абсолютными показателями, отмечающими фактическое неравенство индивидов в условиях формального уравнивания прав и возможностей в отношении «очередности» обслуживания. Однако, как показывают наблюдения и пробное экспериментирование, на объекте однозначного заключения о признании очередью притязаний на основании показателей возраста и состояния здоровья нельзя сделать. Эти основания могут как приниматься, так и отклоняться очередью как оправдывающие притязания на нарушение нормы «очередности». Некоторые наблюдения над другими объективными и представляющимися в теоретическом плане абсолютными показателями обоснованности права на привилегии дают аналогичную информацию. Поэтому мы считаем возможным предположить и использовать в качестве рабочей гипотезы исследования положение о том, что в условиях формального уравнивания прав, обязанностей, возможностей и потребностей индивидов участники взаимодействия могут не принимать непреложно никаких, казалось бы, объективных и абсолютных показателей в качестве оснований для заявления претензий на привилегии, т. е. могут не принимать в расчет факт реального неравенства индивидов даже по объективным, значимым для ситуации показателям. Признание этих показателей как оснований для заявления претензий осуществляется в этом случае по типу «наделения» индивида, прибегающего к этим основаниям, свойствами, обосновывающими

его притязания, социальными преимуществами¹⁵. Такое «наделение» осуществляется «очередью», и последующее решение очереди зависит от этого предварительного решения. Возможны случаи, когда очередь наделяет индивида-заявителя такими свойствами, но отказывает «наделенному» в преимуществах. Можно предположить, что признание права на привилегии определяется не абстрактными основаниями, объективно или субъективно значимыми и выдвигаемыми заявителем, а набором операционально-функциональных показателей заявителя, очереди и ситуации взаимодействия. Так, нельзя предположить, что преклонный возраст является (признается очередью) достаточным основанием для притязаний на привилегии, равно как и предположить обратное (альтернативная гипотеза). Надо ставить вопрос об условиях и дополнительных обстоятельствах, оказывающих влияние на такое признание или непризнание.

Таким образом, мы полагаем, что при формальном уравнивании абсолютные привилегии помимо отмеченных специальными правовыми нормами и установлениями не признаются, категория привилегий расценивается участниками взаимодействия как относительная. При этом наблюдается как (1) гипертрофия абсолютного характера уравнивания (формальному уравниванию придается признак фактического равенства), так и (2) абсолютизация относительного характера категории привилегий. Первое проявляется в уравнивании, например, не только всех показателей по одному признаку («все возрасты покорны»), но и всех признаков, всех измерений фактического неравенства, а второе может быть проиллюстрировано примером лишения абсолютных показателей их абсолютной ценности. (Мы наблюдали реальный факт уравнивания следующих показателей. Заявитель ссылается на явно плохое состояние здоровья (частичный паралич), а участник очереди отклоняет его претензии на

¹⁵ В общем виде феномен «наделения» был описан А. А. Брудным (Брудный А. А. О социогенной природе феномена наделения.— В кн.: Проблемы формирования социогенных потребностей. Тбилиси, 1974). Явления «наделения», очевидно, находятся в связи с процессами «атрибутации», в последнее время привлекающими большое внимание зарубежных социальных психологов. (Kelly H. H. Attribution in Social Interaction. N.-Y., 1961; и др.).

том основании, что у «него самого» кончается время обещанного перерыва.)

Разумеется, высказанное выше предположение является гипотетическим. Применительно к реальному объекту может быть сформулирована и альтернативная гипотеза: возможны случаи, когда в условиях формального уравнивания не происходит нивелирования показателей фактического неравенства индивидов. На эту гипотезу мы ориентировались при анализе процесса наделения заявителя социальными свойствами, рассматриваемыми в дальнейшем очередью как достаточные или недостаточные основания для принятия претензий.

Первая гипотеза соответствует ситуации, отмеченной вначале как ситуация, в которой «очередь не пропускает никого», вторая (альтернативная) — всем прочим ситуациям (очередь пропускает всех заявителей, пропускает избирательно, не принимает решения или сама наделяет индивида ролью заявителя). Во второй ситуации разворачиваются процессы оперативно-функционального оценивания фактического неравенства индивидов. Разработка этой гипотезы предполагает анализ характеристик участников очереди, заявителей, третьих лиц, ситуации взаимодействия, но главным образом изучение стратегии взаимодействия между индивидами и процессов принятия нормативных решений.

Стратегии взаимодействия. Нормативные решения

В условиях полевого исследования может быть собрана информация о стратегиях поведения участников очереди и заявителей, например, о форме заявлений, о том, к кому они обращены, и т. д. Эти переменные могут быть проконтролированы в эксперименте. Лица, выступающие в роли заявителей, могут сотрудничать с экспериментатором, что позволяет проверить ряд гипотез. Приведем лишь один пример рабочей гипотезы. Можно предположить, что, если в роли заявителя выступает мужчина и он обращается с просьбой пропустить его без очереди к женщинам, стоящим в очереди, то по крайней мере часть женщин примет решение признать его преимущественное право на нарушение нормы очередности. Эта гипотеза отражает наблюдение стихийно сложившейся нормы «пропускать мужчин в женской или смешанной очереди».

ди». Подобная норма, возможно, отображает укоренившиеся стереотипы и представления о «преимущественных правах мужчин», «о большей деловой занятости мужчин», о «непрестижности для мужчин стоять в очереди» и т. д. Разумеется, следует проверить и альтернативную гипотезу, а также возможные варианты и изменения поведения тех или иных участников очереди.

Принятие претензий, признание преимуществ, привилегий заявителей, решение о преимуществах выносятся очередью и ее участниками. Характер решения в нормативной ситуации, процесс его принятия также описываются с помощью большого числа переменных.

Прежде всего необходимо установить, является ли поведение очереди и ее участников релевантным изучаемым процессам и явлениям. Мы считаем поведение очереди и ее участников нерелевантным, если очередью и участниками оценивается и учитывается лишь фактор времени — время, которое требуется дополнительно от участников очереди на осуществление их действия по достижению цели при условии пропуска заявителя. Релевантным мы рассматриваем поведение, при котором очередь и ее участники принимают в расчет фактор уравнивания прав и возможностей всех участников взаимодействия и фактор заявления претензий на привилегии. Эмпирическим референтом релевантного поведения, его показателем может быть, например, апелляция к «справедливости», «принципу», тип высказываний и оценок поведения заявителя и участников очереди и т. д. Для оценки релевантности поведения могут быть введены специальные категории оценки и контент-анализа. Следует учитывать возможность смешанного типа поведения. В этом случае, например, некоторые участники взаимодействия (заявители или часть лиц, образующих очередь) могут рассматривать ситуацию как не имеющую отношения к ситуациям, на которые распространяется принцип уравнивания и привилегий, тогда как другие участники взаимодействия расценивают ситуацию как релевантную. На основе такого «раскола» возможны различные формы поведения.

При принятии очередью решения о наделении заявителя социальными признаками-показателями и последующего признания или отклонения обоснованности претензий заявителя на преимущества и привилегии возможны

различные ситуации: 1) очередь может выступать как целое, формируется общее мнение всех участников очереди; 2) мнения участников очереди разделяются; 3) решение принимается одним участником очереди (например, «первым» — лицом, чья «очередь» подошла, или, наоборот, последним, стоящим в конце очереди, или наиболее активным лицом, «лидером» очереди); 4) очередь и ее участники отказываются принимать решение (может быть, например, выдвинут принцип — «как получится»); 5) очередь не принимает окончательного решения, предоставляет право на него «арбитру» (например, участники очереди могут отослать заявителя к администратору, заверив заявителя, что примут решение администратора). Возможны, наверно, и иные варианты принятия решений. Очевидно, осуществление одного из этих вариантов зависит в свою очередь от действия многих переменных. Так, на формирование общего мнения очереди как целого, по нашим предположениям, окажет влияние: является ли очередь по своему составу гомогенной или гетерогенной, характер и форма заявления о притязаниях (которые могут способствовать «объединению», «сплочению» очереди в целях отстаивания общих прав) и др. На решение, которое принимает один участник очереди, влияют, например, форма, характер и адресат заявления о претензиях, личностные обстоятельства и представления о ситуации, правах, привилегиях и т. д. На поведение во всех вариантах оказывают влияние также разнообразные факторы, например наличие в очереди лиц, не заявлявших ранее о своих претензиях («латентные претензии на привилегии»). Появление заявителя может служить фактором, способствующим проявлению и актуализации этих латентных претензий, и фактическая ситуация принятия решений многомерно усложняется. Факт наличия и актуализации в определенных условиях (не только в случае появления заявителя, но и при изменении характеристик ситуации взаимодействия, например в связи с приближением срока окончания работы фототелье) латентных претензий весьма существен для понимания изучаемых явлений. Выявление латентных претензий меняет ситуацию принятия решений, обуславливает позиции и основания для принятия решений участников очереди, меняет стратегию поведения участников взаимодействия. Наличие и актуализация латентных

притязаний должны быть изучены специально и потому, что существование их в латентном виде и их характер являются дополнительными и значимыми характеристиками очереди, ее участников и их ценностно-нормативных образований. Так, претензии могут быть не заявлены и стать латентными в случае отсутствия у их обладателя уверенности в принятии очередью этих претензий. На поведение потенциального заявителя оказывают влияние такие факторы, как «страх отказа», индифферентность к нормам, фактор анонии, личные соображения («лучше не связываться»), латентные ценностные суждения о правах и нормах, о других участниках очереди и т. д. и т. п. Изучение механизмов и факторов актуализации и содержания актуализированных претензий позволяет выявить нормативно-ценностные основания принятых очередью решений. Можно выделить следующие типы решений очереди и ее реакций на предъявленные заявителем претензии.

1. Очередь не принимает никаких претензий и заявлений. Мы уже характеризовали эту ситуацию как признание очередью формального уравнивания и нивелирования любых показателей фактического неравенства. Но можно предположить, что подобная ситуация возможна и в случае полной анонии, отсутствия и действия каких-либо норм, регулирующих привилегии.

2. Очередь пропускает любого заявителя. Эту ситуацию можно характеризовать как распространение принципа уравнивания на все заявления о претензиях (независимо от основания претензий любой заявитель может претендовать на преимущества). В этом случае очередь просто «нечувствительна» к вопросу о привилегиях. Ситуация, как и в первом случае, может быть охарактеризована как анония, т. е. отсутствие норм, регулирующих притязания и привилегии.

3. Очередь признает лишь некоторые притязания и лишь некоторых лиц наделяет социальными показателями и правами на заявление претензий. При этом степень и характер избирательности могут быть различными. В этих случаях мы имеем дело с ситуацией, в которой используется набор мнений о правах и привилегиях, набор норм и ценностей, набор решений. Именно эта ситуация представляет особый интерес для экспериментального исследования.

4. Очередь и ее участники сами наделяют некоторых лиц теми показателями, которые признаются существенными основаниями для заявления претензий на привилегии. Очередь может выбирать заявителей спонтанно и в ответ на предъявление претензий другими заявителями. С точки зрения набора переменных этот случай подобен предыдущему, но существенно отличается от него активным поведением очереди, активной позицией ее участников.

5. Очередь не принимает никаких решений или уклоняется от решения. К этому виду ситуаций могут быть отнесены как аномия, так и некоторые особые ситуации. Так, если очередь и ее участники не принимают решений, отсылая заявителя к «арбитру», наделенному особыми полномочиями, например к администратору, налицо, несомненно, ситуация принятия норм авторитарного управления, отказа от ответственности, попытки перевести массовое поведение в организованное.

Принятие очередью решения может осуществляться на основе шаблонов, стереотипов, бытующих в общности традиционных норм, переносимых в данную ситуацию из ситуаций, кажущихся участникам очереди сходными (например, перенесение на ситуацию данной очереди норм, принятых в очереди на городской транспорт, или выделения признаков, обеспечивающих привилегии в других видах массового поведения, например, классификации на «болельщиков» «своей» и «чужой» спортивной команды или введения в ситуацию норм, регламентирующих виды организованного поведения). Такое решение в целом можно обозначить как «стереотипное». Но оно может быть принято и на основе оперативно-функционального анализа и оценки ситуации, применительно к данной конкретной ситуации, к данному объекту. Возможно и принятие произвольного решения на основе личных данных, склонностей, привлекательности и различных личностных свойств заявителя. В последнем случае также могут быть варианты ситуаций, когда выбор личных качеств категоризирован (например, мужская очередь признает привилегии молодой привлекательной женщины) или сугубо конкретен, личностно соотнесен (очередь пропускает именно данную, конкретную женщину, в частности, зная ее «по имени-отчеству», например, работницу жилищно-эксплуатационной конторы дома, жильцами которого являются большинство участников очереди).

Последний случай следует отличить от всех прочих видов принятия притязаний. Во всех прочих видах притязаний заявитель рассматривается лишь как носитель некоторых свойств и признаков, о которых в целом очередь дает заключение как о достаточных основаниях для заявления претензий. В случае личного выбора очередь переходит от формально-функционального подхода к заявителю к подходу к нему как к личности. Условия такого перехода представляют особый интерес. Целесообразно специально выяснить, какая степень знакомства (например, проживание в одном доме, поименное знакомство, взаимная зависимость в оказании различных услуг) является достаточной для перехода от формально-функционального к конкретно-личностному подходу при решении вопроса о наделении лица привилегиями. Наблюдения показывают, что возможность такого перехода (даже сугубо условного, например возможность обращения к заявителю или участнику очереди «по имени-отчеству») сама уже может рассматриваться некоторыми участниками очереди и даже всей очередью как достаточное основание для предъявления и признания претензий на привилегии. Можно предположить, что по крайней мере среди какой-то части популяции получила распространение норма «предпочтения личного контакта и общения безличностному взаимодействию во всех возможных его формах» (формулировка нормы была предложена при обсуждении этих данных сотрудником Института психологии АН СССР И. В. Вавиловым). Существование и принятие, а также степень распространения и сфера действия этой нормы могут быть выявлены в эмпирическом и экспериментальном исследовании.

При принятии очередью и ее участниками решения о признании или отклонении притязаний на привилегии существенны такие психологические факторы, как очевидность, доступность пониманию и убедительность мотивов и ценностных установок заявителя. Важнейшим условием признания привилегий является совпадение иерархических шкал ценностей заявителя и участников очереди. Так, если заявитель просит пропустить его без очереди, потому что ему (ей) необходимо срочно сделать фотографию ребенка, чтобы отправить ее с оказией его отцу, служащему в армии или работающему на дальней

стройке, то, как привелось нам наблюдать, большинство очереди безоговорочно принимает это обоснование претензий и пропускает заявителя, даже отдавая ему предпочтение перед другими заявителями, например перед инвалидами. Таким образом, ценность конечной цели может выступить в качестве основного и решающего фактора наделения заявителя привилегиями и признания его преимущественных прав.

Влияние ценностных ориентаций и стремлений утвердить свою систему ценностей и норм оказывает иногда парадоксальное влияние на поведение участников очереди и принимаемые ими решения. Так, по многочисленным нашим наблюдениям, среди молодежной возрастной группы популяции получила особое распространение норма формального равенства молодежи со всеми прочими возрастными и даже демографическими группами и слоями общества. Утверждение своего полного равенства со всеми прочими категориями и группами общности как важнейшая ценность молодежи приводит подчас к излишней гипертрофии в представлении о правах и обязанностях этой группы, к гипертрофическому подчеркиванию нормы равенства. Последствием такого формально-гипертрофированного подхода может быть нивелирование всех фактических признаков неравенства, особенно возрастного и по состоянию здоровья. Эти абсолютные показатели фактического неравенства воспринимаются определенной частью молодежи как относительно-ситуативные, а подчас и как не имеющие вообще никакого значения для обоснования притязаний и привилегий. Как уже отмечалось, молодежная возрастная группа и даже часть популяции других возрастных групп могут формировать в этих условиях инвертированные нормы предпочтений. Восприятие молодости как особой общественной ценности может лежать в основе признания особых привилегий молодежи и ее преимущественных прав не только в соответствующих сферах, но и в неадекватных условиях, в том числе в условиях действия нормы «очередности» и норм преимущественных прав на внеочередность других категорий населения.

Еще более сложным и фактически нивелируемым в очереди является принцип неравенства общественной

значимости и ценности труда и соответственно времени различных социально-профессиональных групп. Очередь «распределяет» свои выборы и предпочтения не по «труду» заявителей и участников очереди, а скорее по их «потребностям». Как показывают наблюдения, используется лишь один показатель в этой сфере, оказывающий влияние на предпочтения и признания привилегий, — общий признак занятости, участия в общественно полезном труде. В определенных условиях (например, при особом составе очереди, при особом времени взаимодействия) этот признак — занятость — может быть дифференцирующим и использоваться как основание для заявления претензий и их принятия. Но определение привилегий занятого в общественном труде населения в дальнейшем определяется не на основе принадлежности к той или иной социально-профессиональной категории и группе, а по другим основаниям. Так, участники очереди могут пропустить без очереди учителя и врача, но в том случае, если последние наделены дополнительными характеристиками (если, скажем, заявителем выступает учительница детей участников очереди или участковый врач поликлиники, обслуживающий данный район, жители которого и составляют большинство очереди). Другой пример — предпочтение работников торговой сети или сферы обслуживания — был приведен нами раньше. Практически не приходилось наблюдать случаи обоснования заявителями своих претензий и соответственно принятие очередью этих обоснований ссылками на особую социальную важность их труда, профессии, ценность их времени (например, времени ученого) и даже на престижность занятий (например, со стороны военнослужащих или киноактеров), хотя в случаях идентификации очередью лица, его опознания или идентификации его социально-профессиональной группы участники очереди могут активно наделять преимуществами и ролью «заявителей» подобных лиц.

Такое нивелирование социально-профессиональных привилегий может расцениваться и как глубокое укоренение в популяции нормы нивелирования и отрицания сословно-классовых привилегий и даже их реального существования, и как известное формальное уравнивание фактически неравного (и как таковое оцениваемое

в других сферах общения и деятельности) по общественной значимости, престижности и прочим параметрам положения различных социально-профессиональных групп и их представителей.

Особый интерес представляют способы нивелирования специфики и преимуществ различных социально-профессиональных групп, которые приняты в других формах массовидного поведения, например в моде (где существенна не цена вещи, хотя и она может быть модной, но скорее ее дефицитность и соответствие принятой моде), в поведении «болельщиков» на стадионе, участников карнавальных и ритуальных празднеств. Нормы, регулирующие массовидное поведение, фактически не чувствительны к социально-политическим или социально-экономическим обоснованиям притязаний на привилегии. Этот аспект ритуальных и массовых форм поведения отмечали многие авторы. Участие в массовидных формах поведения освобождало представителей сословно-классового общества от бремени прав, обязанностей и привилегий этого общества¹⁶. В обществе, где официально фактически уничтожены и нивелированы подобные привилегии, нормы массовидных форм поведения с их нечувствительностью к показателям формального и фактического неравенства могут доминировать и оказывать влияние на нормы поведения в организациях, быту и др.

В случае очереди нельзя полностью принять абсолютное доминирование норм массовидного поведения, так как тогда не учитывается специфика действий участников очереди и заявителей как действий не только массовидных, но и индивидуальных. Принадлежность к определенной социально-профессиональной группе может обусловить и объективно, и субъективно воспринимаемое оценивание существенного фактического неравенства индивидуальных позиций и обстоятельств, которые подчас могут быть объективными основаниями для заявления претензий и притязаний. Полное игнорирование этих факторов и уравнивание возможностей и прав участников очереди по этим основаниям («все

¹⁶ См. прежде всего работы М. М. Бахтина (*Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского*. М., 1963; *он же. Творчество Франсуа Рабле*. М., 1965).

работают») не являются адекватными решениями. Более приемлемо операционально-функциональное решение, принимаемое участниками очереди с учетом конкретных обстоятельств. Но для такого решения необходимо по крайней мере признание очередью права заявителя обосновывать свои претензии ссылками на характер и содержание труда. Но подобные заявления практически отсутствуют и не рассматриваются «очередью». Заявители, которые могли бы выдвинуть такие претензии, входят в группу потенциальных заявителей (мотивы участников этой группы разнообразны и частично уже рассматривались). Наличие в очереди потенциальных заявителей может оказывать влияние на характер решений, принимаемых «очередью» в отношении других видов претензий.

Антиподом нивелирования притязаний и привилегий «очередью» можно считать некоторые формы негативного отношения людей к самой очереди и нормам «очередности». Можно выделить два типа такого негативного отношения. Первый из них, по нашим наблюдениям, распространен среди людей по преимуществу артистического склада, склонных к нормам индивидуального выбора, неорганизованным формам поведения, у которых обычно эти негативные реакции выражаются в стремлении «уйти» от необходимости стоять в очереди.

Условно эти реакции можно отнести к ретритистскому поведению, связанному со стремлением «уйти» от реальных трудностей. Такой «уход» может приобретать формы мечтаний, фантазий (например, возможно такое заявление: «поеду в Таллин, чтобы сфотографироваться, там меньше очередь, я заметил») или абстрактных пожеланий и требований (например, «надо ликвидировать все очереди в фотоателье») и т. д. и т. п. Второй тип — тип активного неприятия очереди и поиска попыток «обойти» ее. К этому типу относятся разнообразные реакции, прежде всего подчеркивание «непрестижности» участия в очереди, своих особых возможностей, а также поиск путей и способов достижения своих целей в «обход» общепринятому «стоянию в очереди».

Представляет интерес изучение группы или слоя, для которых стояние в очереди представляется «непрестижным». Определение распространенности нормы

отношения к очереди как к «непрестижному поведению» позволит, на наш взгляд, выделить группу или слой, которые вряд ли удастся полностью идентифицировать с какой-либо известной социальной группой. Норму «непрестижности» и отношения к ней в роли индикаторов определенного социального слоя можно изучать эмпирически, путем специального обследования — анкетного, шкального, проективного. Дальнейшее обследование представителей этого слоя позволит установить сопутствующие социальные и социально-психологические показатели статуса этого слоя, группы.

Другая группа реакций связана с явными попытками найти индивидуальные пути и средства обхода очереди. Наиболее типичны попытки установить неформальные контакты с работниками данного учреждения, поиски возможностей «обойти» временной режим работы учреждения и т. д. К этой же группе мы относим факты демонстративного игнорирования очереди, попытки ее обойти без заявления претензий и каких-либо объяснений своего поведения. Во всех этих случаях обычно наблюдаются ответные реакции очереди и ее участников. Их изучение дает дополнительный материал для выявления и анализа как категории лиц, руководствующихся нормой «непрестижности очереди», так и механизмов и динамики санкционирования или несанкционирования тех или иных форм поведения. Можно предположить, что не все реакции, отнесенные нами ко второй группе, будут всеми участниками очереди считаться недопустимыми. Некоторые участники очереди могут признать обоснованность претензий на основе личного контакта или взаимозависимых отношений заявителя и работников учреждения. Такое признание может быть высказано даже в ироничной форме («как это фотограф его не примет без очереди, если тот ему привез дефицитный товар»). Но даже такая констатация зависимых отношений может не вызвать последующего протеста со стороны очереди при нарушении нормы «очередности».

Признание нормы «зависимости» помимо указанного выше случая может влиять на принимаемое очередью решение и в других формах. Наблюдая разные виды очередей, мы неоднократно сталкивались с фактами признания участниками очереди своей непосредствен-

ной зависимости от решения, воли, а подчас и от произвола администрации или работников конкретного учреждения сферы обслуживания. Нормы зависимых отношений сочетаются с нормами «очередности» особым образом. Нередко приходится слышать увещания участниками очереди заявителей или спорящих с ними других участников очереди: «не шумите зря, а то вообще никого не обслужат»; «не привлекайте внимания администратора, а то вообще закроют ателье»; «скажите спасибо, что хоть по очереди проходим, а то и вообще прекратят пропускать» и т. д. Подобные реакции, как нам представляется, коренятся в исторически сложившихся и не соответствующих современным условиям стереотипах зависимости, подчиненного положения, зависимости от личной «хозяйской» неконтролируемой воли товародателя, лица, которое ведает удовлетворением запросов очереди. Питательной средой для норм зависимости оказываются стереотипы поведения некоторых представителей сферы обслуживания, их представления о своих правах и обязанностях в отношении очереди, своей деятельности, возможных формах поведения.

Изучение реальных или воображаемых зависимостей также возможно эмпирическим и экспериментальным путем. Стереотипы и нормы зависимости являются основой некоторых видов латентных ситуаций взаимодействия (так, участники очереди могут молчаливо признать факт зависимости и подавлять всякие попытки нарушения раз установившегося порядка обслуживания). Можно сформулировать ряд гипотез относительно социальных «носителей» (групп и представителей определенных слоев) подобных норм зависимости. Можно предположить, в частности, что молодежь и рабочие не будут склонны считаться в своем поведении с подобными рудиментарными нормами зависимости.

Для изучения сложных нормативно-ценностных образований, включенных в регуляцию поведения участников очереди при признании и непризнании притязаний на привилегии в отношении нормы «очередности», особое значение, на наш взгляд, имеет анализ стратегий и принципов принятия того или иного решения и его обоснование. При наблюдении мы обратили особое внимание на случаи отказа признать привилегии и

попытались выявить механизм обоснования таких отказов. На основании предварительных данных, которые, естественно, нуждаются в эмпирической проверке, можно наметить несколько типов стратегий и правил-норм отказов в притязаниях. Можно предположить, что наиболее распространенным способом отказа является «уравнивание» заявленных притязаний с теми, которые могут выдвинуть участники очереди. Классический стереотип такого поведения и вербальной реакции — «у всех есть дети». Мы уже отмечали, что на практике можно наблюдать уравнивание не только однотипных показателей (очередь отвергает притязания пожилого человека на том основании, что в очереди уже стоят люди такого же возраста, а возможно, и старше), но и разнородных (случай уравнивания притязаний человека, заявляющего, что у него кончается обеденный перерыв, с притязаниями больного и инвалида даже при наличии очевидного дефекта и признаков болезни у последнего).

Если реакции, относящиеся к первому типу, можно описать как поведение с учетом нормы «прецедента», то вторые не представляются гомогенной группой. Можно выделить несколько подтипов реакций (частично мы рассмотрим эти механизмы в дальнейшем).

Стратегия уравнивания возможностей может в ряде случаев сочетаться со стратегией «обесценивания» оснований и признаков, которые приводит заявитель претензий. Этот вид стратегии в свою очередь может совмещаться с отрицанием объективного и абсолютного характера оснований и признаков, предъявляемых заявителем. Примеры поведения по типу «обесценивания» и «отрицания абсолютного значения основания» нами уже приводились.

Четвертый тип стратегии отказа — противопоставление участниками очереди основаниям и признакам заявителя своих привилегий. Отказывающие нередко ссылаются на то, что и при наличии «более значительных привилегий» они стоят в очереди.

Пятый тип — апелляция к «всеобщности» нормы «очередности» («все стоят», «всем одинаково нужно» и т. д.).

Как показывают предварительные наблюдения, достаточно часто встречается особый тип стратегии (6) —

«обвинение в привилегиях и притязаниях». Участники очереди в этих случаях активно выступают против заявителя как нарушителя норм «очередности». Примечательно, что именно в этих случаях проявляются резко негативные оценки стереотипов сословного общества. Именно в очереди чаще всего можно услышать заявления, что теперь «бар и барынь нет», «что прошли времена господ» и т. д. и т. п.

К этому типу реакций примыкают отказы, обоснованные в глазах участников очереди именно тем, что у заявителя «вроде» есть основания для привилегий, но это и делает его нежелательным, отвергаемым, заслуживающим отказа. Обычно эти виды стратегии используются очередью с определенным составом (что подлежит эмпирическому обследованию). Подобные типы отказов обычно не распространяются на притязания по объективным основаниям (возраст, болезнь, дети). Особенно часты такие отказы как реакции на форму заявления претензий и на личные свойства заявителя. Можно предположить, что эти отказы будут чаще встречаться при столкновении однородной по составу очереди (особенно однородной по таким признакам, как возраст, пол и т. п.) с заявителем, который лишен этого признака. Особенно важно установить признаки отличия заявителя.

Одной из наиболее обоснованных стратегий отказа является, на наш взгляд, апелляция к доброй воле заявителя и свободе выбора им времени и места фотографирования. Аргументы участников очереди (типа «никто вас не заставлял приходить сюда в неудобное для вас время») могут быть и весомыми, и адекватными, но могут основываться на нормах формального уравнивания и обесценивания личных данных и обстоятельств заявителя.

К распространенным формам отказа можно отнести эмоционально-ситуативные реакции участников очереди, например высмеивание или произвольное предпочтении одного заявителя другому.

И, наконец, формой отказа может быть упоминание объективных обстоятельств, объяснение значения отказа для очереди, ссылка на ужесточение условий. В последнем случае возможны реакции по типу: «Пропустили бы, если бы завтра фотоателье работало; если бы

сами не опаздывали» и т. п. Очевидно, возможны и некоторые иные формы и стратегии отказа в привилегиях.

Предварительный анализ наблюдений и высказываний участников взаимодействия — очереди и заявителей — наводит нас на мысль о наличии в популяции двух, на наш взгляд, противоположных норм, нормативно-ценностных образований, регулирующих поведение людей в условиях уравнивания их прав, обязанностей, возможностей и потребностей при сохранении фактического неравенства по ряду объективных и субъективных показателей и обстоятельств. Так, некоторые участники очереди могут исходить в своем поведении и решениях из представлений о равенстве как о состоянии, при котором другие лица имеют те же права, обязанности, возможности, потребности, что и данное лицо. Но возможно и такое осмысление ситуации и условий, при котором равенство будет восприниматься как состояние, при котором данное лицо «не хуже» других, а потому имеет те же привилегии и преимущества, что и возможные заявители. Представление о равенстве как о состоянии, при котором другие люди имеют те же права, что и данное лицо, основано на уже имеющемся у данного лица представлении о своих правах, возможностях, потребности. При принятии решения о равенстве или привилегиях других лиц данное лицо распространяет на них эти представления, как бы наделяя их общими правами. Но равенство может рассматриваться и как состояние, при котором данное лицо, признавая за другими общие права, склонно приписывать и себе эти права, а подчас и преимущества. Существенно также, происходит ли «возвышение» себя до уровня других или «снижение» других, нивелирование их преимуществ в целях уравнивания их с собой. Уравнивание может осуществляться как за счет наделения других людей правами и преимуществами, так и за счет лишения этих преимуществ и себя, и других лиц.

Многочисленные оттенки и модификации представлений о «равенстве» и личностного смысла этой категории для того или иного человека существенно влияют на процессы взаимодействия людей в очереди, на стратегии поведения и «производные» представления о нормах очередности и привилегий, а также на их примене-

ние, приемлемость и использование в различных ситуациях взаимодействия и нормативного поведения.

В целом материал наблюдений позволяет нам рассматривать изучение нормативного поведения в условиях очереди и норм очередности и преимуществ как эмпирический эквивалент изучения высших нормативно-ценностных образований, в частности представлений о равенстве и привилегиях. При разработке модели эмпирического изучения этих процессов и явлений мы столкнулись с большим числом проблем, связанных с закономерностями собственно нормативного поведения и принятия нормативных решений. Анализ описанных данных позволяет нам ставить вопрос об экспериментальном изучении этих закономерностей.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ
НОРМАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Изучение нормативного поведения в искусственно созданных условиях эксперимента проводится крайне редко и сопряжено с большими трудностями. Это связано в первую очередь с тем, что экспериментально трудно смоделировать ситуацию и условия, в которых испытуемые реализовали бы нормативное поведение, сопоставимое с полевым нормативным поведением людей. Но эксперимент является важнейшим методом психологического исследования и обеспечивает возможность выявления и использования основных психологических закономерностей, в том числе и закономерностей нормативного поведения. Поэтому создание моделей экспериментального изучения нормативного поведения является одной из центральных методологических задач в этой области.

При разработке такой модели мы исходили как из общих теоретических представлений о нормативном поведении и его закономерностях, так и из данных, полученных при наблюдениях и анализе полевого поведения людей.

Как мы уже отмечали, нормативное поведение является типичной и наиболее распространенной формой социального поведения в ситуации, на которую распространяются выработанные данным обществом, общностями и социальными группами социальные нормы. Люди используют нормы как основания для выбора альтернативных вариантов поведения для оценок и предпочтений, для обоснования и мотивирования осуществляемых выборов и принимаемых решений. Социальные нормы категоризированы и всегда соотносятся с теми или иными категориями лиц, ситуаций, усло-

вий, объектов. Нормативное поведение предполагает оценивание ситуаций, условий, категорий лиц, с которыми осуществляются общение и взаимодействие, актов и вариантов поведения и решений.

На основании этих положений, более детально изложенных нами в теоретических разделах настоящей работы, мы пришли к выводу, что возможно экспериментальное в неполевых условиях изучение закономерностей нормативного поведения с помощью метода, который мы назвали «методом решения нормативных задач», — когда испытуемый решает особую задачу — «нормативную».

При предъявлении «нормативной задачи» от испытуемого требуются принятие решения, выбор и реализация альтернативных вариантов поведения исключительно на основе выработанных и усвоенных им, интуитивно или сознательно реализуемых в данной ситуации социальных норм. Варьируемые условия задачи оказываются независимыми переменными, а ответы испытуемых (выбираемые варианты решений и поведения) зависят от условий задачи и от особенностей того или иного испытуемого. Часть этих особенностей может быть контролируема в эксперименте переменными.

Исследование может проводиться как предъявление различным выборкам испытуемых сходных «нормативных задач». Тогда к независимым переменным следует отнести и общие показатели испытуемых, на основании которых делаются соответствующие выборки: например, учетные показатели возраста, пола, образования, а также и социально-психологические типологические показатели (степень присущей испытуемым активности, уровень морального развития и т. д.). Установление социально-психологических показателей, на основании которых делается выборка, может быть осуществлено в предварительном исследовании.

В связи со спецификой нормативного поведения и общими гипотезами представляется необходимым маскировать характер и самого исследования, и задачи, предъявляемой испытуемым. Исследование должно строиться таким образом, чтобы подлинные цели эксперимента и характер решений, которые должен принимать испытуемый, не сообщались в инструкции. Наряду с анализом прямых ответов испытуемых и их сопостав-

лением с условиями нормативной задачи следует фиксировать и поведение испытуемых в процессе ее решения. При обработке данных должны быть использованы прямые и косвенные показатели нормативного поведения, а также специальные приемы обработки первичной информации.

Эта общая модель экспериментального изучения закономерностей нормативного поведения людей в полевых условиях была реализована нами в специальном исследовании¹, которое было в основном нацелено на апробацию общей модели эксперимента. Наряду с решением этой центральной методологической и методической задачи мы стремились проверить ряд гипотез, сформулированных ранее на теоретическом уровне, а также собрать экспериментальные данные о закономерностях нормативного поведения.

1. ИСПЫТУЕМЫЕ. ЗАДАЧИ И ИНСТРУКЦИИ

При построении «нормативных задач» мы воспользовались данными наблюдений и анализом модели полевого нормативного поведения людей в очереди в ситуации реализации и использования норм очередности, привилегий и предпочтений.

Испытуемым, участвовавшим в исследовании, объяснялось, что проводится изучение поведения людей в очереди, что обследование носит статистический характер, является массовым, что его данные нужны для статистической обработки, а ответы анонимны и необходимо сообщить о себе лишь некоторые общие сведения. Эти сведения соответствовали учетным показателям, используемым обычно в массовых социологических обследованиях (пол, возраст, профессия или занятие обследуемого, наличие детей, срок и район проживания в Москве).

Инструкция, которая давалась испытуемому, и объективные сведения, которые он должен был сообщить

¹ Большая помощь при сборе данных была оказана нам С. С. Пименовой и И. П. Пушкиной, которым мы специально объяснили и продемонстрировали приемы сбора первичной информации и формы контакта с испытуемыми.

о себе, равно как и форма предъявления экспериментального материала (обследуемым раздавались отпечатанные бланки протоколов, содержащие вопросы и альтернативные ответы на них, из которых испытуемый должен был выбрать нужный ему, что вполне соответствовало форме закрытой анкеты или формализованного интервью), должны были настроить испытуемых на участие в социально-психологическом или конкретно-социологическом обследовании мнений и предпочтений. Все испытуемые, участвовавшие в исследовании, не выразили сомнений в подобном характере исследования. Они в основном были убеждены, что участвуют в социологическом исследовании, а не в эксперименте по решению задач. Но их ответы и поведение в процессе исследования служили неоспоримым подтверждением того, что в эксперименте испытуемые выполняли именно ту деятельность, которая и была объектом изучения: решали нормативные задачи и реализовали формы нормативного поведения (специально это рассматривается в последующих разделах).

Наряду с общей инструкцией и установкой на исследование испытуемые получали в письменной форме специальные инструкции при решении каждой задачи (эти инструкции были включены в бланк с заданиями).

При построении серии нормативных задач нами были использованы материалы наблюдения, изложенные в гл. III. В исследовании использовалось два типа заданий.

Первое из них включало серию задач прожективно-го характера, связанных между собой общим сюжетом. Вначале описывалась ситуация очереди в фотоателье. Сообщалось, что действующее лицо (испытуемый) намерено заказать фотографию для документа. Таким образом, задавались смысл и характер ситуации и значение действия. Затем сообщалось, что испытуемый вынужден был ожидать своей очереди более часа. Ситуация представлялась реальной, так как это означало, что перед ним в очереди должно было находиться примерно пять-шесть человек, что могло быть вполне вероятным в данное время (указывалось, что это конец рабочего дня). Затем проводилось ужесточение условий — сообщалось, что до конца рабочего дня в фотоателье оставалось лишь полчаса и за это время фото-

граф мог обслужить лишь двух-трех человек. Испытуемый, проанализировав условия задачи, должен был прийти к выводу, что он достигнет цели — сфотографируется — только в том случае, если подошла его очередь или в данный момент перед ним в очереди будет лишь один человек. При двух, стоящих перед ним в очереди, ситуация оказывается неопределенной. Если бы испытуемый не смог сфотографироваться, он должен был бы считать время, проведенное в очереди (больше часа), потраченным впустую и искать другую возможность для выполнения намеченного действия.

После предъявления этих общих условий вводилось основное условие первой задачи: сообщалось, что именно в такой момент к нему обращаются женщина с ребенком и инвалид и просят пропустить их без очереди. Далее ставился вопрос: «Как вы поступите в данной ситуации?». Ответ испытуемый должен был выбрать из предлагаемых альтернатив: «1) пропущу обоих; 2) никого не пропущу; 3) пропущу одного: а) женщину с ребенком; б) инвалида». Испытуемый должен был подчеркнуть на бланке с заданием выбранный им ответ. В следующем пункте задания испытуемому предлагалось: «Если хотите, напишите, почему вы принимаете такое решение и что могло бы изменить ваше мнение». Выбор альтернативного ответа и обоснование выбора являлись нормативными решениями.

Вслед за первой задачей в задании первого типа последовательно предъявлялось еще восемь задач, включенных в общий блок и размещенных на общем бланке. В последующих задачах уточнялась и развивалась ситуация, описанная в первой задаче. Во второй испытуемому предлагалось отметить лиц, которых он мог бы в данной ситуации пропустить без очереди, если бы его решение было окончательным с точки зрения прочих участников очереди. Это дополнительное условие повышало ответственность, которую принимал на себя испытуемый, осуществляя выбор (по условиям первой задачи, если кто-либо пройдет без очереди, никто из стоящих за испытуемым уже не успеет заказать фотографию — временное ограничение). Испытуемому предлагался список, включающий 38 категорий лиц, которые (как показали предварительные наблюдения в полевых условиях) могли бы претендовать на привиле-

гии в отношении нормы очередности. Каждая категория была выбрана как эмпирический референт экспериментальной переменной, вводимой для проверки той или иной гипотезы. Описание переменных и категорий, а также приемы обработки ответов приводятся далее при анализе данных исследования. Помимо 38 категорий в список альтернативных выборов были включены еще два выбора: «вы никого не пропустите из отмеченных в данном списке» и «вы бы могли пропустить следующих лиц, не отмеченных в списке» (испытуемому предлагалось внести в список дополнительные категории лиц). Эти ответы также были связаны с проверяемыми гипотезами. Затем, как и во всех прочих задачах, испытуемому предлагалось указать по желанию, почему он делает такой выбор.

В третьей и четвертой задачах соответственно испытуемый должен был выбрать из всех категорий лиц, упомянутых в первой и второй задачах или внесенных им в список во второй задаче, одну (в четвертой задаче — три), которую он мог бы пропустить без очереди. В пятой задаче испытуемый должен сообщить, кого из лиц, упомянутых в первой и второй задачах, он не пропустил бы ни при каких обстоятельствах. Эти задачи помимо ужесточения условий нормативного выбора включали требования оценочного отношения и ранжирования лиц, которым испытуемый мог бы оказать предпочтение. В шестой задаче испытуемый должен был ответить, предложил бы он сам кому-либо и если да, то кому именно, пройти без очереди в описанной ситуации. Это задание предполагает активный выбор.

После решения шестой задачи испытуемого предупредили, что ситуация изменилась. Развитие сюжета «очереди в фотоателье» осуществлялось по двум линиям. Сообщалось, что решение о пропуске кого-либо без очереди должен принимать не данный испытуемый, а лица, которые стоят в очереди впереди него. Если учесть данные первой задачи, то ситуация для испытуемого становится незначачей, так как впереди него оказываются два-три человека, и любое их решение не может повлиять на достижение цели самим испытуемым. Однако одновременно сообщалось, что часы работы фотоателье продлены и можно успеть сфотографироваться, если впереди стоящие ограничат свой выбор.

Эти дополнительные условия были введены для проверки гипотезы относительно того, что именно будет воспринято испытуемым в условиях задачи и как осознание условий скажется на его выборе. Отметим сразу, что в проведенном исследовании не удалось установить влияния дополнительных условий задачи на выборы испытуемых. Фактически все испытуемые оказались «нечувствительными» к введенным переменным и продолжали действовать так, как будто сохранялись условия первой задачи. Можно предположить, что включенность испытуемого в решение первой задачи создавала доминанту и переключение на новый способ отношения к ситуации было чрезвычайно затруднено. В дальнейшем, очевидно, необходимо повторить и модифицировать эти переменные.

В измененных условиях опыта, которые, повторяем, фактически не воспринимались испытуемым как измененные, ему предъявлялись еще три задачи. В седьмой (если сохранить общую нумерацию) задаче испытуемый должен был сообщить, будет ли он возражать, если стоящие впереди него пропустят кого-либо без очереди. Некоторым испытуемым дополнительно предлагалось отметить возможные иные формы проявления своего отношения к этому факту, отметить один из вариантов ответа: «уйду из очереди», «останусь сторонним наблюдателем», «приму другое решение». В восьмой задаче испытуемый должен был сообщить, с какими выборами стоящих впереди он был бы согласен и против каких выборов возражал бы. В девятой, и последней в данной серии, задаче испытуемого просили высказать мнение о том, с какими выборами согласилось бы большинство участников очереди и против каких возражало бы.

Все девять задач этой серии были взаимосвязаны и дополняли друг друга. Обработка данных была осуществлена по каждой задаче, по их блокам и по всей серии в целом.

Значительной части испытуемых было дано и второе задание. Оно включало набор из 43 суждений, которые сопровождалась ответами: «согласен», «не согласен», «очередь решает». Испытуемый должен был выбрать ответ, отмечая свое согласие или несогласие с приведенным суждением, или отнести решение к «ведению» очереди. Суждения были составлены нами в основном

по материалам наблюдения и высказываниям участников очередей. Часть суждений отражала возможные ситуации в очереди. Были использованы также оценочные суждения и сравнения. В этой книге мы используем лишь ту часть протоколов, где данные по второму заданию оказались полезными и значимыми при обработке решений задач первого задания.

Испытуемые. Описание выборки

В исследовании было роздано 84 бланка с первым заданием серии и 58 — со вторым. По три бланка с заданиями первой и второй серий не были возвращены по неизвестным причинам. Пятеро испытуемых отказались выполнять задания. Формы и обоснования отказов и некоторые дополнительные данные рассматриваются нами далее. Было получено и обработано 76 протоколов первого задания и 50 — второго. Как уже отмечалось, в данной работе специально приводятся данные лишь по первому заданию.

Выборка испытуемых была случайной. Обследование проводилось в течение трех недель. Обработка объективных данных показала, что по ряду параметров выборка вполне приемлема для подобного исследования.

Испытуемые (76 человек) распределились следующим образом:

Пол		Профессия и занятие	
Мужчины	35 человек	Учащиеся	4 человека
Женщины	41 »	Научные сотрудники и аспиранты	25 человек
Возраст		Врачи	6 »
От 15 лет до 21 года	6 человек	Архитекторы, художники	6 »
От 22 до 29 лет	12 »	Переводчики	2 человека
От 30 до 36 »	17 »	Инженеры, программисты	11 человек
От 37 до 49 »	26 »	Служащие (в том числе работники сферы обслуживания)	9 »
От 50 до 60 »	7 »	Производственные рабочие	6 »
Свыше 60 лет	8 »	Пенсионеры и домашние хозяйки	7 »

Среди обследованных 12 супружеских пар. Из 76 испытуемых 68 проживают в Москве более 10 лет. Трое проживало в Москве менее пяти лет. Двое испытуемых оказались приезжими, часто бывающими в Москве у своих близких родственников. Большинство обследуемых проживали в новых районах Москвы.

Таким образом, на основании объективных данных можно было сформировать несколько статистически значимых выборок — по полу, возрасту (например, группа представителей интеллигенции — научные сотрудники, врачи, архитекторы, переводчики) и т. д. Однако в данной работе мы специально обработали данные лишь по выборке мужчин и женщин. Эти группы были выбраны на том основании, что именно в них были получены сопоставимые и значимо различные данные по ряду задач и параметров. В дальнейшем все результаты приводятся для выборки в целом, для группы мужчин и для группы женщин. Мы приводим результаты в абсолютных значениях, так как не считаем необходимым на данном этапе и для данной выборки вычислять проценты.

Как уже было отмечено, испытуемых предупреждали, что обследование анонимно. Однако значительная часть испытуемых была более или менее знакома экспериментатору — сослуживцы, соседи по дому, знакомые. К тому же в ряде случаев бланки заданий заполнялись испытуемым в присутствии экспериментатора, так что исследование нельзя считать полностью анонимным. В то же время отмеченные факторы (личное знакомство и контакт с экспериментатором) могли оказать влияние на результаты, и мы рассматриваем это условие как одну из переменных исследования. Отметим, что в этих условиях появились дополнительные источники информации — поведение испытуемых при решении нормативных задач, некоторые сведения биографического, бытового, поведенческого порядка относительно данного испытуемого и т. д. Таким образом, наряду со статистическими приемами обработки и анализа данных имелись возможности качественного, идеографического, описательного подхода к анализу данных. Но в целом в отношении всей выборки мы старались соблюдать принцип анонимности. Протоколы по мере их поступления нумеровались, и каждому испы-

туемому присваивался порядковый номер — от № 1 до № 84. В дальнейшем под этими номерами испытуемые фигурируют и при качественном, идеографическом анализе.

Включенность. Реакция на задания. Отказы

Под включенностью мы понимаем адекватное участие испытуемого в исследовании, т. е. осуществление им той деятельности и поведения, которые диктуются условиями эксперимента и характером задания, а именно нормативного поведения и решения нормативных задач. Поскольку предварительная инструкция давалась испытуемым с целью замаскировать подлинный характер исследования, констатация включенности испытуемых в реальную ситуацию эксперимента — существенное методическое требование.

Мы считали необходимым выделить несколько стадий или форм включенности. Для их установления мы пользовались особыми эмпирическими показателями, которые были получены при общем контентном анализе данных протоколов. К первой фазе включенности мы отнесли согласие испытуемых принять участие в обследовании. Такое согласие дали фактически все лица, которым были вручены бланки заданий. Вторая фаза включенности — выполнение заданий или мотивированный отказ их выполнять. На этой стадии эмпирическими показателями включенности были высказывания испытуемых о поведении людей в общественных местах и в очереди и проявление испытуемым отношения к объекту как значимому для него самого. Все испытуемые, возвратившие нам бланки заданий (как заполненные, так и не заполненные — таких отказов было, как мы уже отмечали, всего пять) продемонстрировали такую включенность.

Отказ выполнить задание и заполнить бланк протокола не может сам по себе оцениваться как невключенность испытуемого в предъявленное ему задание. Показательны в этом отношении мотивировки отказов. Так, два отказа поступили от супружеской пары пенсионеров. Они возвратили бланки протоколов незаполненными со словами: «Нас эти проблемы очень волнуют. Мы начали вместе читать вопросы и так разволновались, что не смогли ничего написать». Один из

испытуемых отказался выполнить задание, потому что он, по его словам, никогда не стоит в очереди, старается ее избегать. Если же надо сфотографироваться во что бы то ни стало, поедет в другой город, где меньше народу. Испытуемая № 78, просмотрев вопросы, отказалась на них отвечать, но в течение двух часов рассказывала экспериментатору о своих наблюдениях за поведением людей в очереди. Фактически было проведено неформализованное интервью (данные его не учитывались). Последний отказ поступил от испытуемого, который не возвращал протокола свыше трех недель, собирался выполнить задание, но несколько раз приходил к экспериментатору с заявлениями, что это задание очень трудное, что нет объективных критериев для выбора ответов, что его ответы могут быть не так восприняты, что исследование может дать артефакты и т. д. Формального отказа от этого испытуемого так и не произошло. Таким образом, все отказы свидетельствовали именно о включенности испытуемых в выполнение предъявленного задания, по крайней мере на стадии определения для себя значимости проблемы.

При обработке протоколов обследования были выявлены следующие показатели включенности испытуемых в эксперимент: 1) эмоциональное переживание ситуации, описанной в задании (в протоколах содержатся многочисленные «посторонние» записи и заметки; некоторые выборы и задания несколько раз подчеркиваются, некоторые ответы отмечаются восклицательными знаками, вписываются междометия, предлагаются эпиграфы к исследованию и т. д.); 2) принятие проективной ситуации задания и полная идентификация с «героем» эпизода (эта форма включенности проявляется в: а) ориентировке на конкретные условия задачи (так один из испытуемых, № 46, подчеркивает, что в фотоателье никого не пропустит без очереди, а вот в очереди за билетами на поезд пропустит бы человека, который на этот поезд опаздывает); б) ситуация задания предельно «оживляется», наполняется реальными деталями (мы даже обозначили этот тип включенности как «тип Пигмалиона»); в) в реакциях «эйдетического типа», когда при решении очередной задачи испытуемые привлекают дополнительные конкретные условия предыдущих заданий, этот тип включенности мы отди-

чаем от переживания ситуации как «лично-реальной»; 3) реализация в условиях задания личностных установок и прошлого опыта, актуализация которых не предусмотрена экспериментальным заданием (так один из испытуемых при решении второго задания вводит как предпочтительную для себя категорию «своего учителя» и оперирует ею при решении последующих заданий); 4) критическое и ироническое отношение к выполняемым заданиям (при этом следует отметить, что испытуемые адекватно участвуют в эксперименте, решают все задачи и иронизируют не по поводу исследования или своего участия в эксперименте, а по поводу реальных ситуаций и конкретных элементов ситуаций, описанных в прожективной задаче).

Третья стадия включенности характеризуется сложной ориентировочной деятельностью испытуемых в отношении смысла и целей исследования. Мы выделили два типа такой включенности. В первом — испытуемые активно пытаются выяснить у экспериментатора, какова конкретная цель исследования (в группе испытуемых было несколько профессиональных психологов). Испытуемые ищут контекст, фон своей деятельности, они как бы пытаются выяснить, в каком ключе, в каком режиме им следует работать. Так, испытуемая № 62 после беглого общего ознакомления с бланком протокола спрашивает: «Это изучение поведения помощи? Нужно помогать?». Получив неопределенный, уклончивый ответ, который истолковывается ею как отрицательный, с облегчением вздыхает и выполняет задание. (Следует сказать, что эта испытуемая, чувствуя себя как бы «освобожденной» от нормативно заданной экспериментатором и экспериментальным материалом «обязательной» деятельности по оказанию помощи, реализует особый тип ответов на задание — «не пропускает нигде и никого»). Подробнее этот тип поведения рассматривается нами далее.

Испытуемые на этой стадии включенности выясняют для себя, в какой вид деятельности, в какие нормативные условия они должны включиться. К этому типу относится и поиск «правильного ответа». Некоторые испытуемые либо вербализуют настоятельную потребность узнать, «как правильно надо отвечать», либо неосознанно ищут этот «единственно правильный ответ»,

как могли бы искать ответ на задачу, помещенный в конце задачника. Отметим, что в этом случае мы предполагали, что испытуемые неадекватно осознают или понимают специфику нормативной ситуации, а не только нормативной задачи в данном эксперименте. Возможно, эти реакции являются прообразом, моделью обычного поведения этих испытуемых, которые и в реальных условиях привыкли ждать «подсказки» или распоряжения о том, как «надо» поступать в той или иной ситуации.

Другим типом включенности этого уровня мы считаем выработку и последовательную реализацию испытуемыми установки на «относительность» ситуации. Многие испытуемые выбирают такой способ деятельности при решении нормативной задачи, который они считают более «реальным». Они отмечают, что условия задачи должны быть дополнены их личными обстоятельствами — занятостью, усталостью, характеристиками их конкретных знакомых, сослуживцев, которых они пропустили бы, т. е. стараются максимально персонифицировать свое участие в эксперименте и продемонстрировать модель своего поведения в лично-конкретной ситуации. Мы считаем это также поиском ключа или режима деятельности.

Наиболее ярким и поддающимся формальному учету является такой признак включенности испытуемых в выполнение заданий, как обоснование ими своих решений и выборов. Как мы уже отмечали, после каждого задания испытуемому предлагалось («если хотите») обосновать свое решение или выбор. На бланках протоколов для этого отводилось особое место. Но в предварительной инструкции специально оговаривались полная свобода и добрая воля испытуемого в отношении этого пункта задания. Испытуемые могли сами решать, обосновывать или не обосновывать свои решения и выборы. При обработке протоколов мы отмечали сам факт решения испытуемого обосновать свой выбор. Если в протоколе имелось хотя бы одно из девяти «запрощенных» обоснований решений, мы считали, что испытуемый имеет и реализует побуждение обосновать свое нормативное решение и представить свое поведение как нормативное.

Результаты обработки протоколов по этому параметру следующие. В целом по всей выборке (76 человек) 56 давали обоснования принятых решений и сделанных выборов. Из выборки мужчин (35 человек) давали обоснования 29, из выборки женщин (41) 27 обосновывали свои ответы. Мы учитывали также количество обоснований по задачам. В первой задаче свое решение обосновали 20 мужчин и 21 женщина, во второй — 16 мужчин и 13 женщин, в третьей — 17 мужчин и 10 женщин, в четвертой — 15 мужчин и 11 женщин, в пятой — 10 мужчин и 13 женщин, в шестой — 9 мужчин и 3 женщины, в седьмой — 4 мужчин и 7 женщин, в восьмой — 5 мужчин и 6 женщин, в девятой — 8 мужчин и 8 женщин.

На основании данных по этим выборкам можно предположить, что мужчины несколько более активны в отстаивании своего мнения и решения. Показательные результаты в обосновании мужчинами и женщинами предпочтений, оказываемых одному-единственному лицу (свое решение обосновали 17 мужчин, т. е. половина выборки, и лишь 10 женщин — четверть выборки). Еще более существенны различия в обосновании активного выбора и предложения кому-либо пройти без очереди (9 мужчин и лишь 3 женщины). Учитывая количественные различия в выборках (выборка женщин больше в количественном отношении), можно считать, что равное число обоснований было дано в заданиях «негативного» характера (10 мужчин и 13 женщин) обосновали свой отказ пропустить тех или иных лиц при любых условиях и 4 мужчин и 7 женщин — свои возражения в случаях, когда другие участники очереди пропускали кого-либо.

Разумеется, мы не настаиваем на статистической достоверности именно этих отношений, ибо статистически достоверные выборки специально нами не формировались. На данном этапе обследования для нас более существенным был сам факт обоснования большим числом испытуемых (более $\frac{2}{3}$ всей выборки) принятых ими нормативных решений и своего поведения как нормативного и обоснованного. Этот показатель является точно устанавливаемым индикатором полной включенности испытуемых в экспериментальное задание и выполнения ими экспериментального задания именно как

задания нормативного, хотя такой характер задания, возможно, не всегда полностью ими осознается, по крайней мере никогда не вербализуется. Факт такой включенности будет рассмотрен далее при обсуждении результатов обследования.

Следует отметить некоторые формы реакции испытуемых на задачи. Мы выделили пять типов реакций. 1. Значительная часть испытуемых отмечала, что выполнить задание трудно². При этом многие испытуемые не могли и не стремились специально определить и сформулировать причины своих затруднений. 2. Часть испытуемых сообщала о колебаниях при выборе той или иной категории лиц, того или иного ответа. 3. Некоторые испытуемые расценивали задания как игровую ситуацию, говорили, что «вошли в роль», что им было весело отвечать на вопросы и т. д. 4. Незначительное число испытуемых (около 10 человек) считали, что «отвечать легко», но, как и представители других групп, они не формулировали причины. 5. К пятому типу мы отнесли реакции испытуемых — профессиональных психологов, которые стремились давать профессиональные оценки заданию и предлагали помощь в проведении исследования.

Время выполнения задания специально не лимитировалось и не фиксировалось. Сроки заполнения бланков протоколов колебались от 10—15 минут до трех недель. Когда испытуемым, длительно задерживающим протоколы, предлагали отказаться от выполнения задания, они обычно просили « подождать их », заявляя, что они обдумывают ответы, работают и т. д.

Естественно, что быстрее всех выполняли задания те, кто говорил, что «работать легко», а наиболее долго те, кто испытывал колебания. В дальнейшем исследовании целесообразно специально проанализировать поведение и приемы работы «быстро» и «медленно» решающих нормативные задачи испытуемых. Хотя вопрос этот специально не рассматривался, тем не менее наблюдения позволяют предположить, что в группу «быстро» решающих нормативные задачи входят лица,

² Количественные оценки групп испытуемых по типу реакций не рассматривались, хотя этот показатель целесообразно использовать при изучении процессов решения нормативных задач.

которые (1) либо не воспринимают задачу как нормативную и дают необоснованные или случайные решения, (2) либо придерживаются определенной фиксированной системы норм. Для лиц второго типа задача хотя и выступает как нормативная, тем не менее им как бы «заранее известен ответ». Типичная реакция таких испытуемых: «Что же здесь думать и решать — и так ясно, кого надо пропускать». Испытуемые фактически молниеносно выбирают ответ, точнее, применяют принятый ими заранее способ поведения в нормативной ситуации. Экспериментальное задание фактически не является для них «личностной» задачей. Испытуемые, отнесенные к группе «медленно» решающих, всегда определяют экспериментальное задание как «трудную задачу». Они ищут способ решения, постоянно колеблются, меняют подход к задачам, пытаются взвесить все «за» и «против», в их поведении проявляются различные тенденции в обосновании своих выборов. Таким образом, наблюдения показывают, что скорость выполнения задания может быть косвенным показателем специфики процесса нормативного решения. Очевидно, эти данные следует проверить в специальном эксперименте.

В целом в результате эксперимента были получены данные, позволившие выделить некоторые закономерности нормативного поведения и процесса решения нормативной задачи.

2. ТИПЫ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ НОРМАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

**(ОБРАБОТКА РЕЗУЛЬТАТОВ.
ГИПОТЕЗЫ И АНАЛИЗ ДАННЫХ)**

Общая гипотеза исследования была сформулирована нами ранее как теоретическое положение о том, что в социальной ситуации, в ситуации общения люди обычно испытывают побуждение осуществлять нормативное поведение, стремятся представить себе и окружающим свое поведение как нормативно обусловленное и нормативно обоснованное, хотя не всегда осознают и вербализуют это стремление, не осознают, по крайней мере

на уровне самосознания и самооценки, содержание этого побуждения и не квалифицируют сознательно свое поведение именно как нормативное.

Как уже отмечалось, экспериментальные задачи были составлены таким образом, что их подлинная цель и характер маскировались. Чтобы их выполнить, испытуемые должны были осуществить нормативное поведение, решить нормативную задачу (т. е. принимать решения на основе усвоенных или интуитивно реализуемых социальных норм). Дополнительно испытуемым предлагалось («по желанию») обосновать свои решения, объяснить свой выбор и т. д. Как мы уже отмечали, фактически все испытуемые (81 человек), которым были розданы протоколы (даже 5 отказавшиеся выполнять задания), в ответ на поставленную нормативную задачу реализовали различные формы нормативного поведения. В то же время никто из испытуемых, по крайней мере в беседе, в словесном отчете или в другой вербальной форме, не отмечал этого факта, не квалифицировал свое поведение и предъявленную ему задачу как нормативные. Среди испытуемых было 20 психологов — научных работников и аспирантов, которые знали о сфере научных интересов автора как «проблеме социальных норм и нормативной регуляции поведения». Тем не менее эти испытуемые не соотнесли экспериментального задания с работой автора именно в этой области. Они задавали вопросы о том, почему автор занимается изучением поведения в очереди, критиковали автора за якобы «непсихологический» «анкетный» подход к проблеме и т. д.

Таким образом, даже профессиональные психологи не осознавали специфики задания как нормативной задачи и требуемого от них поведения как нормативного.

Испытуемым предоставлялось право по выбору («по желанию») объяснять или не объяснять основания своих решений. Некоторые из них после предварительной инструкции заявляли, что задание выполняют, но объяснять ничего не будут. Мы проверили их протоколы (например, № 25, 63, 65). В этих протоколах, как и в большинстве других, содержится одна или большее число вербальных формулировок, замечаний, заявлений, в которые включены нормативные элементы и собственно

нормативные формулировки и суждения³. Одной из причин, вызывающих стремление «объяснить» и обосновать свое поведение ссылкой на нормы, мораль могло быть желание испытуемых, имевших личные контакты с экспериментатором, «выглядеть в лучшем свете». Действительно, трое испытуемых обращались к экспериментатору с вопросом, что же он сам считает «правильным». Ответы они получили неопределенные. Нами учитывался феномен «ошибки интервьюера». Поэтому мы охотно приняли предложенную двумя лицами помощь в распространении и сборе протоколов. Из общей выборки (84 испытуемых) 38 испытуемых получили инструкции и задания от помощников экспериментатора, им же были возвращены протоколы. Таким образом, мы по крайней мере устранили свое личное влияние на опрашиваемых.

Влияние экспериментатора на процесс реализации испытуемыми побуждения в нормативном обосновании выборов и решении особо проявилось в том, что лица, заполнявшие протоколы в его присутствии, после первого же задания начинали ему объяснять свои действия и обосновывать свои выборы. Большинство заполнявших протоколы в присутствии экспериментатора стремились перевести задание в план словесного обсуждения выборов и общения с ним по поводу обоснования выборов. Это соответствовало нашей второй гипотезе, выдвинутой при теоретической разработке проблемы нормативной регуляции, а именно положению о том, что нормативное обоснование своего поведения складывается у человека в процессе общения (в данном случае испытуемого и экспериментатора), а побуждение к нормативному поведению и нормативному его обоснованию рождается именно в процессе общения людей в нормативной ситуации.

Учитывая эту гипотезу и уже описанные предварительные данные, мы модифицировали процесс выполнения задания некоторыми испытуемыми, превратив его в развернутое, неформализованное интервью, в процесс общения испытуемого с экспериментатором по поводу нормативной ситуации, нормативной задачи. Число протоколов такого рода незначительно и поэтому не может

³ Ивин А. А. Логика норм. М., 1973.

быть статистически обработано, но их качественный анализ был нами проведен. Он показал, что число нормативных обоснований в условиях общения возрастает по сравнению с обычными условиями (заполнение наедине или по крайней мере без экспериментатора) в несколько раз (а то и в 10—20 раз). Фактически каждое задание и даже детали задания нормативно обосновываются. Так, во втором задании при ознакомлении испытуемых (например, испытуемый № 76) с 38 категориями лиц, которые могли бы претендовать на привилегии в отношении нормы очередности, обоснование нормативного (негативного или позитивного) выбора и оценка давались каждой категории. Таким образом, нормативное решение и его обоснование, как и прочие виды психической деятельности, могут протекать как в «свернутой», интериоризированной, так и в «развернутой», экстериоризированной форме.

На основании приведенных данных можно предположить, что возможными условиями экстериоризации и развертывания процесса нормативного решения является степень «реальности», «наличности» для испытуемого ситуации общения и возможность оценивания принятого решения другим лицом. При этом испытуемый делает попытки превратить «свидетеля» в «соучастника» выбора или в «советника», «судью», т. е. стремится вовлечь его в процесс активного нормативного решения. Разумеется, эти положения нуждаются в дополнительной экспериментальной проверке.

Мы уже приводили количественные данные о нормативных высказываниях и обоснованиях выборов, содержащихся в протоколах. Напомним, что испытуемые не были обязаны давать объяснения; они вполне добровольно выбирали, будут ли они обосновывать свои решения или нет. Можно было бы предположить, что подобный выбор все-таки некоторым образом стимулируется самим протоколом задания (в протокол были включены пункты, в которых испытуемым предлагалось «по желанию» дать обоснование). Однако такие пункты-предложения были включены в каждое задание, а, как показали приведенные в предыдущем разделе данные, испытуемые обычно давали обоснования не всем, но лишь некоторым своим выборам. При этом наметилась некоторая закономерность в том, какие выбо-

ры какими группами (мужчинами и женщинами) обосновываются чаще или в равной мере. Таким образом, роль задачи, в которой предлагалось обосновать решение, следует скорее оценить как роль фактора, актуализирующего и направляющего в заданное русло побуждения испытуемых обосновывать свои решения. Подтверждением этого могут быть пожелания испытуемых (которые выслушали инструкцию, но еще не изучили бланк протокола), чтобы им была предоставлена возможность высказать свое мнение «в развернутой форме». Тот факт, что более $\frac{2}{3}$ испытуемых (56 человек из 76) давали нормативные обоснования своих решений в выбранных ими задачах (т. е. тогда, когда потребность в таком обосновании была для них актуальной), равно как и прочие приведенные выше данные, подтверждают на этом уровне исследования сформулированную нами гипотезу.

Следующая общая гипотеза была разработана нами при составлении нормативного задания. Мы уже отмечали, что задачи, предъявляемые испытуемому, не были разрозненным набором, но образовали систему. Мы предложили, что, решая нормативные задачи, испытуемые будут действовать закономерно, реализуя не разрозненный и разнообразный набор норм, применимых в конкретной нормативной ситуации, а систему нормативных установок и систему норм. Система задач была построена таким образом, что, по нашему предположению, позволяла выявить различные типы нормативных систем и нормативных установок испытуемых. Показателями этих нормативных систем и типа нормативного ответа должны были служить ответы на ключевые вопросы блока задач. Подготавливая нормативное задание, мы предварительно выделили несколько типов возможных ответов и ввели условные их обозначения. Испытуемых, в поведении которых проявлялись тенденции реализовать тот или иной тип нормативных решений, мы относили к группе лиц с соответствующей нормативной системой и типом поведения.

Далее мы описываем некоторые типы нормативных систем, которые могут быть актуализированы и реализованы в эксперименте, а также приводим экспериментальные данные о наличии таких нормативных систем и реализации их испытуемыми.

**«Альтруистический» тип поведения,
основанный на абсолютных нормах**

В табл. 1 приводятся возможные ответы, характеризующие указанный тип нормативной системы и нормативные установки.

Таблица 1

**Показатели «альтруистического» типа поведения, основанного
на абсолютных нормах**

Задача	Характер задачи	Типичное решение испытуемого
1-я	Альтернативный выбор	Пропускает обоих
2-я	Предпочтения (общий выбор)	Пропускает любого, кто попросит
3-я	Выбор одного (предпочтительный выбор)	Указывает лицо (или лица), объективно нуждающееся в помощи в данной ситуации
4-я	Выбор троих (оценочный выбор)	Повторяет предыдущий ответ или отказывается от ранжирования
5-я	Абсолютный отказ (негативный выбор)	Заявляет, что таких лиц нет
6-я	Активный выбор	Предлагает сам (лицам, объективно нуждающимся в помощи)
7-я	Отношение к выбору других	Не возражает против выборов, осуществляемых другими участниками очереди
8-я	Отношение к выбору других	Заявляет о своем согласии с выборами других
9-я	Определение мнения очереди	Приписывает участникам очереди свои нормы или заявляет о своей неосведомленности о мнении очереди

До проведения исследования мы считали этот тип абстрактным и не предполагали, что в реальной выборке окажутся испытуемые, полностью его воспроизводящие. Этот тип рассматривался нами как «предельный», «идеальный», к которому, как мы полагали, будут тяготеть в своих ответах некоторые испытуемые. Однако в нашей выборке из 76 испытуемых, двое (мужчины, протоколы № 16 и 40) полностью воспроизвели отмеченные в таблице ответы. Двое других испытуемых (мужчина и женщи-

на, протоколы № 33 и 58) выполнили только две первых задачи, дав ответы, соответствующие этому типу, а от решения последующих задач уклонились, заявив, что «и так все ясно, кого они будут пропускать без очереди — всех и особенно тех, кому надо». Двое испытуемых воспроизвели этот тип ответов с минимальными отклонениями (женщины, протоколы № 55 и 67)⁴. Таким образом, из всей выборки (76 человек) 6 испытуемых (3 мужчин и 3 женщины) воспроизвели «альтруистический» тип нормативных ответов, основанный на абсолютных нормах. Хотя процент этих испытуемых (менее 10) от всей выборки мал, тем не менее, с нашей точки зрения, можно выделить особую группу людей, реально относящихся к этому типу.

5 из 6 испытуемых, которые дали ответы по этому типу, принадлежали к возрастной группе 45—55 лет и лишь 1 — к возрастной группе 22—29 лет. Среди этих шести были научные работники (4), врач и архитектор. 5 имели детей, все проживали в Москве более 10 лет.

Испытуемые были лицами, с которыми экспериментатор контактировал в обычной жизни (знакомые или сослуживцы). Они не предупреждали, что необходимо сохранять анонимность их ответов. При качественном анализе их нормативных решений мы располагали дополнительной информацией: наблюдением за их поведением в реальных нормативных ситуациях, а также некоторыми биографическими и прочими сведениями о них. Из этих данных (которые следовало бы подробнее осветить в идеографическом описании нормативного поведения) мы приведем лишь некоторые сведения биографического порядка о двух испытуемых, полностью воспроизведших этот «идеальный тип» нормативного поведения. Они происходили из семей общественных и научных деятелей, семей с гуманистическими традициями, оба были научными работниками гуманитарного профиля. Оба имели детей. Их нормативное поведение в разнообразных реальных ситуациях, по нашим наблюдениям, соответствовало типу нормативного поведения, воспроизведенному ими в эксперименте. В неформальной беседе эти испы-

⁴ Ответы испытуемой № 55 следует оценить как реализацию усвоенных норм «альтруистического» типа и выражение личного отношения к этим нормам (как принудительным, которые выполняются, но «с сожалением»).

туемые сообщили, что фактически редко оказываются в каких-либо очередях. Следует отметить, что в своих ответах и обоснованиях они проявили большую «свободу» в освоении экспериментальной задачи и как бы «стали над ситуацией», что отразилось в их ироническом отношении к ситуации (у испытуемого № 40) и в стремлении расширить круг предпочитаемых лиц (испытуемый № 16 отметил, что нельзя выбрать кого-либо одного, так как «реально нуждающихся в помощи больше», он предложил бы пройти без очереди многим).

Мотивировки и обоснования нормативных решений у испытуемых, воспроизводивших этот тип ответов, были существенно различными. Так, испытуемая № 33, решившая лишь часть задания, объяснила свои ответы тем, что у нее еще будет время сфотографироваться «в другой день». Испытуемая № 55 указала, что пропускает всех, кто попросит, но лишь «в силу привычки уступать просьбам», хотя может об этом молча сожалеть. В этих высказываниях мы усматриваем тенденцию «снизить» пафос абстрактно-гуманистических устремлений или за счет самокритики, самообвинения и «разоблачения» своих «корыстных побуждений», или за счет привлечения кажущихся реальными «бытовых» обоснований. Это предположение подтверждает, на наш взгляд, ответы испытуемых по второму экспериментальному заданию (определение согласия с набором нормативных суждений). Испытуемая № 55 тщательно обосновывала каждый свой ответ по второму заданию, ее ответы полностью соответствовали нормативной системе «альтруистического» типа, основанного на абсолютных нормах. То же самое наблюдалось и в ответах испытуемой № 67 на вопросы второго задания. Сопоставив результаты обоих заданий, мы считаем возможным отнести нормативное поведение испытуемых № 33, 55, 67 к данной группе, хотя в их ответах при выполнении первого задания были некоторые отклонения от этого типа (в «выборе троих» и при «негативном выборе» ответы испытуемых скорее ситуативны, чем основаны на абсолютных нормах).

**«Формально-эгалитарный тип»
(отрицающий привилегии и ориентированный
на «формальное равенство»)**

В табл. 2 приводятся возможные ответы, характеризующие этот тип нормативных установок и нормативного поведения.

**Таблица 2
Показатели «формально-эгалитарного» типа**

Задача	Характер задачи	Типичный ответ
1-я	Альтернативный выбор	Не пропускает никого
2-я	Предпочтения	» » »
3-я	Выбор одного	Не выбирает никого
4-я	Выбор троих	» » »
5-я	Негативный выбор	Заявляет, что никого не следует пропускать
6-я	Активный выбор	Никому сам не предлагает
7-я	Отношение к выбору других	Возражает, если другие участники очереди кого-либо пропускают
8-я	Отношение к выбору других	Отмечает, что ни с кем не согласен
9-я	Мнение очереди	Считает, что все участники очереди были бы согласны никого не пропускать или выражает безразличие к мнению очереди

До исследования мы считали «формально-эгалитарный» тип нормативных систем, как и первый, абстрактным и намерены были использовать его как полярный, «предельный», «идеальный». Однако в реальной выборке из 76 испытуемых 4 человека (3 мужчин и женщина) в своих ответах полностью воспроизвели указанные в табл. 2 типичные ответы (протоколы испытуемых № 15, 46, 49 и 62). В ответах троих испытуемых (одного мужчины и двух женщин) наблюдалась тенденция давать ответы, близкие к указанным (№ 34, 45 и 56). Таким образом, из выборки в 76 человек 7 испытуемых в своих ответах отрицали чьи бы то ни было привилегии и ориентировались на формальное равенство. Хотя процент таких испытуемых мал (10 от всей выборки), поведение и нормы их

специфичны, и мы считаем возможным рассматривать этих лиц как самостоятельную группу с определенной нормативной системой.

3 из 7 испытуемых этой группы принадлежали к возрастной категории 30—36 лет, 2 — 37—49 лет и 2 — к категории 50—60 лет. В эту группу вошли научные работники и преподаватели вузов (3 человека), инженер, архитектор, военнослужащий и врач. В группе оказалась одна супружеская пара. 6 испытуемых имели детей. Все проживали в Москве более 10 лет. Некоторые испытуемые этой группы были знакомы экспериментатору. Сопоставляя их ответы с наблюдениями за их реальным поведением и высказываниями, мы пришли к выводу, что эти люди последовательны в осуществлении своих нормативных установок и реализации нормативных систем. Однако до проведения опыта мы не могли выделить и обозначить основные характерные черты этих систем.

Отметим некоторые особенности поведения и ответов испытуемых группы «формально-эгалитарного» типа поведения. Не все испытуемые четко формулируют свои позиции, настаивают и отстаивают их. Трое из семи откровенно декларируют свои взгляды. Испытуемый № 15 в задаче «выбор одного», подчеркивая, что не выбирает никого, добавляет: «Сделаю вид, что никого не заметил». В задаче «выбор троих» он же помечает: «Много их!», а при негативном выборе (задача «полный отказ») пишет: «Всем» и подчеркивает ответ. В задаче «активный выбор», отмечая, что «никому не предложил бы» пройти без очереди, добавляет: «Ни за что». В задаче на выявление отношения к выборам других участников очереди пишет: «Если бы мог, никого бы не пропустил». В последней задаче, где требовалось высказать предположение о согласии участников очереди с решением данного испытуемого, этот испытуемый пишет: «В глубине души все были бы согласны с моим решением». Испытуемый № 46 в задаче «выбор одного» отмечает, что «скорее сам ушел бы из очереди, чем пропустил кого-нибудь». В задаче на определение своего отношения к выборам других, помимо ответа «не согласен», добавляет: «Ни с кем».

В ответах этих испытуемых можно заметить как бы две тенденции. Последовательно реализуя свои нормативные установки и нормативные системы, они в то же

время фактически отмечают, что их ответы либо более откровенны, чем возможные ответы других (см., например, ответ испытуемого № 15 о мнении большинства участников очереди), либо могут быть изменены другими участниками очереди (ответ испытуемого № 15: «Если бы мог»; ретритистский ответ испытуемого № 46: «Скорее сам бы ушел»).

Мы уже отмечали особенности поведения испытуемой № 62, предварительно выяснявшей, не является ли это обследование изучением поведения помощи. Она истолковала ответ экспериментатора как отрицательный и лишь после этого выполнила задачу по типу «отрицания привилегий и ориентировки на формальное равенство». У нас сложилось впечатление, что при ином ответе экспериментатора или при ином истолковании ответа испытуемая могла бы реализовать иной тип нормативного поведения. После выполнения задания эта испытуемая старалась выяснить характер своих ответов. Экспериментатор ей сообщил, что она осуществляла нормативное поведение по типу «отрицания привилегий и ориентировки на формальное равенство». Испытуемая удовлетворенно согласилась с тем, что ей присуща такая нормативная установка. Трое мужчин, продемонстрировавших полное воспроизведение «идеального» типа, имели некоторые сходные объективные характеристики: например, сходный возраст (двое — 33 лет, один — 37 лет). У всех их были благополучные семьи, все они имели детей (по одному), занимали устойчивое служебное положение (достаточно высокое для их возраста). Дополнительные наблюдения показали обычно присущую им активность в решении бытовых проблем, уверенную манеру держаться. На основании этих данных можно было бы предположить, что мы имеем дело с определенным «мужским» стереотипом. Однако наиболее «чистый» (без малейших отклонений от «идеального») тип ответов был продемонстрирован женщиной (испытуемая № 62). Кроме того, в группе оказались еще две женщины, продемонстрировавшие небольшие отклонения от «чистого» типа. На основании дополнительного анализа их ответов, обоснований и замечаний, содержащихся в их протоколах по второму заданию (определение согласия с набором нормативных суждений), мы сочли возможным отнести их к данной группе.

Трое испытуемых проявили отклонения от идеально-

го типа при выполнении не более двух задач и были отнесены к данной группе. Характер отклонений у всех троих был одним и тем же — они «отступили» от своих нормативных установок и нормативных систем в личностно-значимых для них ситуациях. Испытуемый № 56 сделал исключение «для привлекательной студентки», отказавшись пропустить «своих» (он написал «ваших») — учительниц, врачей и работников ЖЭК). Испытуемая № 45 предпочла пропустить без очереди «учительницу своего ребенка», пометив, что в противном случае та «ославит на весь свет и ее, и ребенка», хотя, по ее мнению, «очередь бы возражала». Испытуемая № 34 пропустила бы «инвалида», но только «если тот ее очень вежливо попросит» (один из членов семьи этой испытуемой — инвалид первой группы).

Итак, первоначально, до проведения исследования, мы выделили два «идеальных» типа нормативного поведения и нормативных систем, полярных по реакциям испытуемых на нормативную ситуацию. Обработка данных исследования показала, что оба типа могут быть выявлены реально. В выборке из 76 человек 13 или полностью, или с несущественными отклонениями реализовали один из двух полярных типов нормативного поведения, причем обе группы были примерно равными (напомним, 6 и 7 человек).

Мы специально привели основные объективные данные, содержащиеся в протоколах этих лиц. Обе группы оказались по формальным, учетным, показателям «близнецами». И тем не менее испытуемые этих групп реализовали полярные нормативные системы. Грубо говоря, одни пропускали без очереди «всех», «любого», другие — «никого». Фактически и те, и другие реализовали нормативные системы «равенства». Но испытуемые первого типа либо учитывали фактическое неравенство людей по объективным показателям, либо признавали права и привилегии других по сравнению с собой (исключения были сделаны испытуемыми лишь для двух категорий лиц, в том числе для категории «человека, которого рекомендует пропустить администратор»). Испытуемые второй группы отрицали чьи бы то ни было привилегии на право нарушать норму очередности, в том числе и привилегии лиц, объективно испытывающих трудности (исключения они сделали лишь для лиц, которые находи-

лись в ситуациях, значимых для того или иного испытуемого этой группы), полностью ориентировались на «формальное равенство» и формальное исполнение нормы.

Для испытуемых первой группы было характерно некоторое отстранение от ситуации, они как бы вели отчет от объективных показателей. Испытуемые второй группы исходили из своих прав, сравнивали возможных претендентов на привилегии с собой (показательны ответы испытуемой № 34: «Пропущу старше себя или более большого, чем я; того, кто попросит очень вежливо» и т. д.). Испытуемые первой группы не стремились специально обосновать свое поведение, считали его фактически очевидным. Испытуемые второй группы считали, что они могут встретить возражения со стороны других участников очереди, что последние менее искренни, чем они, и т. д. Различия в поведении и личностных характеристиках испытуемых этих двух групп, несмотря на их полное сходство по объективным учетным характеристикам, позволяет говорить о том, что тип нормативного поведения (по крайней мере это устанавливается на данном уровне эмпирического исследования) прямо не зависит от тех объективных характеристик, которые обычно учитываются в эмпирическом социологическом и социально-психологическом обследованиях. Отметим, что это положение подтверждает одну из наших гипотез, сформулированных на теоретическом уровне, а именно: существуют самостоятельные социальные группы, мало коррелирующие с прочими макросоциальными группами (половозрастными, профессиональными и др.) и характеризующиеся общими или сходными нормативными системами и установками.

Планируя исследование, мы допустили возможность появления и другой пары полярных типов, которые условно обозначили как «конформный» (3) и «селективный» (4). Мы предположили, что поведение испытуемых будет неодинаковым по числу осуществляемых ими выборов и предпочтений и что различные количественные показатели будут связаны с качественными отличиями. Ключевой при определении этих типов была вторая задача, в которой испытуемые должны были выделить из большого числа категорий лиц тех, которым они могли бы оказать предпочтение, за кем признавали бы привилегии в отношении нормы очередности.

«Конформный» тип поведения при решении нормативной задачи

Мы предположили, что сравнительно большая группа испытуемых при определении своего отношения к притязаниям разных категорий лиц на право привилегии склонна будет признавать такое право за большим числом заявителей. Испытуемые этой группы должны заявить о согласии с большим числом обоснований, которые могут дать представители этих категорий. Обоснованием мы считали уже сам характер категории (например, оказание предпочтения «женщине, которую дома ждут дети» предполагало конформность испытуемого, пропускающего это лицо, к нормам: «Женщина не должна оставлять детей», «Детей нельзя оставлять одних без присмотра» и т. д.).

Задача, при решении которой производился учет числа согласий или предпочтений, включала 38 категорий лиц, количество согласий показывало степень конформности испытуемых к разнообразным нормам, в соответствии с которыми следует оказывать предпочтение лицам, относящимся к предъявляемым категориям. При определении «конформного типа поведения» мы не рассматривали характер категорий и норм, связанных с ними. Учитывалось лишь общее число выборов. Первоначально в качестве меры — показателя конформности мы намерены были взять 19 выборов (половину от общего числа предъявленных категорий). Однако при ознакомлении с протоколами пришли к выводу, что можно снизить «порог конформности» и что таким порогом можно считать 10 выборов, так как именно при этом числе выборов в поведении и решениях испытуемых могут быть выявлены некоторые качественные особенности. Поведение испытуемых, делающих во второй задаче 10 выборов и более, мы расценивали как «конформное» нормативное поведение. Количественные данные относительно конформного типа поведения приводятся в табл. 3.

Наибольшее число выборов (31) было у испытуемого № 37. Однако этот испытуемый не пожелал выбрать «Любого, кто попросит», так что, вероятно, невыбранные им семь категорий имели для него особый смысл и расценивались негативно.

Из всей выборки было отнесено к «конформному» типу поведения 17 испытуемых (7 мужчин и 10 женщин).

Таблица 3

Показатели «конформного» типа нормативного поведения

Степень конформности	Число выборов	Число испытуемых		
		по всей выборке	мужчин	женщин
1-я	16 и более	5	3	2
2-я	10—15	12	4	8
Всего		17	7	10

При этом мы учитывали не конформность к какому-либо специфическому виду норм, но общую тенденцию принимать нормы, имплицитно связанные с выбираемыми этими испытуемыми категориями. Выборы этих испытуемых отличались от выборов прочих испытуемых. Категории «человек, рекомендованный администратором» и «знакомый продавец из соседнего магазина» были для всей выборки испытуемых «неодобряемыми».

Первая из упомянутых категорий занимала первое место по числу негативных выборов — 22 испытуемых из 76 «ни при каких обстоятельствах» не пропустили бы без очереди этого человека. 7 испытуемых из всей выборки ни при каких обстоятельствах не пропустили бы представителя второй упомянутой категории. Из всей выборки по всем заданиям 24 испытуемых отвергли представителя первой категории и 14 — представителя второй. По второму заданию лишь 7 испытуемых (мужчина и 6 женщин) выбрали представителя первой категории и 6 (4 мужчин и 2 женщины) — представителя второй категории. Существенно, что из семи испытуемых, выбравших представителя первой категории, 5 (мужчина и 4 женщины) попали в группу с «конформным» типом поведения.

Категория «человек, рекомендованный администратором» была выбрана испытуемыми, согласными пропустить без очереди от 10 до 16 категорий лиц (а среди мужчин эта категория была выбрана испытуемым, «пропустившим» представителей 31 категории). Двое испытуемых, выбравших эту категорию и не попавших в груп-

пу с «конформным» типом поведения, делали во второй задаче менее 10 выборов, но в других задачах. Этого обследования и во второй серии задач высказывали суждения, которые расценивались как «конформные».

Таким образом, можно считать, что категория «человек, которого рекомендует пропустить администратор», является ключевой при определении «конформного» типа поведения испытуемых. Очевидно, нормы, имплицитно связанные с этой категорией, оказываются полностью приемлемыми лишь для тех, кто проявляет общую тенденцию к «конформному» поведению. Показательные данные испытуемой № 55 (отнесенной к типу «альтруистического» поведения). Она во второй задаче специально не выделила этой категории, но отметила, что «пропустит любого, кто попросит». В задаче же «активный выбор» она отметила, что «сама предложит» пройти без очереди этому лицу, хотя мнение очереди определила следующим образом: «Очередь будет возражать против этого лица». Мы наблюдаем здесь своеобразный конфликт норм: испытуемая активно выбирает «человека, которого рекомендует пропустить администратора», хотя и знает, что другие участники очереди придерживаются других норм и оценок (нам представляется существенным, что эта испытуемая сама занимает административный пост в учреждении).

Второй ключевой категорией при определении тенденции испытуемых к «конформному» типу поведения была категория «знакомый продавец из соседнего магазина». Она оказалась более значимой при определении поведения мужчин. Среди женщин эту категорию выбирали лишь 2 испытуемых, при этом одна испытуемая (№ 7) выбрала ее среди прочих 16 категорий, т. е. в рамках «конформного» типа поведения, а вторая (№ 28) включила ее в девять своих выборов, т. е. формально не вошла в группу лиц «конформного» типа поведения, но «не добрала» до этого лишь одно очко. Среди мужчин все 4 испытуемых, выбравших данную категорию, в эту группу вошли (т. е. включили эту категорию в общее число выборов от 10 до 31). В отличие от первой ключевой категории эта категория связана, на наш взгляд, с нормами, имеющими более узкий диапазон действия, охватывающими сферу бытового поведения, тогда как нормы,

связанные с первой категорией, более генерализированы и могут использоваться в широкой сфере как бытового, так и профессионального поведения. Именно в этом мы видим причины различия в выборе этих категорий мужчинами и женщинами. Отсутствие позитивных выборов этих категорий и негативное отношение к ним со стороны представителей всей выборки (за исключением отнесенных по количественным показателям к группе лиц «конформного» типа поведения) являются, на наш взгляд, качественными показателями полярного типа поведения и косвенным подтверждением реальности выделенной группы лиц «конформного» типа нормативного поведения.

«Селективный» тип нормативного поведения

Этот тип был намечен нами как полярный «конформному» по количественным показателям. Мы предположили, что среди всей выборки будет значительное число лиц, которые во втором задании выберут небольшое число категорий. Учитывая характеристики категорий, мы считали возможным отнести к этому типу испытуемых, которые во второй задаче делали бы от одного до четырех выборов. Эти границы мы определили на том основании, что по крайней мере четыре категории лиц, включенных в общий список, объективно могли претендовать на привилегии в отношении нормы очередности (на основании показателей возраста, здоровья и т. д.), и испытуемые «имели право» избирательно выделить их всех. При определении нижней границы (одного выбора) мы не учитывали выбор категории «любой, кто попросит» и ответа: «Никого из этого списка не пропущу», так как эти выборы были использованы в качестве ключевых при определении поведения первого и второго типов. Результаты обработки протоколов по этим показателям «селективного» типа приведены в табл. 4.

28 испытуемых из всей выборки (14 мужчин и 14 женщин) принимали во втором задании селективные решения (из 38 категорий лиц выбирали от 1 до 4).

Мы попытались выяснить, не случайны ли эти их селективные решения, и предприняли контентный анализ, а также группировку категорий лиц, которые предпочитались членами этой группы. Нами было выделено пять видов категорий, которые избирательно предпочитались

Таблица 4

Показатели «селективного» типа нормативного поведения

Степень селективности	Число выборов	Число испытуемых		
		по всей выборке	мужчин	женщин
1-я	1	8	3	5
2-я	2—3	13	8	5
3-я	4	7	3	4
Всего		28	14	14

Таблица 5

Предпочтения при «селективном» типе нормативного поведения

Предпочтения	Число выборов		
	по всей выборке	мужчин	женщин
Объективные основания привилегии	18	6	12
Родственные отношения	7	3	4
Отношения знакомства	7	5	2
Категории, связанные с личными установками и прошлым опытом испытуемого	14	10	4
Эмоциональные отношения, ситуативные решения	11	6	5

лицами, осуществляющими «селективный» тип нормативного поведения. Результаты приводятся в табл. 5.

Из 38 категорий, которые предъявлялись испытуемым, при селективном типе поведения использовалось лишь 18 категорий у мужчин и 10 категорий у женщин, т. е. испытуемые этой группы осуществляли выбор не из 38, а из 20 категорий (сумма неповторяющихся категорий в группах мужчин и женщин). Селективный выбор у мужчин «богаче», чем у женщин, но мужчины, как и женщины, повторяют выбор некоторых категорий. Существовавшие, что категории лиц, выбранные при выполнении

второй задачи, «обыгрываются» и в последующих задачах — при «выборе одного» (выбор обычно осуществляется из одной селективно выделенной категории), «троих», при «активном выборе» и т. д. Эти данные, на наш взгляд, подтверждают, что выделенная группа испытуемых последовательна в осуществлении «селективного» типа нормативного поведения.

Испытуемые этой группы в первых же задачах ограничивают, сужают круг лиц, за которыми они могли бы признать привилегии, т. е. фактически ограничивают набор норм, которые оказываются для них актуальными и значимыми, и в дальнейшем при нормативных решениях ориентируются именно на этот набор.

Примером «селективного» типа нормативного поведения является выбор категории «родственники». Установка на оказание предпочтения «родственнику» обычно прослеживается у испытуемых, делающих такой селективный выбор, при выполнении всех задач. Так, испытуемая № 61 во второй задаче из 38 категорий выбирает лишь одну — «родственники». При «выборе одного» она также отдает предпочтение родственнику, только ему одному она сама предложила бы пройти без очереди и выражает согласие с тем, чтобы другие участники очереди пропустили без очереди своих родственников. Диапазон предпочтений у этой испытуемой ограничен. При «выборе троих» она могла бы пропустить «инвалида» и «женщину с ребенком», а другим участникам очереди разрешила бы пропустить «инвалида» и «человека, которому стало плохо в очереди». Расширение диапазона предпочтений осуществляется ею как бы исподволь, под давлением объективных обстоятельств — факторов здоровья и традиционной нормы предпочтения, оказываемого «женщине с ребенком». Аналогично испытуемая № 3, выполняя вторую задачу, выбирает только категорию «родственники», сужая ее далее и выбирая только одного «родственника» — своего мужа. При «выборе одного» и «троих» она также отдает предпочтение категории «родственники». Испытуемая уверена в распространенности принятой ею нормы и, определяя мнение очереди, считает, что очередь согласилась бы, если бы она пропустила «родственника» и возражала бы против всех остальных.

Однако, как явствует из данных, полученных в опыте, лишь двое из всей выборки считали, что очередь

не стала бы возражать против предпочтения родственника, а двое высказали противоположное мнение. Селективный выбор распространяется и на саму категорию «родственники». Лишь некоторые испытуемые, например № 31, обобщают эту категорию и отмечают, что пропустили бы без очереди любого родственника. Большинство выделяет близких родственников, а ряд испытуемых — лишь одного. Так, испытуемый № 18 пишет, что пропустил бы свою мать. Он выбирает ее и при «одном выборе», и при «активном выборе». Этот испытуемый женат немногим больше года, а его жена ждет ребенка. Обстоятельства его личной жизни сказались не на выборе категории «родственники», а проявились в превращенной форме: второй селективный выбор этого испытуемого — категория «молодожены, желающие заказать свадебную фотографию» (категория, выбираемая сравнительно редко и всегда по особым обстоятельствам и с особым обоснованием). При «выборе троих» и при «активном выборе» испытуемый оказывает предпочтение наряду с матерью «женщине с ребенком». Этот случай мы считаем показательным в плане проявления некоторых закономерностей актуализации норм. Очевидно, нормы, связанные с предпочтением всем остальным лицам матери, для этого испытуемого абсолютны и устойчивы, а нормы, связанные с предпочтениями, оказываемыми жене, актуализировались для него в модифицированной, превращенной, обобщенной и символической формах. Форма их актуализации, очевидно, была связана с ориентацией на личностно-значимые для данного испытуемого ситуации (недавняя свадьба и ожидание появления ребенка).

Отметим также, что выбор категории «родственники» осуществляется не только как селективный, но и в ряду с выборами других категорий. В этом случае целесообразно использовать эту категорию в наборе категорий, определяющих иные типы нормативного поведения — поведения, ориентированного на предпочтение «знакомых», и поведения, ориентированного на реализацию отношений «зависимости и взаимозависимости». Рассмотрим эти типы.

Тип поведения, ориентированного на нормы предпочтения «знакомых»

При подготовке исследования мы предположили, что определенная группа испытуемых при осуществлении нормативных выборов и нормативных решений в заданной прожективной ситуации будет оказывать предпочтение «знакомым». В список, предъявляемый во второй задаче, было включено 11 категорий лиц, с которыми испытуемый мог оказаться в различной степени и форме знакомства — лично знаком, имел деловые и бытовые контакты, случайно знаком и т. д. К ним относились категории «любой знакомый», «сосед по дому», «сослуживец», «знакомый продавец из соседнего магазина», «участковый врач», «учительница ребенка». Первоначально мы были намерены также проверить наличие и сохранность некоторых стереотипов и норм городского поведения, например ввести категорию «проживающих на той же улице» или «в том же дворе». Норма, требующая оказания предпочтения такому человеку, была широко распространена в свое время в районах «старой Москвы». Однако при подборе испытуемых мы установили, что большинство из них — жители новых районов, где, разумеется, этот стереотип не может быть сохранен. Поскольку переменная случайного, «шапочного» знакомства была нам необходима, мы ввели такие категории, как «человек, знакомый в лицо» и «проживающий в том же микрорайоне». (Забегая вперед, отметим, что к первой из этих категорий испытуемые относились либо нейтрально, либо негативно, а вторую выбрал лишь один, продемонстрировавший крайний случай «конформного» поведения — 31 выбор из 38 предъявленных категорий). При определении описываемого типа поведения мы оценивали наличие или отсутствие в выборах испытуемых по второму заданию (выбор из 38 категорий) указанных 11 категорий. Результаты приводятся в табл. 6.

Из всей выборки испытуемых 56 человек оказывают предпочтение по крайней мере одной из категорий «знакомых». Если в качестве единственной категории из этих 11 фигурировала категория «родственники», мы в данной группе не учитывали протоколы таких испытуемых. Но если испытуемые выбирали одну из специаль-

Таблица 6

Показатели поведения, ориентированного на предпочтение «знакомых»

Число выборов по II категориям «знакомых»	Число испытуемых		
	по всей выборке	мужчин	женщин
1—2	13	6	7
3—4	10	4	6
5—6	10	4	6
Свыше 6	4	2	2
Нет этих выборов	20	10	10

ных категорий «знакомых», например «приятеля» или «соседа по дому», мы не считали возможным игнорировать этот выбор и расценивали его как ориентировку на нормы предпочтения знакомому. Наиболее значимы многократные выборы категорий «знакомых». Мы учитывали число испытуемых, осуществлявших четыре и более выбора категорий этого блока. Таких испытуемых оказалось 17 (7 мужчин и 10 женщин). Четыре выбора как нижняя граница при определении этого типа поведения использовались на том основании, что любые виды и формы знакомств были представлены не более чем тремя категориями и выбор четырех означал, что опрашиваемый оказывает предпочтение не особым категориям лиц (например, «врачам» или «сослуживцам»), а выделяет для себя как значимый общий показатель этих категорий «знакомство и контакт».

Косвенным подтверждением специфики типа поведения, ориентированного на нормы предпочтения «знакомых», служит наличие большого числа протоколов (10 мужчин и 10 женщин), в которых полностью отсутствовали выборы этих категорий. Можно считать, что эта группа испытуемых осуществляет полярный описываемому тип поведения с нейтральной или в некоторых случаях негативной установкой на нормы предпочтения «знакомых».

Представляется важным, что значительное число испытуемых (6 мужчин и 5 женщин), выбирающих категории «знакомые», возражают при выборе категорий «знакомые» другими участниками очереди. Иногда этс

выражается в общей форме запрета, возражения против выбора другими участниками очереди «любого знакомого», иногда — в запрете выбора некоторых категорий «знакомых». Особенно часто называются категории «знакомый продавец» (5 женщин и мужчина) или «приятель» (3 мужчин и женщина). Некоторые испытуемые этой группы отдают себе полный отчет в неравноценности прав выбора, приписываемых себе (считают, что имеют право и осуществляют выбор «знакомых») и другим участникам очереди (отказывают им в праве пропускать без очереди их «знакомых»). Отмечая этот факт, они тем не менее никак не обосновывают подобные решения.

Различные категории «знакомых» выбираются с различной частотой. Наиболее предпочитаемыми были категории «приятель» (26 выборов по всей выборке) и «сослуживец» (24 выбора), т. е. категории лиц, с которыми осуществляются множественные контакты. К «отвергаемым» была отнесена категория «знакомый в лицо» (все-го три выбора), предполагавшая случайный контакт.

Если в задачах «на предпочтение» категории «знакомых» выбираются очень часто, то в задачах, предполагающих более дифференцированный и более строгий оценочный подход, намного реже. Так, при «выборе одного» был сделан лишь один выбор «знакомого» («приятеля»). При «активном выборе» по два выбора получили «приятель» и «врач» (подчеркнем, что испытуемые выбирали «врача», а не «участкового врача», как предлагалось в задании) и один выбор выпал на долю «учительницы ребенка». В 13 случаях испытуемые отмечали, что категория «знакомые» не будет одобрена другими участниками очереди.

В высказываниях некоторых испытуемых проявилась тенденция обосновывать свои выборы «знакомых» прежде всего нормами взаимопомощи и взаимности («реципрокности»).

«Реципрокный» тип нормативного поведения

В ряде работ зарубежных авторов, посвященных поведению помощи и нормам, регулирующим такое поведение, значительное место занимают исследования реципрокных норм. В этих исследованиях подчеркивается, что реципрокные нормы, или нормы взаимной зависи-

мости, строятся по типу норм «я — тебе, ты — мне». Мы считаем необходимым отличать собственно реципрокные отношения взаимной зависимости от всевозможных зависимых отношений. Нормы реципрокных взаимозависимых отношений отличаются от норм, регулирующих «зависимое» нормативное поведение. Реципрокные нормы не предполагают непосредственной зависимости человека от лица, которому оказывается помощь или услуга. Будучи всегда нормами, регулируемыми «договором», они подразумевают равноценные услуги, помощь, обоюдывгодные отношения одного и того же плана, взаимные услуги и равноценную взаимную зависимость. Нравственная оценка этих норм как позитивных или, наоборот, негативных факторов, определяющих приемлемое или нежелательное поведение человека, зависит от содержания этих норм, от того, в какой области и сфере они используются, какие услуги и взаимные зависимости они предполагают.

В обследуемой выборке испытуемых мы могли выявить очень незначительное число актов поведения, выборов и обоснований, в которых испытуемые прибегали к нормам реципрокности. Приведем два примера явных норм реципрокности, наблюдавшихся в нашем исследовании. Испытуемый № 30 (младшая возрастная группа) при выборке из 38 категорий лиц осуществляет селективный выбор (две категории), в том числе отдает предпочтение «приятелю». При «выборе одного» он также отмечает «приятеля», поясняя, что принимает такое решение, надеясь, что тот поступит по отношению к нему самому когда-нибудь также. Этот испытуемый не стал бы возражать, если бы и другие участники очереди пропускали «своих приятелей», он полагает, что большинство их не будет возражать против такого выбора. Таким образом, реципрокная норма в отношении предпочтения «приятеля» представляется ему фактически «всеобщей» и приемлемой для большинства членов данной популяции. Следует отметить, что этот испытуемый в первой задаче принимает решение пропустить без очереди обоих заявителей («женщину с ребенком» и «инвалида»), потому что сам-то он уж как-нибудь прошмыгнет, а этих вроде бы надо пропустить «из чисто христианских побуждений».

Формулировка, включающая намеренное «снижение» альтруистических мотивов, не изменяет чисто альтруи-

стического характера нормативного решения, что подтверждается при «выборе трюх» этим испытуемым (он сюда включает «пожилого человека») и его согласием с выборами других (где отмечается «очень пожилой человек» и «больной»). Таким образом, использование реципрокной нормы в отношении «приятеля» сочетается с альтруистическими мотивами и установкой на оказание помощи реально нуждающимся в ней лицам. При таком сочетании следует соотнести причины реализации указанной реципрокной нормы с характерологическими особенностями испытуемых данной возрастной группы.

Категория «приятель» имеет особое значение для молодых людей (15—20 лет); реципрокные нормы во взаимоотношениях с приятелями — типичные нормы молодежной субкультуры. Действительно, никто из испытуемых других возрастных групп, выбирающих эту категорию, не обосновывает свой выбор реципрокными нормами. Более того, допуская для себя возможность предпочтения этой категории, некоторые (например, № 54 и 70) не согласны с выборами этой категории другими участниками очереди, т. е. не признают эту норму всеобщей и не рассчитывают на ее применение к себе.

Испытуемая № 76 объясняет нормой реципрокных отношений свой выбор категорий «сосед по дому» и «сослуживец», поясняя, что эти лица реально ей помогают и оказывают ей те же услуги, какие она может оказать им. Аналогично устное высказывание испытуемой № 2. Испытуемая № 76 своеобразно использует норму реципрокности в отношении поведения других лиц. При оценке категории «человек, которого рекомендует пропустить администратор», она заявляет, что пропустить такое лицо можно лишь в том случае, если администратор сам займет очередь и на свое место поставит этого, «рекомендуемого» им человека.

При анализе остальных протоколов мы не обнаружили явных или латентных указаний на использование испытуемыми норм реципрокности в чистом виде. Ситуация прожективного задания не только не исключала, а, наоборот, имплицитно включала условия актуализации этих норм (что показали приведенные нами примеры). Мы приходим к выводу, что большинство испытуемых в данной ситуации не ориентированы или по крайней мере не актуализируют нормативного выбора, основанного на

собственно реципрокных нормах, а некоторые используют их специфическую модификацию — нормы зависимых отношений.

Тип «зависимого» поведения и нормы зависимых отношений

Первоначально мы не предполагали в данном исследовании затрагивать различные отношения зависимости и нормы зависимых отношений. Но в наборе категорий, отражающих различные формы возможных знакомств и контактов испытуемых, были и такие, которые имплицитно предполагали некоторые отношения зависимости, в частности непосредственной и деловой. К ним мы относим категории «сослуживцы», «учительница ребенка», «участковый врач», «работник жилищно-эксплуатационной конторы», «знакомый продавец из соседнего магазина». Контакты испытуемых с представителями этих категорий могли носить характер непосредственной зависимости, а контакты с некоторыми («сослуживец») — деловой зависимости.

Сам по себе выбор этих категорий еще не является показателем наличия именно зависимых отношений и реализации испытуемыми при этих выборах норм собственно зависимых отношений. Испытуемые могли выбирать эти категории на основании предпочтений «знакомым» или в целях реализации норм зависимых отношений различной степени глубины и различного характера. Показателями возможности таких отношений могли бы быть объективные данные (например, наличие детей школьного возраста при выборе категории «учительница ребенка»). Однако и такие показатели неоднозначны. Поэтому в качестве критериев наличия зависимых отношений и тенденций испытуемых реализовать в своих решениях нормы зависимых отношений могли быть множественные выборы испытуемым этих категорий (и преимущественно их выбор) и высказывания, обоснования, мотивировки, раскрывающие смысл выборов и отношение человека к данным категориям лиц. Связь указанных категорий с отношениями и нормами зависимости была для многих испытуемых очевидной, и они, принимая решения, выражали эмоциональное отношение к возможным зависимым отношениям, что не мешало им осущест-

влять выбор или отклонение этих категорий вне связи с их непосредственной эмоциональной оценкой.

Мы считаем, что именно разведение эмоциональной реакции и нормативного решения — выбора или отклонения категории — является подтверждением именно нормативного, «заданного», «требуемого» характера поведения. Так, испытуемая № 76, оценивая категорию «учительница ребенка» (заполняя протокол в присутствии экспериментатора и в общении с ним), усмехается и считает, что здесь не обойтись без подхалимства. В то же время среди протоколов были и такие, в которых подобные высказывания, равно как и выборы указанных категорий, отсутствовали. Поэтому мы сочли возможным использовать количественные показатели «зависимого» типа поведения — число выборов указанных категорий (табл. 7).

Таблица 7

Показатели «зависимого» поведения при решении нормативной задачи

Число выборов ключевых категорий	Число испытуемых		
	по всей выборке	мужчин	женщин
1—2	16	4	12
3—4	14	7	7
5 (все)	2	2	—
Всего	32	13	19

В качестве одиночного выбора наиболее часто встречается выбор категорий «учительница» (у женщин) и «участковый врач» (у мужчин). Общее число таких выборов позволяет считать эти категории лиц наиболее предпочитаемыми: «учительница» получила 22 выбора (из них 15 у женщин) и «участковый врач» — 20 выборов (из них 9 у мужчин). В эту группу испытуемых, естественно, оказались включенными все испытуемые, выбиравшие «продавца» и «работника ЖЭК». Косвенным указанием на реализацию испытуемыми, осуществлявшими эти выборы, зависимых отношений может служить

тот факт, что категория «человек, которого рекомендует пропустить администратор», также связанная с некоторыми формами зависимых отношений, была выбрана (за одним исключением) лишь лицами, входившими в эту группу (4 женщины и мужчина).

Наиболее типичной для поведения испытуемых этой группы является тенденция давать объяснения и обоснования своих выборов, раскрывать смысл и значение зависимых отношений. Испытуемая № 45 выбирает лишь одну категорию из этого блока — «учительницу ребенка», но специально поясняет: «Попробуй, не пропусти: на весь свет ославит и тебя, и ребенка» (у испытуемой — дочь младшего школьного возраста). При «выборе троих» она также отдает предпочтение этой категории, хотя осознает субъективность своего выбора. Она отмечает, что очередь возражала бы против ее решения пропустить «учительницу». Для данной испытуемой характерно выделение отношений зависимости, связанных только с этой категорией. Сама она «ни при каких обстоятельствах» не пропустила бы «продавца» и «человека, которого рекомендует пропустить администратор», и возражала бы, если бы другие участники очереди пропускали своих «родственников», «знакомых» и «сослуживцев». Однако эти негативные выборы характерны тем, что они весьма избирательны и относятся исключительно к категориям лиц, с которыми испытуемая связана зависимыми отношениями. Можно предположить, что выбор этих категорий привлекает особое внимание испытуемой, а переменная «зависимости» для нее лично значима. Испытуемый № 44 обосновывает оба своих выбора категорий лиц, от которых он может зависеть. При выборе «сослуживца» он отмечает дифференцированные зависимые отношения, указывая, что своего руководителя (называет) он пропустил бы «почти в любых условиях», а другого сослуживца (также приводит конкретный пример), «если бы убедился, что тому сегодня фотографироваться важнее, чем мне». Выбирая «работника ЖЭК», этот испытуемый добавляет: «Если бы от него зависел ремонт крыши!» Испытуемая № 8 так обосновывает свой выбор лица, которому она сама бы предложила пройти без очереди: «руководителю, который привык к тому, что его всегда пропускают» (называет это лицо). Испытуемая № 11, выбирая категорию «сослуживец», поясняет: «А куда де-

нешья!» Испытуемый № 19 (аспирант) указывает, что из «сослуживцев» пропустил бы своего научного руководителя.

Не все испытуемые, не делающие выборов категорий лиц, с которыми возможны зависимые отношения, нейтральны к ним. Можно выделить различные типы реакций испытуемых на предложенные им для оценки категории, имплицитно связанные с зависимыми отношениями. Несколько испытуемых использовали эти категории в своих ответах, но особым образом трансформировали их. Так, категория «участковый врач» была выбрана ими и оценена как категория вообще врача. Испытуемый № 71 не выбирает категорию «учительница ребенка», но вписывает дополнительную категорию «любой мой учитель». «Любому своему учителю» он сам бы предложил пройти без очереди, хотя и считает, что очередь будет против этого возражать. Мы видим в этом действии стремление «преодолеть» зависимые отношения, «выправить» характер категории. Несколько испытуемых, выбирая категорию «сослуживец», уточняют, что пропустили бы лишь того, с кем поддерживают хорошие отношения (т. е. расценивают эту категорию как категорию «знакомого»), например, испытуемая № 72.

Негативной значимостью категорий лиц, связанных с зависимыми отношениями, можно объяснить негативные выборы ряда испытуемых. Так, испытуемый № 48 «ни при каких обстоятельствах» не пропустил бы «продавца» и «человека, рекомендованного администратором», по причине «нежелания торговать собой». Испытуемый № 14 не пропустил бы «работника ЖЭК», «своего начальника» и «человека, рекомендованного администратором». Испытуемый № 56 не пропускает все категории этого блока, добавляя: «А какое отношение я имею к вашим врачам, учителям и работникам ЖЭК?» Эти ответы и негативные выборы мы расцениваем как косвенное признание возможных зависимых отношений, подразумеваемых указанными категориями. Такая возможность для данных испытуемых или возможность заподозрить их в подобных отношениях, на наш взгляд, вызывает столь явную негативную реакцию испытуемых. Следует отметить, что позитивные выборы категорий «зависимости» обычно обосновываются ссылкой на конкретные или квазиреальные обстоятельства, а негативные — либо не

обосновываются, либо обосновываются в общем виде нормативно. Лишь у 20 испытуемых во всей выборке (у 10 мужчин и 10 женщин) нет ни позитивных, ни негативных выборов и обоснований, относящихся к этим категориям. Эти испытуемые как бы «нечувствительны» к предъявленным им категориям, предполагающим зависимые отношения, и поведение их мы отнесли к типу полярному описанному, а именно независимому нормативному поведению.

Определения категорий, которые предъявлялись испытуемым, были сформулированы с большой степенью неопределенности и обобщенности. Так, в задаче сообщалось, что с просьбой пропустить ее без очереди обращается «женщина с ребенком», но не указывался возраст ребенка. Испытуемому предлагалось принять решение о праве на привилегию «пенсионера», но опять-таки не указывались его возраст, состояние здоровья и т. д. Такая формулировка категорий была принята с особой целью. Мы предполагали, что общий прожективный характер задания будет ориентировать испытуемого на актуализацию специфических для него подходов и установок. Испытуемому предоставлялась известная степень свободы в истолковании этих категорий. Мы предположили, что одни испытуемые будут в этих условиях актуализировать те или иные стереотипы и нормы, характерные для обыденного и массового сознания, тогда как другие проявят тенденцию конкретизации, придавая предъявленным категориям большую реальность и личностную значимость. Задание, таким образом, провоцировало испытуемых осуществлять специфические формы нормативного поведения. Обработка протоколов под этим углом зрения позволила также выделить некоторые типы нормативного поведения.

**Поведение, основанное
на введении дополнительных ограничений,
и тенденция к ужесточению норм**

Мы предположили, что при известной степени неопределенности и обобщенности категорий некоторые испытуемые проявят тенденцию к введению дополнительных ограничений, связанных с отбором лиц, которых можно было бы отнести к той или иной категории. Введение до-

полнительных ограничений и обусловленное этим сужение границ категории лиц, которым испытуемые могли бы оказать предпочтение, связаны с уточнением, детализацией и ужесточением норм. Это значит, что испытуемый вводит дополнительные критерии отбора лиц и ситуаций, на которые распространяются нормы, обычно связанные с предъявленной категорией, а сами эти нормы формулирует с учетом этих ограничений, т. е. пользуется более жесткими нормами. Показателями такой тенденции мы считали нормативные суждения, высказывания, обоснования и мотивировки, вводимые испытуемыми при выборе или отклонении ими тех или иных категорий лиц. Обработка и анализ протоколов показали, что такая тенденция действительно наблюдается в нормативном поведении ряда испытуемых. Наиболее значимы в этом отношении были данные, полученные при обработке протоколов по первой задаче (выбор альтернативного ответа на просьбу «женщины с ребенком» и «инвалида»). Мы подсчитали общее число позитивных выборов первой и второй упомянутых категорий, т. е. сумму ответов «пропущу обоих» и «пропущу женщину с ребенком» для первой категории и сумму ответов «пропущу обоих» и «пропущу инвалида» — для второй. Из общей выборки (76 испытуемых) 51 человек (24 мужчины и 27 женщин) признал привилегии «женщины с ребенком» в отношении нормы очередности и 48 (21 мужчина и 27 женщин) — привилегии «инвалида». Однако среди этих испытуемых были и такие, которые вносили дополнительные ограничения и требовали ужесточения норм, определявших круг и тип лиц, имеющих право на эти привилегии. Показатели типа нормативного поведения, связанного с введением дополнительных ограничений и ужесточением норм, приводятся в табл. 8.

В целом по выборке испытуемыми было введено 17 дополнительных ограничений для категории «женщина с ребенком» и 29 — для категории «инвалид». Общее число испытуемых, введших эти ограничения, соответственно 15 (8 мужчин и 7 женщин) и 21 (10 мужчин и 11 женщин). Наибольшее число ограничений по категории «женщина с ребенком» связано с возрастом ребенка (11), а по категории «инвалид» — с «установленным» законом и подтвержденным соответствующим документом правом на привилегию (9).

Таблица 8

Показатели типа нормативного поведения, связанного с введением дополнительных ограничений и ужесточением норм

Предлагаемые ограничения и ужесточения нормы	Число ограничений		
	по всей выборке	мужчин	женщин
«Женщина с ребенком»			
Возраст ребенка:			
грудной	2	1	1
«очень маленький»	2	1	1
до трех лет	4	1	3
до четырех лет	2	1	1
«дошкольник»	1	1	—
Болезнь ребенка	3	1	2
«Право» ребенка	1	1	—
Другие ограничения	2	2	—
Всего	17	9	8
«Инвалид»			
Степень инвалидности			
«явная инвалидность»	6	3	3
«без ноги»	4	2	2
«Должен прийти в другое время»	7	4	3
Степень «нужды»	3	2	1
Право, установленное законом (требуются подтверждающие документы)	9	4	5
Всего	29	15	14

Тенденция требовать доказательства распространения на данное лицо права, установленного законом, отчетливо проявляется в высказываниях представителей группы испытуемых, вводящих ограничения и ужесточения норм. В некоторых случаях тенденция к ужесточению норм приводит к неадекватному восприятию ситуации (один из испытуемых ссылается на правовую норму даже в отношении ребенка, подкрепляя свое высказывание замечанием о том, что в «любом фотоателье висит объявление, что дети дошкольного возраста и инва-

лиды Отечественной войны обслуживаются вне очереди» и что он «с этим согласен»).

9 испытуемых, требующих доказательств обоснованности привилегии категории «инвалид», привлекают правовые нормы. Анализ ответов испытуемых на другие задачи позволяет уточнить, как трактуется роль правовой нормы, вернее, в каком качестве она используется при решении задач. Испытуемая № 45 в задаче «выбор троих» отмечает «инвалида», добавляя ограничение «инвалида войны», и объясняет: «Он и так пройдет, так к чему же спорить?». Испытуемый № 71, пропуская в первой задаче «инвалида», обосновывает свое решение тем, что «инвалид войны это заслужил». Испытуемая № 10, оценивая категорию «инвалид», пишет: «Смотря какой инвалид — некоторые имеют право». Во всех этих случаях ссылка на правовую норму привлекается для обоснования фактического отказа от принятия собственного нормативного решения. Решение принимается лишь в отношении квалификации заявителя как лица, на которое распространяется или не распространяется правовая норма. Если она, по мнению испытуемого, распространяется на данное лицо, то он снимает с себя ответственность («зачем спорить, и так пройдут»). Если же, по его мнению, правовая норма не распространяется на заявителя или на часть заявителей, которые могли бы быть отнесены к данной категории, то это трактуется как необходимость сужения категории и ужесточения нормы.

В последнем случае испытуемые считают себя вправе отказать претендующим на привилегию лицам. Испытуемый № 41 вообще вводит специальную категорию в список предпочитаемых лиц: «Человек с очень компетентными документами, например, депутат Верховного Совета или Герой Советского Союза», отмечая, что фактически лишь эта категория людей имеет право на привилегию.

Иногда тенденция к ужесточению норм приводит к неправильному истолкованию существующей правовой нормы как исключительного регулятора права на привилегию (несколько испытуемых отмечают, что пройти без очереди имеют право только те группы инвалидов, которые указаны в «объявлении», и то лишь при предъявлении соответствующих документов, подтверждающих это право для данного заявителя).

Ряд испытуемых в качестве подтверждений права заявителя на привилегию требуют «очевидных», «явных» доказательств, признаков «болезни ребенка» или «явной инвалидности» (например, «отсутствия ноги»). Эти испытуемые, к сожалению, не расценивают подобные требования как бестактные и негуманные. Поэтому следует привести примеры и полярного типа поведения испытуемых. Испытуемый № 72 отмечает, что «инвалиду отказать невозможно, так как он и так всю жизнь страдает (физически и морально)». Моральный аспект оказывается весьма существенным для испытуемых, демонстрирующих поведение полярного типа. Испытуемый № 71 обращает внимание на то, что «обнажение» и «демонстрирование» инвалидности унижительны и морально тяжелы для больного человека — «ему (инвалиду) наиболее трудно ждать и показывать свои физические недостатки». Испытуемая № 2, обосновывая свой выбор, пишет: «С чувством жалости отношусь к инвалидам — людям, страдающим недугом».

Тип нормативного поведения, полярный типу, основанному на введении дополнительных ограничений и ужесточения норм, отличается либо тенденцией к абсолютизации норм, распространяемых на всю без исключения категорию лиц (например, испытуемая № 11 заявляет: «Инвалидов пропускаю всегда и везде без обсуждения»), либо поведением согласно нормам милосердия, сострадания, сочувствия, достоинства. Примечательной чертой испытуемых этого типа является отсутствие патетики и ее боязни — они не боятся выглядеть «сентиментальными», «риторичными» и т. д. Их высказывания — это прежде всего искренняя и непосредственная реакция на ситуацию. Так, испытуемая № 35, обосновывая свое решение, пишет: «Я уж где не успеваю, так и не успеваю. Не успею и в этот раз..., зато, пропустив женщину с ребенком и инвалида, буду чувствовать себя человеком!»

Контрастом такой непосредственной реакции являются обоснования, которые дают своим выборам испытуемые, демонстрирующие тип поведения, основанного на введении дополнительных ограничений и ужесточения норм. Испытуемая № 45 хотя и «пропускает обоих», но отмечает, что, поскольку дело происходит в конце рабочего дня, «женщина и инвалид не должны обра-

щаться с подобными просьбами, а заранее планировать время, чтобы никому не быть в тягость». В этом высказывании наглядно проявляется тенденция к рационализированной нормативности и предписыванию, прежде всего другим людям, желательной формы поведения, что характерно для испытуемых этого типа вообще.

Введение дополнительных ограничений и ужесточение норм может иметь место и в отношении других категорий. Испытуемый № 19 вводит дополнительные ограничения для категорий «родственник» («уступлю свою очередь членам семьи, если им столь же срочно нужно сфотографироваться») и «молодожены» («если они пришли сразу после регистрации»). Испытуемый № 44 вводит «многоступенное» ограничение категории «родственник» («уступлю внукам, если им сдавать экзамены») и «дифференцированное» ограничение категории «сослуживец» (различный подход к начальнику, которого уважает, и к другим сослуживцам).

Одним из проявлений тенденции к ужесточению норм можно считать введение некоторыми испытуемыми обобщенных категорий «отвергаемых» лиц. В этом случае в отличие от поведения, основанного на дополнительных ограничениях, наблюдается стремление к генерализации и расширению категорий. Испытуемая № 34 выражает несогласие, когда другие члены очереди пропускают «молодежь всех видов», «приезжих всех видов», «продавцов», «администраторов» и др. Испытуемая № 75 «ни при каких обстоятельствах» не согласна пропустить «любого молодого человека». Испытуемая № 51 вводит новую категорию и трактует ее предельно обобщенно: «Не пропущу ни при каких обстоятельствах в нетрезвом состоянии любого человека». Такое выделение одного признака и подведение под него других категорий наблюдаются у ряда испытуемых. Испытуемая № 76 «ни при каких обстоятельствах» не пропускает «мужчин, так как они не умеют стоять в очереди, а надо бы, чтобы стояли». Наиболее распространено (всего 11 человек из всей выборки) использование в качестве такого «ограничительного» признака «стремление обмануть», «обойти очередь». Специфика поведения этих испытуемых рассматривается нами далее.

Другой формой модификации норм является поведение, отнесенное нами к «релятивистскому» типу.

**«Релятивистский» тип нормативного поведения,
связанный с превращением неконвенциональных норм
в конвенциональные**

Разрабатывая экспериментальное задание, мы включили в число категорий лиц, претендующих на привилегии в отношении норм очередности, категории, представители которых, как мы полагали, имели объективные основания для таких привилегий. Мы предполагали, что нормы, связанные с такими показателями, как преклонный возраст, плохое здоровье, беременность, инвалидность и т. п., являются для обследуемой выборки не условными, конвенциональными, а абсолютными, неконвенциональными. К абсолютным мы относим нормы, которые все члены популяции, все испытуемые в выборке признают во всех условиях и ситуациях безотносительно к своему состоянию, возрасту, обстоятельствам и считают необходимым соблюдение этих норм в отношении всех лиц, относимых к одной из таких «неконвенциональных» категорий. Исключение мы делали разве что для лиц, «ориентированных на формальное равенство», но предполагали, что в чистом виде этот тип не будет представлен в выборке.

Предварительно нас интересовали лишь вопросы о том, насколько легко актуализируются нормы, связанные с этими категориями лиц, насколько активны будут испытуемые в реализации этих норм и т. п. Так, в частности, мы ввели не все возможные категории этого типа. В списке из 38 категорий и во всех заданиях не фигурировала, например, категория «беременная женщина». Мы предполагали, что испытуемые смогут ввести эту категорию сами.

Обработка показала, что наше предположение об абсолютности указанных категорий не соответствует действительности. При обработке результатов первого задания мы обнаружили, что определенное число испытуемых либо не пропускает представителей тех категорий, которые казались нам «абсолютно проходимыми», либо выбирает лишь одну из них. В последующих задачах также наблюдались различия между испытуемыми в их отношении к этим «неконвенциональным» категориям. Оказалось возможным выделить специальный тип нормативного поведения, связанный с «переводом» неконвенциональных категорий в конвенциональные. Показатели

этого типа были и количественные, и качественные. Количественные показатели приводятся в табл. 9.

Как мы видим, показатели колеблются в отношении разных категорий, но тем не менее они весьма высоки. 38 человек, т. е. половина всей выборки, не признали за человеком преклонного («очень пожилого») возраста абсолютного права пройти без очереди. Признак возраста, очевидно, для большинства испытуемых не свя-

Таблица 9

Показатели типа нормативного поведения, связанного с переводом неконвенциональных норм в конвенциональные

Вид категории	Число выборов по всей выборке	Число испытуемых (не выбирающих этих категорий)		
		по всей выборке	мужчин	женщин
«Очень пожилой человек»	38	38	20	18
«Человек, которому стало плохо в очереди»	39	37	20	17
«Больной»	42	34	15	19
«Инвалид»	48	28	14	14
«Женщина с ребенком»	50	23	14	12
«Пенсионер»	6	70	33	37
«Беременная женщина»*	5	71	34	37

* Эта категория не была внесена экспериментатором в список.

зан однозначно с категорией «пенсионер» (ее не выбирают 70 человек, 90% всей выборки). Фактор здоровья также не признается абсолютным обоснованием привилегии: 34 испытуемых не признали права на привилегии категории «больной» и 37 — кому «стало плохо в очереди». Несколько меньше число лиц, не признающих абсолютных прав «женщины с ребенком» и «инвалида» (соответственно 26 и 28 человек). Из всей выборки в 76 человек лишь пятеро внесли в список предпочитаемых лиц категорию «беременная женщина». При таком разнообразии показателей трудно определить общее число испытуемых, превращавших неконвенциональные нормы в конвенциональные. Однако можно говорить о наличии

тенденции, характерной для многих испытуемых (для их половины, если ориентироваться на одну из наиболее бесспорных неконвенциональных категорий, связанных с показателем возраста).

Наиболее характерным для испытуемых, относящихся к этой группе, было присвоение ими себе права лично решать, признать или не признать за представителем одной из «неконвенциональных категорий» обоснованность притязаний на привилегии. При этом некоторые испытуемые ссылались на свое состояние и настроение (например, испытуемая № 3 в протоколе отмечает, что она могла либо пропустить без очереди и «женщину с ребенком», и «инвалида», либо «никого не пропустить» «в зависимости от настроения», испытуемый № 66 при решении первой задачи пишет, что он никого не пропустит, «так как после часа ожидания будет злой»).

Другой вариант решения задачи — учет формы обращения и просьбы. Испытуемая № 34 поясняет свой выбор в первой задаче («инвалид») следующим образом: «Пропущу инвалида и то лишь в том случае, если он меня попросит очень вежливо». Испытуемый № 48 в той же задаче (выбирать обоих) отмечает: «На мое мнение может оказать влияние просьба или соответствующее просьбе поведение. Причина — ориентация на помощь окружающим» (к анализу этого утверждения мы еще вернемся). Некоторые испытуемые сопоставляют свои особенности со свойствами лиц «неконвенциональных категорий». В этих случаях мы выделили два типа сопоставлений: 1) объективную оценку своих данных (например, испытуемая № 53 не пропустит «ни при каких обстоятельствах» «старого пенсионера». Но этой испытуемой 78 лет, и она, по нашему мнению, имеет право так решать «за себя»); 2) субъективную оценку своих данных и обстоятельств (испытуемая № 34, 45 лет, отмечает, что «ни при каких обстоятельствах» не пропустит лиц «моложе себя», «менее больных» и т. д.; испытуемый № 37 пишет, что сам предложил бы пройти без очереди «пенсионеру», «больному», «очень пожилому человеку», «человеку, которому стало плохо в очереди», но лишь в «зависимости от времени и мотивов», и, по его мнению, «очередь не согласилась бы» с этими выборами).

Полярный тип поведения связан с прямым использованием норм. Испытуемый № 27, 35 лет, сам предложил

бы пройти без очереди «инвалиду» и «беременной женщине», потому что ему стыдно, когда люди слабее его будут стоять за ним. Ответ этого испытуемого чрезвычайно интересен по форме. Он буквально формулирует норму и здесь же применяет ее к себе (после формулировки «стыдно, когда люди слабее тебя...», введено уточнение «меня»). Такая форма развернутого процесса нормативного суждения редко встречается в протоколах.

Крайней формой самостоятельного принятия решения о праве на привилегии лиц, относящихся к «неконвенциональным категориям», являются ответы испытуемых по типу: «Я сам сначала разберусь, кто и почему просит» (испытуемый № 44). Испытуемый № 14 дает следующее обоснование своего поведения в условиях первой задачи (фактически он не выбирает ни одного ответа): «Для меня не имеет значения наличие инвалидной книжки и ребенка на руках. Может быть, для женщины с ребенком сидение в очереди является развлечением. И инвалидов я знаю, которые от нечего делать ходят по судам. Я пропущу без очереди того, кому это необходимо, чем мне, или того, чье физическое состояние не позволяет стоять в очереди».

В качестве неконвенциональной мы вводили категорию «любая женщина». Мы предполагали, что в обследуемой выборке стереотип предпочитания «женщины» может сохраниться хотя бы у некоторых испытуемых. Однако эта категория оказалась по показателям всей выборки в числе «отвергаемых» (всего три выбора). В задаче на общий выбор (из 38 категорий) категория «любая женщина» была выбрана лишь двумя женщинами и одним мужчиной. В других задачах эта категория не получила позитивных выборов. Несколько испытуемых включили эту категорию в число негативных выборов или выражали несогласие с тем, чтобы другие участники очереди пропускали представителей этой категории. В этом отношении категория «любая женщина» разделила «участь» всех категорий, в формулировке которых было определение «любой» («любой знакомый», «любой, кто попросит» и т. д.). Возможно, здесь сыграла роль именно подобная формулировка. Испытуемые, по всей вероятности, протестовали именно против абсолютизированного недифференцированного подхода к категории «знакомых» и «просящих», зачислив в этот ряд

и категорию «любая женщина». Но первые две категории по природе своей были конвенциональными, тогда как определение «любая» в отношении категории «женщина», на наш взгляд, адекватно отражало заданный неконвенциональный и абсолютный характер этой категории. Показательно, что негативные ответы встречались по большей части у мужчин первых двух (младших) возрастных групп.

Ответы испытуемых, демонстрирующих поведение, основанное на переводе неконвенциональных норм в конвенциональные, оттеняются обоснованиями и суждениями испытуемых, строго придерживающихся абсолютных, безусловных, неконвенциональных норм. Испытуемая № 73 в задаче «выбор одного» вводит «неконвенциональную категорию» — «беременная женщина» и объясняет, что ее надо пропустить в первую очередь, «так как в таком состоянии трудно стоять в очереди». Испытуемая № 75 в первой задаче выбирает «женщину с ребенком», объясняя, что ей, «такой женщине, как правило, трудно, и инвалиду» (в объяснении она выбирает и вторую «неконвенциональную категорию»). Испытуемая № 11 в задаче «выбор троих» вводит формулировку: «Лица, которым следует оказывать предпочтение в любом случае, очень пожилые, инвалиды, те, кому становится плохо в очереди». Испытуемая № 60 использует в этой ситуации «собственную» абсолютную норму безапелляционно: «Троих — ни в коем случае».

Последний пример следует отнести к особому подвиду рассматриваемого поведения. Некоторые испытуемые осуществляют как бы обратный переход — переводят некоторые конвенциональные категории и нормы в разряд неконвенциональных. Такой перевод также осуществляется в нескольких формах. Испытуемые при формировании «неконвенциональных норм» используют некоторые стереотипы. Так, несколько испытуемых расценивают как «неконвенциональную» норму необходимого предпочтения врача. Испытуемый № 22 во второй задаче отдает предпочтение категории «участковый врач». Это можно было бы расценивать как пример «селективного зависимо-го» типа поведения. Но при выполнении следующих задач этот испытуемый оперирует уже не категорией «ваш участковый врач», а более общей категорией «врач» и сам предложил бы пройти без очереди «вра-

чу», потому что «он нужен больным, которые его ждут, и каждый теряет час в очереди». Испытуемый № 66 первоначально при выборе «одного» отмечает категорию «врач», добавляя: «Его время может оказаться самым дорогим для людей». Этот первоначальный ответ испытуемый затем вычеркивает и вводит другую категорию наиболее предпочитаемого лица — «человека, которому стало плохо в очереди». Как видим, и во втором случае выбор делается по признаку «здоровье — болезнь». Такая смена выборов проливает некоторый свет и на смысл придания особой ценности категории «врач». Если учесть, что по ряду других показателей этот испытуемый был отнесен к типу, осуществляющему перевод неконвенциональных норм в конвенциональные на основании учета своего состояния, можно предположить, что и признак «здоровье — болезнь» оказывается лично значимым для данного испытуемого и в качестве такового используется и в процессе обратного перевода конвенциональной категории в неконвенциональную.

Другим примером подобного поведения может служить перевод в разряд неконвенциональных категорий категории «солдат». Испытуемая № 76, дающая развернутые нормативные обоснования каждого выбора, во второй задаче отмечает, что «солдата» надо пропустить без очереди, потому что «он — защитник». В задаче «выбор одного» она отмечает «солдата», потому что «ему ни в чем нельзя отказать»; при «выборе троих» на первое место она опять ставит «солдата». В то же время следует признать, что эта категория для всей выборки представляется конвенциональной. Так, лишь 3 мужчин и 5 женщин выбирают эту категорию во втором задании. При этом испытуемая № 73 отмечает: «Солдата, может быть, пропустила бы, если у него мало времени (в отпуске, в увольнении)», т. е. явно намечает условия действия норм привилегии в отношении этой категории. Испытуемая же № 76 использует при оценке категории «солдат» как неконвенциональной («ему ни в чем нельзя отказать») традиционный стереотип «солдата — защитника», обуславливающий особую ценность этой категории. Первоначально мы предположили, что различные нормативно-ценностные установки могут быть связаны с объективными показателями возраста испытуемых, и допускали, что люди, прошедшие войну, будут

придавать большую ценность этой категории. Однако оба испытуемых, высказывания которых мы привели, примерно одного возраста (№ 76—55 лет и № 73—62 года). Существенно, что несколько человек из 8 испытуемых, выбирающих эту категорию («солдат»), относятся к возрастной группе до 22 лет (одна из этих испытуемых — жена военнослужащего, один только что закончил военное училище, но остальные 6 не имеют отношения к армии). Как и в других случаях рассматриваемого типа поведения, для перевода данной категории в разряд «неконвенциональных» наиболее существенными представляются не формальные показатели, а свойства и ценностные системы личности.

Значение личных обстоятельств и характеристик испытуемых при оценке ими категорий выбираемых лиц как конвенциональных или неконвенциональных особенно ярко проявилось в актуализации категории «беременная женщина». Эта категория не была нами введена в тестовое задание, но условия второй задачи предполагали возможность ее актуализации самими испытуемыми. Категория «беременная женщина» была внесена в протокол лишь 5 испытуемыми (мужчиной и 4 женщинами), но использовалась ими при выполнении последующих задач именно как «неконвенциональная». Эта категория была введена следующими испытуемыми: № 35 и 73 — пожилые высококультурные женщины; № 47 — беременная женщина; № 69 — мать маленького ребенка; № 27 — мужчина, недавно переехавший в Москву из небольшого города (после смерти жены он остался с грудным ребенком на руках). Следует отметить, что наряду с личными обстоятельствами указанных испытуемых при актуализации этой категории и использовании ее как неконвенциональной (это была единственная неконвенциональная категория, которая не превращалась ни одним испытуемым в конвенциональную) весьма существенными были общие закономерности и типы поведения этих испытуемых. Их мотивировки и объяснения при выборе других конвенциональных и неконвенциональных категорий отличали тип поведения этих испытуемых от других типов. Так, 2 испытуемых этой подгруппы (№ 35 и 69) относились к «селективному типу», причем они избирательно выделяли лишь неконвенциональные категории («очень пожилой человек», «больной»

«беременная женщина»). Ни один из испытуемых этой группы не попал в группы с «контактным» (ориентированным на выборы «знакомых») или «зависимым» типом поведения. Можно предположить, что эти испытуемые образуют особую группу «альтруистического селективного» типа поведения, сочетающего характеристики первого и второго выделенных нами типов.

10. *Поведение, основанное на доверии.* В список категорий, предъявляемых испытуемым для выбора и оценивания, были включены такие, выбор которых означал, что испытуемые доверяют заявителям при обосновании своих притязаний. Категория «женщина, которую ждут дома дети», имплицитно была связана с нормами: «нельзя оставлять детей без присмотра», «мать должна по возможности всегда быть с детьми» и т. д. Испытуемые, выбиравшие эту категорию, естественно, не могли проверить истинность обоснования заявителя. Для того чтобы указанные выше нормы, равно как и нормы, обеспечивающие привилегии «женщины с ребенком», могли быть реализованы в этой ситуации, испытуемые должны были принять на веру, отнестись с доверием к заявлению просительницы. Аналогичными были категории «человек, уже стоявший в очереди, отлучившийся и вернувшийся, когда уже не осталось никого из тех, кто его видел», «человек, который стоит в очереди, но говорит, что не успевает, а прийти в другой раз не может». Доверие необходимо было проявить и при оценке некоторых других категорий (например, категории «человек, опаздывающий на свидание», «уезжающий в командировку» и т. д.). Помимо выборов или отклонений этих категорий, что является формальным учетным показателем осуществления поведения, основанного на нормах доверия, для анализа и установления этого типа поведения могли быть использованы также обоснования, мотивировки, нормативные суждения испытуемых. Число выборов или отклонений этих категорий испытуемыми может служить формальным показателем типа поведения, основанного на доверии. Результаты приводятся в табл. 10.

Отказ пропустить женщину, которую дома ждут дети, был дан испытуемой № 76, обосновавшей его так: «У всех дети, все ждут» (фактически недоверие не было высказано). Отказы по двум другим категориям испыту-

Таблица 10

Показатели типа нормативного поведения, основанного
на нормах доверия

Вид категория	Число выборов			Число отказов
	по всей выборке	мужчин	женщин	
«Женщина, которую ждут дети»	27	9	18	1
«Человек, уже стоявший в очереди...»	23	10	13	4
«Человек, который стоял в очереди, но говорит, что не успевает...»	12	5	7	4

емые обосновывают именно отсутствием доверия (испытываемый № 17 в отношении «неуспевающего» пишет: «Я ему не верю, все опаздывают»). Некоторые из выбравших категорию «женщина, которую дома ждут дети» (испытываемая № 74) добавляли: «Если не обманывает». Выбор одной из ключевых категорий также неоднократно обосновывался особым доверием. Испытуемая № 45 выбирает «неуспевающего» на том основании, что, «когда обращаются именно с такой просьбой, это почти всегда правда». (Для сравнения степени достоверности, приписываемой этой испытываемой данной категории, отметим, что эта же испытываемая согласна пропустить инвалида лишь при условии, что это инвалид Отечественной войны, причем если он может подтвердить это соответствующими документами. А второй селективный выбор из 38 категорий («больного») эта испытываемая обосновывает также с учетом степени доверия, оказываемого заявителю: «Если уж большой пришел или стоит в очереди, значит это ему необходимо».)

Для анализа и констатации поведения, основанного на доверии, или его полярного типа должны быть использованы и обоснования, мотивировки, нормативные суждения испытываемых, относящиеся к квалификации притязаний и поведения заявителя как «недобросовестных», «нечестных». Из всей выборки (76 человек) 10 испытываемых (5 мужчин и 5 женщин) в той или иной форме высказывались негативно по поводу «обмана», «паразитиз-

ма», «нахальства», «нечестности» тех или иных заявителей. При этом эти квалификации не относились однозначно и жестко к каким-либо особым категориям лиц. Испытуемая № 8 отмечает, что она «ни при каких обстоятельствах» не пропустила бы «того, кто в действительности придумывает причины, только бы не стоять (паразитизм)». Испытуемый № 37 (крайний полюс конформного типа, пропускает 31 категорию) отмечает, что будет возражать, если другие участники очереди будут пропускать тех, «кто делает попытку обойти всех».

Факторы доверия и уверенности в достоверности обоснований заявителя играют определенную роль при выборе той или иной категории и учитываются испытуемыми при введении дополнительных ограничений. Иногда категории, требующие доверия, и категории, основанные на «достоверных», «очевидных» признаках, различаются и даже противопоставляются. Границы между признаками, требующими доверия, принятия на веру, и признаками, кажущимися достоверными, иногда устанавливаются самим испытуемым. Испытуемая № 36 выбирает большое число категорий. Свой выбор она обосновывает тем, что «правда их налицо», они «обнажены». К этим категориям она относит «человека, отлучившегося из очереди и вернувшегося, когда не осталось никого из тех, кто его видел», и «человека, который говорит, что не успевает», а категорию «женщина, которую дома ждут дети» исключает из этого списка (прямо указывает, что она сюда не относится). Испытуемый № 17 заявляет, что «ни при каких обстоятельствах не пропустит человека, который говорит, что не успевает, потому что он ему не верит», но при выборе одного отдает предпочтение «женщине, которую дома ждут дети», объясняя: «Мало ли что без нее может случиться с детьми» (отметим, что у этого испытуемого в семье трехлетний ребенок).

Категории, которые мы считали ключевыми при определении типа поведения как основанного на доверии или полярного (когда испытуемые либо высказывали общие подозрения, либо выискивали достоверные с их точки зрения, но необязательно объективно достоверные признаки), не расценивались однозначно. Часть испытуемых рассматривала их как требующие доверия, другие испытуемые считали возможные обоснования

лиц, относящихся к этим категориям, достоверными. Испытуемые могли высказать общее недоверие по тому или иному признаку представителям большого числа категорий и в то же время принимать на веру обоснованность притязаний лиц, относящихся к ключевым категориям. Поведение испытуемых, относящихся к обоим полярным типам, отличалось от поведения остальных испытуемых в выборке именно по общему признаку — значению, которое для них имел факт доверия (или недоверия) к заявителю и обоснованности его притязаний. Примерно половина испытуемых в выборке продемонстрировала нейтральное отношение к факторам доверия и достоверности оснований для притязаний или по крайней мере не выявила своего отношения к этим факторам.

Ситуативное поведение в условиях решения нормативной задачи

Прожективные задания, предъявляемые испытуемым, были конкретизированы и привязаны к определенной ситуации. Речь шла не об очереди вообще, а об очереди в фотоателье. Указывались характер действия испытуемого, его цель, время действия и т. д. Некоторые показатели включенности испытуемого в работу по экспериментальному заданию учитывали эти конкретные условия. Мы предполагали, что, когда прожективная задача конкретизирована, некоторые испытуемые продемонстрируют ситуативное поведение, в какой-то степени обусловленное конкретными факторами именно описанной ситуации. Часть испытуемых в обоснованиях своих выборов продемонстрировала учет этих конкретных условий.

Так, испытуемый № 46 в первой задаче отмечает, что «не пропустит никого», поясняя, что эта «очередь именно в фотоателье, а не, скажем, за билетами на поезд». Если бы это была очередь за билетами на поезд, испытуемый «мог бы пропустить того, кто опаздывает именно на этот поезд», но все последующие ответы испытуемого полностью совпадали с ответами по типу «формально-эгалитарного» поведения, а это подтверждает, на наш взгляд, закономерность и его первого выбора. Несколько испытуемых отмечали в своих нормативных суждениях конкретные условия задачи. Испытуемый № 15, никого не пропуская без очереди, разъяснил свое поведение:

«Зачем женщине с ребенком и инвалиду фотографироваться в часы пик?» Однако и он при выполнении последующих задач продемонстрировал «формально-эгалитарный» тип поведения.

На основании подобных высказываний и замечаний мы не сочли возможным квалифицировать поведение этих испытуемых как ситуативное, но на основании общей тенденции, проявляющейся в их решениях, относили их поведение к одному из уже описанных нами типов нормативного поведения. При определении ситуативности поведения в условиях решений нормативной задачи в качестве учетных формализованных показателей мы использовали число позитивных и негативных выборов категорий лиц, прямо связанных с описываемой прожективной ситуацией. Полярным мы считали поведение испытуемых, не выбиравших и не отвергавших эти категории, т. е. проявивших нейтральность в отношении «ситуативных категорий». К «ситуативным», прямо связанным с условиями прожективных заданий, мы отнесли категории «шестнадцатилетний, которому надо сделать первую в жизни фотографию для паспорта», «человек, желающий заказать свой художественный фотопортрет», и «молодожены, желающие сделать свадебную фотографию», т. е. категории лиц, преследующих специфические для данного объекта и данной очереди цели. Позитивная или негативная реакция на эти категории представляла для нас показатель учета испытуемым конкретной ситуации, специфики объекта, специфики очереди, в то время как нейтральное отношение к этим категориям можно было бы истолковать как нивелирование специфики объекта и специфики тех целей, которые могут преследовать участники очереди и лица, претендующие на нарушение нормы очередности, как более обобщенное восприятие ситуации и использование норм, регулирующих поведение в очереди вообще, безотносительно к тому, где и зачем возникает эта очередь. В качестве ситуативных категорий были выбраны категории, «слабо эмоционально и ценностно окрашенные» (мы сознательно исключили, например, из их числа возможную категорию, обсуждавшуюся при анализе наблюдений и разработке модели полевого поведения, а именно «женщина, которая желает сфотографировать ребенка, чтобы послать фотографию отцу этого ребенка в армию или на дальнюю стройку»).

Таблица 11
Показатели «ситуативного» типа поведения

Характер категории	Число выборов			Число отказов
	по всей выборке	мужчин	женщин	
«Шестнадцатилетний»	4	3	1	1
«Желающий заказать фото-портрет»	1	1	—	11
«Молодожены, желающие сделать свадебную фотографию»	17	8	9	3
Всего	22	12	10	15

Показатели «ситуативного» типа поведения приводятся в табл. № 11.

Как мы видим, довольно большое число испытуемых из всей выборки (22 позитивных выбора и 15 негативных) нормативно оценивали и принимали решения в отношении ситуативных категорий. Однако это число существенно уменьшится, если мы исключим из анализа категорию «молодожены», которая оказалась достаточно «сильно» эмоционально окрашена, и ее выбор или ее отклонение было связано, как показал анализ протоколов, с актуализацией относящихся к ней норм и эмоциональных оценок. Так, испытуемый № 48, выбирая эту категорию в качестве предпочитаемой при выборе троих, отмечает, что делает это, «чтобы было больше оптимистов». Оценка этой категории как ситуативной встречается крайне редко (у двух испытуемых); один из них ввел ограничения на предпочтение данной категории, указав, что пропустил бы «сразу после регистрации», другой (женщина) негативно оценил преимущества лиц данной категории, заявив, что «счастье не в фотографии». Если учесть лишь эти два протокола, то общее число негативных и позитивных выборов «ситуативных категорий» будет невелико — 21 (6 позитивных и 15 негативных).

Однако при определении общего числа испытуемых, продемонстрировавших «ситуативный» тип поведения,

следует учесть выборы категорий лиц, «с которыми что-то происходило в описываемой ситуации», т. е. рассматривать это как ситуативное поведение, ориентированное и на динамику ситуации. К таким «ситуативным категориям» мы отнесли категорию «человек, которому стало плохо в очереди», и две категории лиц, требующих доверия при вынесении решений, — «человек, который пропустил свою очередь», и «человек, который стоит в очереди, но говорит, что не успевает». В отношении двух последних категорий в протоколах нет высказываний, которые можно было бы истолковать как «ситуативные». Испытуемые оценивают эти категории, ориентируясь на очередь «вообще». В отношении категории «человек, которому стало плохо», есть два соответствующих примечания. Испытуемый № 44 заявил, что в такой ситуации надо не очередь в фотоателье уступить, а вызвать скорую помощь. Испытуемая № 60 при выборе одного отмечает: «Очень противоречивое чувство. Тому, кому стало плохо в очереди, уже не до фотографии, но я бы его пропустила». Мы видим здесь столкновение ситуативной и нормативной ориентировки. Испытуемая, делая выбор, актуализирует все-таки генерализованную норму: помогать в первую очередь тому, кому стало плохо. Таким образом, с учетом данных выборов этих трех «динамических» ситуативных категорий общее число выборов (негативных и позитивных), связанных с ситуативной ориентацией испытуемых, 23. Более $\frac{2}{3}$ испытуемых в выборке при решении нормативных задач ориентировались на более генерализованные, не связанные с конкретными условиями заданий нормы.

Идентификация, эмпатия, перенос отношения при нормативном поведении

Процессы идентификации, эмпатии и перенесения отношений как психологические механизмы, обеспечивающие все виды социального поведения, наблюдаются и при нормативном поведении, принятии нормативных решений. Мы предприняли специальный контентный анализ высказываний, обоснований и мотивировок, приводимых испытуемыми при осуществлении нормативных решений и выборов, чтобы выявить роль, которую указанные процессы играют в нормативном поведении.

Хотя число протоколов, которые включали нормативные высказывания, допускающие их интерпретацию, невелико, тем не менее данные эти достаточно убедительны.

Процессы идентификации наблюдаются при оценке и принятии решения в отношении той или иной категории выбираемых лиц. Так, испытуемая № 76 при решении первой задачи отмечает, что она выбирает «инвалида», потому что «подходит сама к такой старости. А женщиной с ребенком быть не может — сама на пенсии». Подобная идентификация себя с лицом, относящимся к оцениваемой категории, облегчает и в данном случае прямо определяет выбор и предпочтение. Отметим, что здесь была избирательная идентификация. У испытуемой есть дочь-школьница, но идентификация с категорией «женщины с ребенком» этой испытуемой не осуществляется. Возможно, здесь сыграла роль другая норма («у всех дети, все спешат»), которую испытуемая использовала в отношении категории «женщина, которую дома ждут дети». Существенно и то, что она идентифицирует себя, так сказать, во «временной перспективе» и с категорией трудности. Наряду с процессами прямой идентификации у данной испытуемой наблюдаются проявления и более сложных идентификационных механизмов. Так, при оценке категории «девушка, которая оказалась привлекательной» (выбор этой категории осуществлялся лишь мужчинами — всего семь выборов), испытуемая отмечает: «Выбрала бы, если бы была мужчиной». При оценке категории «приезжий» испытуемая (сама приезжая, часто бывающая в Москве у родных) идентифицирует эту категорию с собой, перенося на нее свои типичные обстоятельства: «Надо пропустить, так как опаздывает». Испытуемая осуществляет идентификацию и с обобщенной категорией «проситель». При решении об отказе в праве претендовать на привилегии (в задаче на негативный выбор) испытуемая пишет: «Не должна этого делать, может, самой придется».

Испытуемый № 71 в первой задаче выбирает «инвалида» и ужесточает норму (он согласен пропустить лишь «инвалида Отечественной войны»). Ужесточение нормы обосновывается следующим: «Я сам был на фронте, он заслужил это». Испытуемый № 25 при выборе одного отдает предпочтение «женщине с ребенком», объясняя его так: «По конформным соображениям, у самого ре-

бенок». Испытуемая № 57 при выборе одного пропускает «женщину с ребенком», потому что у нее самой имеется маленький ребенок. В приведенных примерах прямая идентификация выступает для испытуемых как непосредственный мотив их решения, выбора. Совпадение выбора с нормой является для них как бы вторичным или в крайнем случае рядоположенным явлением (высказывание испытуемого № 71: сначала приводится подтверждение идентификации, затем — нормативное высказывание). Однако подобная идентификация в условиях нормативного поведения, нормативной ситуации предполагает, что испытуемые подводят себя под категорию лиц, на которых распространяется действие нормы (например, испытуемая № 57), т. е. фактически высказывают пожелание, чтобы и в отношении их была бы применена подобная норма.

Отметим два случая гетеросексуальной идентификации. По данным литературы, такая идентификация — чрезвычайно редкое явление. Можно предположить, что в условиях нормативной ситуации гетеросексуальная идентификация облегчается. (Испытуемая № 76 признает нормы мужского стереотипного выбора, но не склонна признавать за мужчинами никаких привилегий в отношении нормы очередности; испытуемый № 25 расширяет категорию «женщина с ребенком» до категории «любой человек с ребенком». Косвенным подтверждением распространенности тенденции к такому расширению нормы могут служить часто наблюдаемые факты предоставления места в транспорте мужчине с ребенком, пропуск мужчины с ребенком без очереди и т. п.)

Процессы идентификации порой сопровождаются процессами эмпатии и сочетаются с ними. Испытуемая № 57 при выборе троих отдает предпочтение «женщине с ребенком», «человеку, который очень просит», и «человеку, которому стало плохо в очереди». Свои выборы она сама объясняет с помощью привлечения термина «эмпатия», раскрывая его как «интуицию»: «Были и у меня самой экстренные ситуации, из которых смогла выйти только с помощью эмпатии (интуиции) другого человека». Приводимое испытуемой обоснование можно признать значимым, поскольку ею выделены весьма разнородные по признакам и нормам категории, объединение которых

действительно возможно лишь на основе «эмпатического» отношения к их представителям, «вчувствования» в обстоятельства лиц, относящихся к этим категориям. К явлениям эмпатии следует также отнести выборы, которые испытуемые обосновывают ссылкой на «сочувствие», «сострадание» и т. п. Так, испытуемая № 29 при выборе одного отдает предпочтение «человеку, который очень простит», объясняя свой выбор сочувствием ему и распространяя свое «сочувствие» не на конкретные категории лиц, а на всех, кто «просит». Испытуемая № 36 обосновывает свои выборы по ряду задач тем, что выбранным ею лицам «трудно». Квалификация «трудно» особенно часто встречается в обоснованиях и мотивировках различных выборов испытуемых.

Процессы переноса отношений близки эмпатии и идентификации, но более специфичны и в чистом виде встречаются реже. Испытуемая № 11 по всем заданиям выделяет категорию «очень пожилой человек». При выборе одного она пишет, что выбирает «очень пожилого», так как переносит на всех стариков отношение к родственнику («по причине любви к своей бабушке»). Перенесение и генерализация отношения проявляются устойчиво при многих выборах по всем заданиям. К этому классу процессов следует отнести и явления генерализации и переноса отношения к предъявленной категории на более широкие категории (напомним высказывание испытуемой № 34 о ее несогласии пропускать «молодежь и приезжих всех видов» и т. д.).

3. ПОВЕДЕНИЕ ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ

Изучение поведения по оказанию помощи занимает центральное место в исследованиях зарубежных авторов, выявляющих закономерности нормативного поведения. Но в многочисленных работах, посвященных этим вопросам, не проводятся качественный анализ и дифференциация различных форм и видов поведения по оказанию помощи. Мы считаем необходимым различать: 1) позитивную реакцию на любую просьбу любого лица; 2) позитивную реакцию на просьбу лица, объективно нуждающегося в помощи; 3) поведение по оказанию помощи, в котором просьба нуждающегося в ней не иг-

рает первостепенной роли, т. е. активное поведение по оказанию помощи, основанное на оценке объективной необходимости в помощи данному лицу безотносительно к тому, поступает или не поступает от этого лица заявление о необходимости такой помощи и безотносительно к форме заявления. В двух первых случаях на осуществление такого поведения могут оказывать влияние различные факторы, непосредственно не относящиеся к объективной необходимости в помощи (например, субъективный выбор того, кто оказывает ее, форма обращения нуждающегося в ней и др.). Собственно поведением по оказанию помощи мы склонны считать лишь третий случай. Однако и в этом случае необходимы уточнения. Поведение по оказанию помощи может осуществляться под давлением обстоятельств, быть вынужденным, а может осуществляться оказывающим помощь добровольно, на основе собственного решения. Эти виды поведения отличаются один от другого прежде всего характером и способом использования и реализации социальных норм.

Мы не считали, что поведение по оказанию помощи является основным видом социального нормативного поведения, подлежащим изучению в данном исследовании. В центре нашего внимания были принятие нормативного решения и нормативное поведение в отношении лиц, заявляющих о своих притязаниях на привилегии в ситуации очереди. Однако в прожективной ситуации экспериментального задания были факторы, провоцирующие испытуемых осуществить поведение по оказанию помощи: наличие среди заявителей, а возможно, и среди других участников очереди (это подразумевалось, например, в задаче «активный выбор») лиц, объективно нуждающихся в том, чтобы им помогли, например, «большой», «очень пожилой человек» и т. д., лиц, обращавшихся с просьбой, и т. д. Отметим сразу, что последнее обстоятельство определило отношение большинства испытуемых к экспериментальному заданию в целом. Упоминание «просьбы» ориентировало большинство испытуемых на интерпретацию всего задания как задания «оказание помощи». Полностью подобная ориентировка отсутствовала или не вызвала соответствующего поведения лишь у группы испытуемых с «формально-эгалитарным» типом нормативного поведения (напомним

вопрос испытуемой № 62, не является ли это обследование изучением «поведения помощи»).

Показателями осуществления испытуемыми нормативного поведения, направленного на оказание помощи, мы считали позитивные и активные выборы категорий лиц, объективно нуждающихся в ней (к этим категориям мы отнесли такие, которые нами были расценены как «неконвенциональные» для данной выборки), а также лиц, объективная потребность которых в помощи могла предполагаться при учете некоторых дополнительных факторов (например, при доверии к обоснованиям таковой была категория «женщина, которую дома ждут дети», при доверии или наличии необходимых документов — категория «командированный», при учете фактора возраста — категория «пенсионер» и др.). Данные о позитивных и активных выборах этих категорий приводятся в табл. 12.

Таблица 12

Показатели поведения по оказанию помощи лицам, объективно нуждающимся в ней

Вид категории предпочитаемых лиц	Число выборов				
	общий	по всей выборке		мужчин	женщин
		активный	предпочтительный		
«Женщина с ребенком»	50	16	12	21	29
«Инвалид»	48	9	16	21	27
«Больной»	42	12	16	16	26
«Человек, которому в очереди стало плохо»	39	15	17	15	24
«Очень пожилой человек»	38	14	15	15	23
«Женщина, которую дома ждут дети»	29	2	2	10	19
«Человек, который не успевает»	13	—	1	5	8
«Иностранец»	10	—	—	6	4
«Уезжающий в этот день в командировку»	9	1	—	4	5
«Опаздывающий на свидание»	9	1	—	5	4
«Пенсионер»	6	1	1	2	4
«Командированный»	2	—	—	1	1

Мы видим, что число общих выборов, активных (предлагают сами испытуемые) и предпочтительных («выбор одного»), существенно различно по отношению к отдельным категориям лиц, объективно нуждающихся в помощи (категории с 1 по 5) и по отношению к тем, объективная нужда которых в помощи не очевидна, требует доверия, доказательства или учета дополнительных факторов (категории с 6 по 12). Особо отличны показа-

Таблица 13

Соотношение выборов лиц, объективно нуждающихся в помощи, и лиц, обращающихся с просьбой

Степень совпадения выборов	Выборы испытуемыми объективно нуждающихся и просящих	Число испытуемых		
		по всей выборке	мужчин	женщин
1-я	Выбирают все категории обеих групп	11	4	7
2-я	Выбирают «просящих», но не все категории объективно нуждающихся	15	6	9
3-я	Выбирают объективно нуждающихся, но не выбирают просящих	29	9	20

тели активного и предпочтительного выборов. Однако не менее существенно, что далеко не все испытуемые осуществляют общий, активный и предпочтительный выборы категорий лиц, объективно нуждающихся в помощи.

Мы предположили, что на актуализацию поведения по оказанию помощи оказывает влияние формулировка категории, в частности включение в нее упоминания о просьбе, а также введение категорий, исключительно определяемых «просьбой» (специальной категории «человек, который вас очень попросит»). Влияние фактора «заявленной просьбы» мы определили путем сопоставления выборов категорий, объективно нуждающихся в помощи, с выборами категорий «просящих». Полученное соотношение приведено в табл. 13.

Число испытуемых, выбирающих исключительно «объективно нуждающихся», вдвое больше, чем выби-

Таблица 14
Категории мотивов помощи

Мотив	Число мотивировок		
	по всей выборке	мужчин	женщин
Ссылка нуждающегося в помощи на свое физическое состояние	9	1	8
Уважительное отношение к принимающему решение со стороны просящего	7	3	4
Необходимость помогать ближним	5	3	2
Убедительные доказательства просителя	4	2	2
Необходимость оказания помощи, если проситель не обманывает	4	1	3
Собственное решение	4	2	2
Необходимость взаимной помощи	3	1	2
Идентификация с просящим	3	—	3
Жалость к просящему	3	1	2
Помощь как уступка (трудно отказать)	3	1	2
Чувство стыда (не помочь слабому!)	2	1	1
Зависимость от настроения	2	1	1
Правовая норма	2	1	1
Совесь	1	—	1
Необходимость понимания других, эмпатия, сострадание	3	1	2
Перенос отношения	1	—	1
Уважение к самому себе	1	—	1
Чувство стыда (отказать в просьбе!)	1	—	1
Устранение беспокойства	1	1	—
Привычка просителя получать помощь	1	—	1
Удовлетворение от оказания помощи другому	1	1	—

рающих и «просящих», и некоторых «объективно нуждающихся». Но число выбирающих «просящих» примерно равно числу тех, кто выбирает «объективно нуждающихся» (соответственно 26 и 29).

Для выявления специфики и закономерностей поведения по оказанию помощи необходимо было специально проанализировать высказывания, обоснования и мотивировки испытуемых, содержащиеся в 28 протоколах, которые были составлены 11 мужчинами и 17 женщи-

нами. При обработке данных мы выявили 21 категорию мотивов, используемых испытуемыми при обосновании поведения помощи. Некоторые испытуемые приводили различные мотивы (от двух и более). Мотивы приводятся в табл. 14.

Данные, приводимые в табл. 13 и 14, подтверждают нашу гипотезу о качественной неоднородности актов поведения, относимых обычно (в том числе и лицами, их осуществляющими и наблюдающими) к общему типу нормативного поведения по оказанию помощи. Наиболее отчетливо проявились различия в выборе лица, которому оказывается помощь, и в мотивировке поведения по оказанию помощи. Особенно наглядно эти различия проявляются в конкретных выборах и высказываниях испытуемых, при сопоставлении этих выборов, решений и обоснований в различных заданиях.

Испытуемый № 26 решающее значение при определении права заявителя на привилегию придает просьбе. Так, при «выборе одного» он отдает предпочтение лицу, «которое очень попросит». Обосновывая свое поведение, испытуемый сообщает, что он не может «отказать, если просят». При «выборе троих» он вводит свой собственный принцип ранжирования предпочитаемых лиц — «насколько сильно просит заявитель». Предпочтение отдается тому, кто: 1) «очень попросит»; 2) «так себе попросит»; 3) «просто попросит». Но тот же испытуемый «ни при каких обстоятельствах» не пропустит в первую очередь человека, «который стоит в очереди, говорит, что опаздывает, а прийти в другой раз не может». Испытуемый № 13 пропустит «любого, кто попросит похорошему». При «выборе одного» он отдает предпочтение «любому, кто способен человечно попросить». Испытуемый № 48 (психолог) при обосновании своего выбора в первой задаче указывает: «На меня может оказать влияние просьба или поведение, соответствующее просьбе. Причина: ориентация на помощь окружающим». Эту ориентацию на помощь окружающим испытуемый раскрывает в дальнейшем следующим образом: он пропустит «любого, кто попросит», но лишь «при оправданной просьбе». Испытуемая № 55 отмечает, что «пропустит любого в силу привычки уступать просьбе», хотя потом может «об этом сожалеть». Как бы ни были различны мотивировки испытуемых этой группы, общим

для них является ожидание и, более того, требование от заявителя просьбы. Складывается представление, что испытуемые этой группы оказывают помощь только в тех случаях, когда их об этом просят. Косвенным подтверждением наличия подобной группы служат данные о числе активных выборов тех или иных категорий предпочитаемых лиц. Число активных выборов по всей выборке по всем категориям колеблется от 16 до 1. Если учесть, что некоторые испытуемые делают не один, а несколько активных выборов, увеличивая тем самым общее количество последних, то, очевидно, что большое число испытуемых активных выборов не осуществляют вообще. Действительно, 25 испытуемых из всей выборки не делают активного выбора (9 мужчин и 16 женщин), т. е. не предлагают сами никому пройти без очереди, не предлагают и тем, кто объективно в этом нуждается. На основании данных, приведенных в табл. 13, можно сделать вывод, что $\frac{1}{5}$ испытуемых откликается лишь на просьбу и пропускает без очереди «того, кто очень просит», но не пропускает некоторых лиц, объективно в этом нуждающихся. Приведенные выше высказывания наводят на мысль, что для испытуемых этой группы представляется естественным и оправданным оказание помощи только при соответствующей просьбе.

Некоторые испытуемые настойчиво подчеркивают, что существенны форма и стиль просьбы. Так, испытуемый № 37 пропустит фактически любого, но «в зависимости от характера и стиля просьбы». Испытуемая № 3 отмечает: «Если человек вежливо попросит, почему бы не пропустить». Испытуемая № 7 пишет: «В первую очередь пропущу того, кто скромно просит, а не требует, чтобы его пропустили». Испытуемая № 11 пропускает просителя без очереди в том случае, если он «ведет себя не нахально». Изучение поведения этого типа показывает, что помимо просьбы испытуемые требуют от просителя проявления вежливости и уважения. Это требование оказывается условием оказания помощи. Подтверждением наличия такого типа поведения служит большое число мотивировок этого типа («уважительное отношение к принимающему решение со стороны просителя», всего 7 мотивировок). Таким образом, чтобы человек, объективно нуждающийся в помощи, мог рассчитывать на нее, необходимо, чтобы он попросил об этом

и попросил «уважительно». Признавая значение вежливого обращения, мы все-таки вынуждены отметить, что в подобных случаях помощь оказывается как милостыня. Испытуемые этой группы считают, очевидно, себя вправе отказывать в помощи нуждающемуся, если он не соблюдает некоторых условий (пусть эти условия и являются элементарными требованиями общежития). Мы вынуждены признать, что в подобных случаях они оказываются центрированными на себе, на своем чувстве достоинства, на своем Я, а не на объективных нуждах других. Примером такой ориентации служит оказание помощи во имя собственного спокойствия и удобства. Испытуемый № 14 заявляет, что пропустит того, кто «очень попросит», и объясняет свой отклик на просьбу так: «Не люблю нытья». Подобная позиция проявляется и в виде запрещения, предписания некоторым категориям «не обращаться в определенных условиях с подобными просьбами» (испытуемая № 45).

Прямой противоположностью этого типа поведения является оказание помощи на основе эмпатии, «необходимости помогать ближним», «необходимости понимания других», «по совести». Испытуемая № 76, оценивая категорию «любой, кто попросит», отмечает: «Если у меня есть совесть — пропущу, надо понимать других». Общее число мотивировок в этой категории 9. При этом мы не учитывали данные испытуемых, осуществляющих поведение альтруистического типа, основанное на абсолютных нормах (6 человек).

Определенная часть испытуемых основное значение придавала эмотивно-оценочным факторам. Мы отнесли к этой группе тех, кто обосновывал оказание помощи мотивами сострадания, стыда, удовольствия, а также согласием с правовыми нормами. Испытуемые этой группы явно ориентировались либо на анонимную и обобщенную оценку своих действий окружающими (правовая норма как мотив: «необходимо помогать, раз эти лица имеют право на помощь» и т. д.), т. е. фактически на социальные санкции, либо на внутренние оценочные процессы — интернализированные социальные санкции за нарушение нормы («стыдно отказывать в просьбе» и т. п.). Решающим фактором и в том, и в другом случаях оказывается ориентация на социальные санкции.

Хотя представители всех трех групп и принимают осознанное решение и расценивают свое поведение как поведение помощи, но осуществляемое ими поведение лишь условно может быть отнесено к этой общей категории социального поведения. Однако, говоря словами М. А. Булгакова, «и милосердие иногда стучится в их сердца...»

4. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ НОРМЫ ОЧЕРЕДНОСТИ И ПОВЕДЕНИЯ В ОЧЕРЕДИ

При выполнении заданий испытуемые обычно не выражали сомнений в адекватности формулировок экспериментального задания в отношении норм очередности и привилегий. Однако некоторые вносили в эти формулировки свои «коррективы». Испытуемый № 19 высказал удивление по поводу формулировки «просьбы» заявителя. Он пишет: «Не могу пропустить без очереди, могу лишь уступить свою очередь». Эту формулировку он использует и при решении последующих задач («уступаю свою очередь родственнику» и т. д.). Отметим, что испытуемый (аспирант) проживает в Москве лишь немногим более года. Аналогичная трансформация нормы имплицитно содержится в решении испытуемой № 76 относительно «человека, которого рекомендует пропустить администратор». Она предлагает «администратору» занять очередь самому и затем «передать» ее этому «рекомендуемому». Эта испытуемая также не является коренной жительницей Москвы и бывает в Москве у своих родственников. Поскольку ни у кого из остальных испытуемых мы не встретили подобных модификаций норм очередности и привилегий, мы предполагаем, что эта модификация отражает воздействие этих норм, принятых в других районах, т. е. является перенесением в экспериментальную ситуацию усвоенных норм региональной субкультуры. С подобным переносом мы столкнулись лишь в связи с формулировкой самих норм очередности и привилегий. Предполагаемое воздействие норм субкультуры не отразилось на выборах и предпочтениях, оказываемых представителям тех или иных категорий (в частности, на выборах категории «приезжий», «командированный» и др.).

Некоторые испытуемые считали необходимым высказать свое отношение к очереди и к мнению ее участников. Эти высказывания можно расположить в континууме, крайними полюсами которого являются следующие оценки.

1. Мнение других участников очереди активно отвергается или не принимается в расчет. Испытуемая № 57 пишет: «Меня мало волнует согласие очереди. Пропущу того, кого захочу, и постараюсь прекратить шум». Испытуемый № 16 в задаче на определение мнения других участников очереди отвечает: «Никак не полагаю, мне все равно». Испытуемый № 49: «О мнениях не сужу — такой характер».

2. Мнение других участников очереди и очереди в целом признается решающим и единственным основанием выбора. Испытуемый № 19 разделяет сферы возможных решений, находящихся «в ведении» очереди и его самого. Сам он «может лишь уступить свою очередь», а «очередь решает», кого пропустить. Испытуемый № 23 в устном высказывании после общего ознакомления с задачами отмечает, что «он ничего сам решить не может, решает лишь очередь». В его ответах отчетливо проявилась тенденция снять с себя какую-либо ответственность за выборы. Так, в частности, он использует правовые нормы для обоснования выборов, подчеркивая, что «он согласен», но не сам делает эти выборы. Правовые нормы привлекаются этим испытуемым и для обоснования введенных дополнительных категорий предпочитаемых лиц — «человек с внушительными документами — депутат Верховного Совета или Герой Советского Союза». Таким образом, вся задача трансформируется испытуемым в задачу поиска соответствующих правовых норм или норм, реализуемых «очередью», но не им самим. Свою роль он видит лишь в выражении «согласия» с реализацией этих норм. Тенденция передать «очереди» большую часть ответственности за выборы особенно отчетливо проявилась в решениях рядом испытуемых задач второй серии заданий.

У части испытуемых наблюдались «ретритистские тенденции» в отношении к очереди. Испытуемые предпочитали «уйти», «прийти в другой раз», «поискать другое фотоателье» и даже «уехать в другой город» (общая мотивировка отказа выполнить задание у испытуемого

№ 78). Испытуемые, которые не отказывались выполнить задание, но давали в некоторых задачах «ретритистские ответы», делали это обычно в тех случаях, когда не могли, по их собственному мнению, реализовать принятый ими способ поведения. Так, испытуемый № 46, осуществивший «формально-эгалитарный способ поведения», предпочитает «уйти» из очереди, если придется хоть кому-то отдать предпочтение.

В отношении к очереди испытуемые проявляли своеобразные «охранительные» тенденции. Испытуемый № 14, например, отмечает, что пропустит без очереди того, кто «отравляет существование всей очереди (дурнопахнущий, скандалист и т. д.)». К этому типу реакций можно отнести и стремление большинства членов очереди «оградить» очередь от внешнего влияния, в частности от вмешательства администрации. Эта тенденция проявилась, как мы полагаем, по крайней мере отчасти, в негативном выборе категории «человек, которого рекомендует пропустить администратор» (по числу негативных выборов — 22; эта категория заняла первое место среди «отвергаемых»). Во второй серии задач при определении согласия или несогласия с высказываниями типа «очередь сама решает, кого пропустить», «очередь всегда права — как решит, так и должно быть», «никто не имеет права указывать очереди, очередь сама разберется» тенденция отстаивания прав очереди и отклонения внешнего вмешательства, переводящего массовое поведение в «организованное», проявилась еще более отчетливо.

При решении испытуемыми заданий по определению мнений других участников очереди наблюдались тенденции, которые следует рассмотреть специально.

При ознакомлении с данными относительно выборов, которые, по мнению испытуемых, не вызывали бы возражений большинства участников очереди, и выборов, которые, по мнению испытуемых, не были бы одобрены большинством участников очереди, становится очевидным, что испытуемые с различной степенью адекватности и полноты оценивают «согласие» и «несогласие» других участников очереди. Оценки неконвенциональных категорий («очень пожилой человек», «больной», «инвалид») не вызывают сомнения у значительной части испытуемых, отмечающих, что большинство участни-

ков очереди были бы согласны, если бы испытуемые пропустили без очереди представителей этих категорий. Одобрение других выборов отмечается крайне редко. Отметим, что пять конвенциональных категорий были бы одобрены другими участниками очереди (по мнению 16—18 испытуемых). Все прочие категории, отмеченные в этом задании (например, «родственник», «иностранец», «приятель», «молодожены» и т. д.), получили бы одобрение, по мнению лишь одного-двух испытуемых. Ни одна из категорий, не одобряемых другими участниками очереди, не набрала столько же выборов, сколько неконвенциональные категории, с которыми «выражалось бы согласие». Больше всего испытуемых (10) полагали, что другие участники очереди возражали бы, если бы испытуемые пропустили «молодого человека с длинными волосами». Следует признать, что это наиболее неодобряемый тип «заявителя», что, несомненно, связано с актуальной негативной установкой в отношении лиц этой категории, широко распространенной в обследуемой популяции. 6 испытуемых отметили, что очередь будет возражать, если они пропустят «любого, кто попросит».

Мы полагаем, что в этом проявилось знание испытуемыми тенденции участников очереди подходить дифференцированно к заявителям на право привилегии в отношении норм очередности. Остальные категории, отмеченные испытуемыми в этом задании, получили от одного до четырех выборов. При этом следует отметить, что число таких категорий значительно превосходит число категорий, отмечаемых испытуемыми в случае определения согласия очереди (соответственно 22 и 8). На основании этих данных мы предполагаем, что испытуемые оказались в целом более осведомлены о нормах, принятых участниками очереди в отношении «одобряемых» заявителей и прежде всего в отношении одобрения притязаний лиц, включенных в неконвенциональные категории, чем в отношении «отвергаемых» категорий лиц. Испытуемые, как оказалось, лучше знают, кого можно пропустить и кого согласно пропустить большинство участников очереди, чем тех, кого большинство участников очереди запрещают пропускать. В этом мы видим некоторое несоответствие распространенному представлению о том, что люди лучше знают и осознают запретительные нормы, чем нормы одобряющие.

Это положение подтверждают данные анализа совпадений (1) предпочтительных выборов самих испытуемых и их представлений о выборах, одобряемых большинством участников очереди, и (2) негативных выборов испытуемых и их представлений о выборах, одобряемых большинством участников очереди. Мы подсчитали (1) общее число протоколов, в которых испытуемые сами выбирают (в задаче «выбор троих») тех же лиц, которых, по их мнению, одобряют другие участники очереди, (2) общее число протоколов, в которых наблюдается несовпадение этих выборов по одной или двум категориям лиц, и (3) число протоколов, в которых испытуемые сами предпочитают привилегии одних категорий лиц, а другие участники очереди, по мнению этих испытуемых, предпочитают и одобряют привилегии других категорий. Аналогичный расчет был сделан и в отношении совпадения негативных выборов испытуемых и их представлений о негативных выборах других участников очереди. Результаты приводятся в табл. 15 и 16. (Следует отметить, что не все испытуемые выполняли задание по определению мнения участников очереди, так что число обработанных протоколов меньше чем 76.)

Дополнительно подсчитывались протоколы, в которых испытуемые отмечали: (1) большее число предпочтительных выборов, чем число выборов, одобряемых очередью (пять протоколов во всей выборке), и (2) большее число не одобряемых очередью выборов, чем собственно негативных выборов (14 протоколов во всей выборке).

Как показывают данные, приведенные в табл. 15 и 16, при сопоставлении собственных предпочтительных выборов испытуемых и их представлений о выборах, одобряемых другими участниками очереди, полное совпадение наблюдается в подавляющем числе случаев (по всей выборке у 21 испытуемого отмечено полное совпадение и лишь у 5 — полное несовпадение). Соотношение негативных выборов испытуемых и их представлений о выборах, не одобряемых очередью, обратно пропорционально указанному выше (полное совпадение лишь у 6 испытуемых, а полное несовпадение — у 17). Еще более значительны показатели общего числа совпадений (хотя бы одного выбора) в первом случае (у 39 испы-

Таблица 15

Соотношение собственных предпочтительных выборов испытуемых и их представлений о выборах, одобряемых большинством участников очереди

Степень совпадения	Характер соотношений	Число испытуемых		
		по всей выборке	мужчин	женщин
1-я	Полное совпадение	21	14	7
2-я	Совпадение двух выборов	11	5	6
3-я	Совпадение одного выбора	7	4	3
4-я	Полное несовпадение	5	1	4

Таблица 16

Соотношение собственных негативных выборов (отказов) испытуемых и их представлений о выборах, не одобряемых большинством участников очереди

Степень совпадения	Характер соотношений	Число испытуемых		
		по всей выборке	мужчин	женщин
1-я	Полное совпадение	6	3	3
2-я	Совпадение двух отказов	3	2	1
3-я	Совпадение одного отказа	3	1	2
4-я	Полное несовпадение	17	8	9

туемых) и общего числа совпадений (хотя бы по одному) негативных выборов (у 12 испытуемых). Следует добавить, что число испытуемых при выполнении этого задания, отмечающих лишь «согласие» участников очереди, значительно превышает число испытуемых, отмечающих как «согласие», так и «несогласие» или только «несогласие». Отметим также проявившееся различие в показаниях у мужчин и у женщин. При сопоставлении собственных предпочтительных выборов испытуемых и их представлений о выборах, одобряемых участниками очереди, у 14 мужчин было зафиксировано «полное совпадение» выборов и лишь у 1—«полное несовпадение».

У женщин соответственно «полное совпадение» у 7, а «полное несовпадение» у 4 (т. е. колебания не представляются значительными). Подобных различий не наблюдается при определении соотношения собственных негативных выборов испытуемых и их представлений о выборах, не одобряемых участниками очереди. Более того, в этих случаях показатели на редкость однородны. Можно предположить, что мужчины лучше осведомлены о нормах, более адекватно интериоризировали нормы, принятые в данной популяции в отношении привилегий, одобряемых большинством членов популяции, тогда как и мужчины, и женщины в равной мере не осведомлены о нормах отклонения притязаний заявителей на право привилегий.

Можно было бы предположить, что неосведомленность или несогласованность мнений испытуемых о негативных выборах других участников очереди (и, как говорят испытуемые, «очереди» в целом) обусловлена большей неопределенностью и меньшей жесткостью норм, приписываемых испытуемыми другим участникам очереди при определении негативного выбора. Мы попытались проверить это предположение. Как показали данные, значительное число испытуемых склонно приписывать другим участникам очереди и «очереди» в целом более жесткие нормы, чем те, которыми они руководствуются сами. Типичный ответ в этих случаях: «Я-то пропущу, но очередь будет возражать».

Ужесточение норм отказа, приписываемых испытуемыми другим участникам очереди и «очереди» в целом, осуществляется по разным показателям. Часть испытуемых отмечают, что «очередь не пропустит никого». Испытуемый № 48 пишет, что очередь не будет согласна «ни с одним выбором». Испытуемый № 30: «Очередь будет согласна с любым моим отказом». Испытуемый № 13: «Очередь согласится со всеми отказами». Испытуемая № 60: «Иногда ни с какими выборами очередь не соглашается». Испытуемая № 34: «Очередь будет согласна со всеми моими отказами. Все бы возражали против всех». Мы специально привели эти высказывания, чтобы продемонстрировать удивительное единообразие мнений испытуемых этой группы. Фактически эти испытуемые приписывают очереди «формально-эгалитарный» тип поведения, хотя сами обычно не осуществляют такого

поведения и такая тенденция не наблюдается в решениях и выборах у большинства испытуемых этой группы. Представители же «формально-эгалитарного» типа поведения либо не отвечают на вопросы о мнении других участников очереди, либо склонны «разоблачать» их (испытуемый № 15, во всех заданиях, отказываясь кого-либо пропустить, пишет: «В глубине души все были бы согласны с моим решением»). Подчеркнем, что все испытуемые этой группы рассматривают очередь как «целое». Можно предположить, что мы имеем дело со своеобразным аналогом феномена «сдвиг по риску»: испытуемые, проявляя каждый в отдельности различные тенденции в нормативных решениях, приписывают и ожидают от очереди в целом иной реакции, чем от отдельных участников очереди, по крайней мере от себя, причем более жесткой реакции.

Некоторые испытуемые определяют ужесточение норм, принятых очередью, путем сопоставлений их с реализуемыми ими самими нормами. Типичный ответ в случае — указание в разделе «согласия» большинства участников очереди некоторых своих выборов и в разделе «несогласия» пометки «всех остальных». Другой вариант ответа — приписывание очереди «своих негативных выборов и указание на то, что очередь, возможно, будет возражать и «против всех остальных». Испытуемый № 65 «ни при каких обстоятельствах» не пропустит «человека, желающего заказать свой художественный фотопортрет», «молодого человека с длинными волосами» и «человека своего возраста». Эти негативные выборы он воспроизводит и в разделе «возражений очереди» и добавляет: «Я, возможно, возражал бы и против всех остальных». Ужесточение предполагается и по принципу отклонения целых категорий, причем не тех, которые вводились в экспериментальном задании. Так, испытуемая № 76 отмечает, что очередь возражала бы против «молодежи», «мужчин» и «стоящих в очереди последними». Часть ужесточений идет по линии приписывания очереди более объективных критериев отказа, чем те, которыми пользуется сам испытуемый. Испытуемый № 52, например, в задаче «негативный выбор» отмечает, что «нет таких» лиц, которых бы он не пропустил ни при каких обстоятельствах, но при определении мнения участников очереди высказывает предполо-

жение, что «очередь» не одобрила бы выбор «любого знакомого» и «других равноценных очередников».

Особый интерес представляют, на наш взгляд, случаи, которые мы обозначили как «зеркальные выборы». Испытуемые, осуществляющие такие выборы, отдают предпочтение категориям лиц, которых они сами расценивают как «отвергаемых» другими участниками очереди. Всего таких случаев было 10: испытуемый № 20 сам пропустил бы «соседа по дому», но считает, что очередь будет возражать; испытуемый № 71 не только вносит в ряд предпочитаемых, но и активно выбирает категорию «мой учитель», но отмечает, что «очередь» будет возражать; испытуемая № 11 активно выбирает «пожилого человека», но заявляет, что «очередь» будет возражать; испытуемая № 45 аналогично отмечает выбор «учительницы своего ребенка» и т. д. Примечательно, что некоторые испытуемые убеждены, что очередь откажет даже представителям «неконвенциональных» категорий. Так, испытуемая № 47 считает, что очередь не пропустит «беременную женщину» (сама она вносит эту категорию в список и активно выбирает); испытуемая № 73 считает, что очередь не пропустит «пожилого человека». Отметим, что среди испытуемых, приписывающих очереди жесточение норм, большая часть не проявляет в своем собственном поведении тенденций к жесточению и не включена в группу испытуемых, осуществляющих нормативное поведение, основанное на жесточении норм. Испытуемые, осуществляющие «зеркальные выборы», не расценивают свои собственные выборы как субъективные, наоборот, у них наблюдается тенденция обосновывать свои выборы абсолютными нормами. Очевидно, и в этом случае восприятие очереди «как целого» заставляет испытуемых приписывать «очереди» более жесткую линию поведения, включая даже нивелирование преимуществ «неконвенциональных» категорий.

Иной мы считаем тенденцию некоторых испытуемых приписывать очереди согласие с их собственными выборами. Общим для испытуемых этой группы является убежденность, что «очередь» будет согласна с их выборами. Испытуемых, делавших такие заявления и не выражавших сомнения в выборах «очереди», было 8. Убежденность проявляется в подчеркивании испытуе-

мыми этой группы мнения о том, что «очередь» согласится со «всеми» их выборами (буквально такая формулировка дается испытуемыми № 13 и 17) в инверсии высказываний с расстановкой акцентов («С моими бы выборами очередь согласилась»,— пишет испытуемая № 59), в том, что испытуемые этой группы подчас ограничиваются указанием на согласие очереди с их выборами. Вряд ли можно оценить эти ответы только как неадекватное представление и частичную неосведомленность о нормах, принятых другими участниками очереди. Все испытуемые этой группы относят к предпочитаемым ими самими (и соответственно «очередью») не только неконвенциональные категории, но и категории, которые они выбирают на основании собственных склонностей, предпочтений, личностных норм. Естественно, эти категории различны у испытуемых данной группы: испытуемый № 18 выбирает сам и отмечает согласие «очереди» с предпочтением категории «молодожены, желающие сделать свадебную фотографию»; испытуемый № 24 выбирает сам категорию «иностранец» и приписывает безусловное согласие с этим его выбором «очереди»; испытуемая № 59 включает в число предпочитаемых «женщину, которую дома ждут дети»; испытуемый № 17—«человека, который пропустил очередь», и т. д. Можно предположить, что неадекватность представлений испытуемых этой группы о нормах, принятых другими участниками очереди, скорее связана с «центрированием на себе», с некоторыми авторитарными и компенсаторными установками данных испытуемых.

Если предположить, что испытуемые нашей выборки могут оказаться среди большинства участников очереди, мнение о реакции которого должны были сообщить испытуемые, то фактически никто из испытуемых не смог выделить какую-либо из существенных тенденций и особенностей нормативного поведения, выявленных в результате обработки протоколов исследования. Следует предположить, что эти особенности, закономерности и специфика нормативного поведения недостаточно полно и адекватно воспринимаются (и тем более осознаются) участниками нормативной ситуации.

5. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Как мы уже отмечали, основными задачами данного исследования были отработка, апробация и реализация методики экспериментального изучения закономерностей нормативного поведения и специфики социальных норм, которую мы обозначили как «метод нормативных задач». Мы считаем, что проведенное исследование, результаты которого изложены выше, убедительно показали пригодность и адекватность разработанной методики для выявления основных закономерностей нормативного поведения и выявления специфики социальных норм, распространяющихся на обследуемую ситуацию и реализуемых испытуемыми в данной ситуации. Мы полагаем, что методика нормативных задач может быть использована при обследовании нормативного поведения и действующих социальных норм в широком классе ситуаций, в отношении которых возможно их прожективное моделирование в задаче, решение которой требует от испытуемых привлечения различных социальных норм в качестве критерия выбора и основания для решения. Методика может быть использована на выборках различной величины и различного состава.

Разумеется, необходимо провести ряд исследований по этой методике с наборами и вариантами нормативных задач и на различных выборках испытуемых. В качестве перспективы проведенного исследования укажем на возможность обследования более статистически достоверной выборки и выборок по различным объективным показателям — возрастных, половых, профессиональных и региональных групп. Представляет особый интерес выявить степень представленности выделенных типов нормативного поведения в более широкой популяции и в различных выборках.

Представляются необходимыми большая формализация и количественная спецификация приемов обработки и критериев оценки типов решений и обоснований, осуществляемых испытуемыми. Мы полагаем, что методика позволяет применить математические приемы сбора, кодирования и обработки основной информации. Возможен также математический расчет вариантов задач и ответов испытуемых. Применение математической про-

граммы кодирования и обработки первичной информации позволит, на наш взгляд, провести панельные исследования и обследования больших выборок.

Наряду с разработкой математической программы обеспечения подобного исследования следует уделить внимание формализованным приемам обработки качественной содержательной информации. При этом мы возлагаем особые надежды на метод контент-анализа данных и высказываний испытуемых, а также на средства информатики и семиотики.

Подбор нормативных задач позволит подобным путем изучать нормативное поведение и действующие социальные нормы в ситуациях и областях, где знание о формах и закономерностях нормативного поведения и действующих нормах имеет практическое значение, например, в сфере воспитания и социального и нравственного развития личности, в условиях производственной деятельности, в различных сферах социального поведения и т. д.

Использование традиционного для общей психологии экспериментального приема — решения задачи испытуемым — при изучении закономерностей нормативного поведения позволит использовать данные общей психологии при раскрытии основных социально-психологических особенностей нормативного поведения.

Наряду с решением методологических и методических задач при проведении исследования мы ставили себе целью сбор информации о некоторых закономерностях нормативного поведения, действующих социальных нормах и проверку некоторых гипотез, сформулированных ранее на теоретическом уровне. В целом мы можем сказать, что и эта цель фактически достигнута в данном исследовании.

Материал исследования подтверждает основные общие гипотезы относительно закономерностей нормативного поведения, привлекавшиеся в данном исследовании. На основании экспериментальных данных мы можем в общих чертах описать следующие особенности и закономерности нормативного поведения.

В ситуации, на которую распространяется действие выработанных обществом, общностью, различными группами социальных норм и где от испытуемых требуется осуществление поведения с учетом этих норм, люди

обычно испытывают побуждение осуществлять нормативное поведение, следовать тем или иным социальным нормам и представлять другим участникам ситуации свое поведение как нормативное и нормативно обусловленное. При этом такое побуждение практически никогда полностью и адекватно не осознается испытуемыми без специального указания им на этот факт или без каких-либо иных дополнительных средств воздействия. Испытуемые сознательно не ставят себе цель следовать каким-то определенным нормам или вообще нормам, не оценивают сами свое поведение как нормативное, но в своем поведении всегда преследуют именно эту цель и обосновывают свое поведение как нормативное. Решение нормативной задачи может протекать в «свернутой» (когда испытуемые сразу дают нормативное решение) или в «развернутой» форме (когда процесс выработки решения, оценки нормативных вариантов и обоснований экстериоризирован). Решающим фактором, оказывающим влияние на форму решения и на сам факт нормативного обоснования, является общение и включение испытуемым в ситуацию решения нормативной задачи других лиц как участников такого решения; при этом лица, участвующие в общении по поводу решения нормативной задачи, наделяются различными ролями и ролевыми ожиданиями, т. е. им фактически также предписывается определенное нормативное поведение. Нормативное обоснование легче дается испытуемым именно в процессе такого общения.

Экспериментальные данные показывают, что все без исключения испытуемые были в состоянии выполнить нормативную задачу, привлечь и использовать те или иные социальные нормы, релевантные нормативной ситуации, описанной в задаче. Хотя испытуемые практически не осознают свое поведение как нормативное и не оценивают свои решения как решения, принимаемые на основе тех или иных социальных норм, экспериментальные данные показывают, что испытуемые фактически в состоянии использовать огромное число социальных норм, связанных с условиями экспериментальной задачи имплицитно. Необходимые испытуемым нормы могут актуализироваться в их сознании, что отображается в нормативных суждениях и обоснованиях выборов. Но испытуемые, и не вербализируя нормы, следуют им в

своем поведении. Образно говоря, «обыденное сознание» заполнено многообразными социальными нормами либо в актуальной, либо в потенциальной форме. Актуализация этих норм — вербальная или поведенческая — осуществляется по особым законам и под влиянием ряда факторов.

Экспериментальные данные позволяют нам предположить, что наиболее существенными факторами, способствующими актуализации тех или иных социальных норм, релевантных нормативной ситуации задачи, являются факторы прошлого опыта, биографии, процесса развития человека, его социального и нормативного опыта, факторы личных ситуативных обстоятельств и особенностей психического состояния, социального положения и возможностей испытуемых, а также усвоенные или лично выработанные ими общие принципы и установки нормативного поведения, проявляющиеся в типах и видах нормативного поведения и в тенденциях осуществления нормативного поведения по тому или иному типу.

Выделение типов нормативного поведения и тенденций реализации не разнородных и разнокачественных нормативных ответов, а ответов, укладывающихся в общие схемы того или иного типа, мы считаем одним из основных экспериментальных результатов данного исследования. То, что поведение испытуемых строится по тому или иному определенному типу, что в поведении всегда можно выделить ту или иную тенденцию следования типу (даже при наличии у одного и того же испытуемого нескольких тенденций), мы считаем показателем внутренней закономерности нормативного поведения, осуществляемого данной личностью, проявлением связности поведения, его устойчивости, консистентности, что, по сути дела, является проявлением связности, устойчивости, консистентности личности и отображением ее свойств и особенностей на поведенческом уровне.

Экспериментальные данные показали, что наиболее типично для испытуемых использование социальных норм как основания, критерия для выбора и оценки альтернативных вариантов и именно в тех ситуациях, где другие, ненормативные критерии неадекватны. Мы считаем эту характеристику одной из основных при опреде-

лении социальных норм. Она может быть использована в социальной психологии при изучении социально-психологических закономерностей нормативного поведения и действующих социальных норм.

Одним из проявлений этой специфики нормативного поведения и решения нормативной задачи мы считаем отмеченный в исследовании факт представления испытуемым нормативной задачи различной трудности. Испытуемые, которые отмечали, что выполнение задания дается им легко, быстро осуществляли один из отмеченных в исследовании типов нормативного поведения без особых отклонений от его предельной идеальной формы, т. е. фактически действовали закономерно, по шаблону, давая однотипные ответы. В некоторых случаях, особенно в намеченных как «идеальные» первых двух типах поведения, испытуемые вообще действовали так, как будто не воспринимали ситуацию как задачу. Они не решали задачи, а на основе своих систем норм просто приходили к нормативным решениям по типу предписанных им общих норм поведения в обширном классе ситуаций, к которым они относили и предъявленную нормативную задачу. Наибольшие затруднения испытывали лица, для которых экспериментальное задание оказывалось действительной задачей, ответ на которую не был ясен с самого начала или не казался бесспорным. Именно в поведении таких испытуемых наблюдались сложное нормативное оценивание, взвешивание вариантов, сомнения, а то и конфликт различных систем норм. И тем не менее даже эти испытуемые оказывались в состоянии решить нормативные задачи лишь в том случае, если избрали тот или иной тип решения.

При осуществлении нормативного поведения испытуемыми в ходе экспериментального исследования были выделены некоторые специфические психологические и социально-психологические феномены, например, идентификация, эмпатия, перенос отношений, доверие, зеркальность восприятия и др. Были получены также данные о специфических закономерностях ряда специальных видов поведения, например, поведения по оказанию помощи, массовидных и организованных форм поведения и их соотношения, поведения людей в очереди и др. Детально эти вопросы рассматриваются нами в настоящей монографии.

В заключение нам хотелось бы сказать несколько слов о прикладном значении работы в данной области.

Усвоение человеком основных социальных норм общества, общности и группы, следование этим нормам в своем поведении, оценка ситуаций и своего поведения и поведения других лиц с позиций этих социальных норм фактически превращают личность в субъект социального отношения, поведения, деятельности. В силу этого изучение любых проблем социального поведения должно включать в качестве важнейшей части изучение нормативной основы поведения.

Одним из важнейших видов социального поведения человека является его поведение как члена той или иной общественной, производственной, политической, добровольной и другой организации. Изучение организационного поведения как поведения нормативного, как принятия и следования человеком в своем поведении институционализированной и неформальной системы норм данной организации является в настоящее время одним из важнейших объектов изучения и в социологии, и в социальной психологии.

Не менее существенной представляется проблема воспитания гражданских свойств личности, воспитания человека нового, коммунистического общества. Важнейшим участком воспитательной работы является формирование необходимой системы социальных норм и их превращения во внутренние регуляторы поведения личности, а также формирования на их основе действенной системы личностных норм.

Поэтому педагогическая психология и психология развития и воспитания не могут пройти мимо разработки проблем, связанных с социальными нормами.

В решении проблем воспитания имеют большое значение формирование и использование системы массовой информации и коммуникации, средства которой должны способствовать, равно как и вся сфера искусства, средства пропаганды и агитации, распространению и формированию действенных социальных норм общества. Нацеливание их на эти задачи — важная функция социальной психологии.

Разработка психологических механизмов действия социальных норм имеет большое значение для сферы управления. Любое управление является каналом, по

которому управляющие воздействия, в том числе и социальные нормы, доводятся до конкретных участников производственных коллективов. Эффективность управляющих воздействий зависит во многом от использования знаний о закономерностях нормативного поведения человека, закономерностях принятия им норм и следования им в своем поведении.

Традиционной и очень важной в социальном плане является в этой области проблема отклоняющегося поведения, вненормного, аномального и противонормного поведения некоторых лиц и групп в обществе. Разработка мер по предупреждению отклоняющегося поведения и средств его коррекции возможна лишь на основе детального знания механизмов действия норм и механизмов отклоняющегося от норм поведения. Дифференциация правовых, нравственных и собственно социальных «структурных» норм, проводимая в данной работе, должна, на наш взгляд, способствовать дальнейшему углубленному анализу механизмов действия этих систем норм, их специфики и выработки критериев их оценки.

Проблема изучения социальных норм и основных психологических отношений непосредственно связана с анализом нравственных отношений в обществе. Одним из важных разделов этой работы является выработка основ для возможных рекомендаций при формировании сводов правил и кодексов этических, нравственных отношений в различных сферах общественной жизни. В частности, в последнее время чрезвычайно большое внимание уделяется разработке так называемой производственной этики, этики бытовых отношений и т. д. Выработка норм, регулирующих отношения людей в этих сферах, должна опираться на научную и прежде всего социально-психологическую разработку закономерностей нормативного поведения.

Таковы далеко не все области практического применения данных, которые обязана получить социальная психология в отношении самих социальных норм и закономерностей их действия на психологическом уровне.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава первая	
Социальные нормы как средства социальной регуляции поведения	7
1. Социальные нормы — регуляторы социальных взаимодействий людей	8
2. Основные характеристики норм и специфика нормативности	41
3. Функции социальных норм	61
Глава вторая	
Методологические и теоретические проблемы психологического изучения социальных норм и нормативной регуляции поведения	79
1. Проблема психологического изучения внутреннего мира личности	79
2. Личность и социальные нормы	88
3. Репрезентация социальных норм в сознании	100
4. Нормы и мотивационная система личности	120
5. Групповые нормы и групповое взаимодействие — условия нормативной перестройки личности	140
Глава третья	
Модели и методы эмпирического изучения социально-психологических закономерностей нормативного поведения	159
1. Источники и характер информации о социальных нормах и механизмах их действия	160
2. Модель эмпирического изучения нормативного поведения. Гипотезы. Наблюдения	181
Глава четвертая	
Экспериментальное изучение нормативного поведения	220
1. Испытуемые. Задачи и инструкции	222
2. Типы и закономерности нормативного поведения	235
3. Поведение по оказанию помощи	286
4. Специфические нормы очередности и поведения в очереди	294
5. Некоторые итоги и перспективы исследования	304

Маргарита Исидоровна
Бобнева

**Социальные нормы
и регуляция поведения**

Утверждено к печати
Институтом психологии
Академии наук СССР

Редактор Н. М. Дмитриева
Художественный редактор И. К. Капралова
Технический редактор Р. М. Денисова
Корректор Л. И. Карасева

ИБ № 4098

Сдано в набор 30/IX 1977 г.
Подписано к печати 6/II 1978 г.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1.
Усл. печ. л. 16,38. Уч.-изд. л. 17,0. Тираж 10700 экз.
Т-04147. Тип. зак. 4742. Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Наука»
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а.
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10.

1 р. 10 к.

